

ОШО

Радость. Счастье, которое приходит изнутри

В своих беседах Ошо рассказывает о том, как жить радостной, счастливой жизнью день за днем, и призывает по-новому взглянуть на то, что такое радость в жизни человека.

В обществе, мораль которого основана на неизбежности страдания, он говорит: «Мой подход — для тех, кто действительно дерзает, кто готов поставить на карту все, для сорвиголов, которые готовы изменить весь свой образ жизни».

Для широкого круга читателей.

Предисловие

Позвольте мне сначала рассказать вам небольшой анекдот.

— *Мой доктор настоял, чтобы я к вам пришел, — сказал пациент психиатру. — Бог его знает, почему: я счастлив в браке, у меня стабильная работа, много друзей, никаких забот...*

— *Гм-м, — сказал психиатр и протянул руку за записной книжкой. — И давно это у вас?*

В счастье невозможно поверить. Кажется, человек не может быть счастливым. Если говорить о депрессии, грусти, несчастье, поверят все — это кажется естественным. Но если говорить о счастье, вам никто не поверит — оно кажется неестественным.

Зигмунд Фрейд сорок лет исследовал человеческий ум — работая с тысячами людей, наблюдая тысячи умов с нарушениями — и пришел к заключению, что счастье является вымыслом: человек не может быть счастливым. Самое большее, мы можем сделать жизнь немного более комфортной, вот и все. Самое большее, мы можем сделать так, чтобы несчастья стало немного меньше, вот и все — но счастье? Такого с человеком не бывает.

Выглядит очень пессимистичным... но, если посмотреть на человечество, кажется, все точно так и есть, что это факт. Несчастливы только человеческие существа. Где-то глубоко внутри у них что-то не в порядке.

Но я вам говорю, опираясь на собственный опыт: человеческие существа *могут* быть счастливыми, могут быть счастливее птиц, могут быть счастливее деревьев, могут быть счастливее звезд — потому что человеческие существа обладают чем-то таким, чего нет ни у одного дерева, ни у одной птицы, ни у одной звезды. Они обладают сознанием.

Но, если есть сознание, возможны две альтернативы: вы можете стать или счастливыми, или несчастными. Это ваш выбор. Деревья счастливы просто потому, что не могут быть несчастными. Их счастье — это не их свобода; им *приходится* быть счастливыми. Они не умеют быть несчастными; у них нет никакой другой альтернативы. Птицы, щебечущие в ветвях деревьев, счастливы не потому, что решили быть счастливыми, — они счастливы просто потому, что не умеют жить никак по-другому. Их счастье бессознательно; оно просто в их природе.

Человеческие существа могут быть безмерно счастливы и безмерно несчастны — и они свободны в выборе. Эта свобода таит опасность, эта

свобода очень трудна, потому что ответственность ложится на вас. И с этой свободой что-то случилось, что-то пошло не так. Каким-то образом человек оказался перевернутым вверх ногами.

Люди ищут медитацию. Медитация нужна лишь потому, что вы не выбрали быть счастливыми. Если бы вы выбрали быть счастливыми, ни в какой медитации не было бы надобности. Медитация выполняет лечебную функцию: если вы больны, тогда необходимо лекарство. Но как только вы решили, что начнете выбирать счастье, как только вы решили быть счастливыми, никакой медитации больше не нужно. Тогда медитация начинает происходить сама собой.

В мире так много религий потому, что так много несчастливых людей. Счастливый человек не нуждается, ни в какой религии. *Счастливому человеку не нужен никакой храм, никакая церковь — потому что для счастливого человека все существование становится храмом, все существование становится церковью.* Счастливый человек не совершает ничего подобного религиозной деятельности, потому что религиозна вся его жизнь. Что бы вы ни делали в счастье, это молитва — поклонением становится ваша работа; в самом вашем дыхании появляется насыщенное благодородство, грация.

Счастье случается, когда вы сонастроены со своей жизнью, сонастроены так гармонично, чтобы все, что бы вы ни делали, было в радость. Тогда внезапно вы узнаете, что медитация следует за вами. Если вы любите работу, которую делаете, если вы любите то, как вы живете, значит, вы медитативны. Тогда ничто вас не отвлекает. Если вас что-то отвлекает, это просто показывает, что то, чем вы заняты, на самом деле вам не интересно.

Учитель все время говорит маленьким детям: «Сосредоточьте внимание на мне! Будьте внимательны!» Они *и есть* внимательны — но только к чему-то другому. За стенами школы поет птица, поет от всего сердца, и ребенок внимателен к этой птице. Никто не может сказать, что он не внимателен, никто не может сказать, что он не медитативен, никто не может сказать, что он не пребывает в глубоком сосредоточении, — это так и есть! По сути дела, он совершенно забыл об учителе и арифметике, которой учитель исписывает доску. Ребенок совершенно слеп к этому всему, он целиком поглощен птицей и ее песней. Но учитель говорит: «Будь внимателен! Что ты делаешь? Не отвлекайся!»

По сути, это сам учитель отвлекает ребенка! Ребенок *и есть* внимательность — это происходит естественно. Слушая птицу, он счастлив. Учитель его отвлекает, учитель говорит: «Ты сейчас невнимателен» — учитель просто лжет! Ребенок *был* внимателен. Птица была для него более привлекательной, - что он может сделать? Учитель не так привлекателен,

арифметика не так интересна.

Мы живем на земле не для того, чтобы быть математиками. Есть некоторые дети, которых эта птица не интересует: может быть, птица поет все громче, а все их внимание остается на доске. Значит, арифметика — для них. Значит, у них появляется медитация, естественное медитативное состояние, когда дело касается математики.

Нас увлекают в неестественные заботы: деньги, престиж, власть. Слушание птиц никогда не принесет вам денег. Если вы будете слушать птиц, это не даст вам власти, престижа. Если вы будете наблюдать за бабочкой, это не поможет вам экономически, политически, социально. Эти вещи не выгодны — но эти вещи делают вас счастливыми.

Настоящее человеческое существо набирается храбрости, чтобы двигаться в те вещи, которые делают его счастливым. И если этот человек остается бедным, он остается бедным; у него нет никаких жалоб, он этим не возмущается. Он говорит: «Я выбрал свой путь — я выбрал птицу, бабочек и цветы. Я не могу быть богатым, и ладно! Я богат, потому что счастлив». Но человеческие существа остаются перевернутыми вверх ногами.

Я прочитал:

Старый Тед просидел на берегу реки несколько часов, и во рту у него не было маковой росинки. От соединенного действия нескольких бутылок пива и жаркого солнца он начал кивать головой, и когда проворная рыбка попала на крючок, дернула за леску и разбудила его, он был к этому совершенно не готов. Застигнутый врасплох, прежде чем он смог прийти в себя, он оказался в реке.

Маленький мальчик с интересом наблюдал происходящее. Глядя, как человек барахтается в воде, пытаясь выбраться на берег, он обернулся к отцу и спросил: — Папа, это человек ловит рыбу или рыба ловит человека?

Человек оказался абсолютно перевернутым вверх ногами. Рыба ловит и вытаскивает вас, не вы ловите рыбу. Каждый раз, когда вы видите деньги, вы перестаете быть собой. Каждый раз, когда вы видите власть, престиж, вы перестаете быть собой. Каждый раз, когда вы видите респектабельность, вы перестаете быть собой. Тут же вы забываете обо всем — вы забываете внутренние ценности своей жизни, своего счастья, своей радости, своего восторга. Вы всегда выбираете нечто от внешнего и промениваете на это нечто от внутреннего. Вы выигрываете снаружи и теряете внутри.

Но что вы собираетесь с этим делать? *Даже если вы получите весь мир, и*

он будет у ваших ног, но потеряете себя; даже если вы завоюете все богатства мира, но потеряете при этом свое внутреннее сокровище, что вы будете делать с этими богатствами? Это будет страданием.

Если вы сможете научиться одной вещи... и эта одна вещь — быть бдительным, осознавать собственные внутренние мотивы, собственное внутреннее предназначение... Никогда не теряйте этого из виду, иначе вы будете несчастными. А когда вы несчастны, люди говорят: «Медитируй, и ты будешь счастливым». Они говорят: «Молись, и ты станешь счастливым; иди в храм, будь религиозным, будь христианином или индуистом, и ты будешь счастливым». Все это вздор. Будь счастливым, и медитация придет сама. Будь счастливым, и религиозность придет сама. Счастье — вот основное условие.

Но люди становятся религиозными, только когда они несчастны, — и тогда их религия фальшива. Попробуйте понять, почему вы несчастливы. Ко мне приходят многие люди, и они говорят, что несчастливы, и они хотят, чтобы я им дал какую-то медитацию. Я им говорю, что первое и основное, что следует понять, — это почему вы несчастливы. Если вы не устраните этих основных причин своего несчастья, то можете медитировать сколько угодно, но это не окажет большой помощи — потому что основные причины останутся в прежнем виде.

Может быть, какая-то женщина могла быть прекрасной танцовщицей, а она сидит в офисе, нагромождая груды бумаг. Танцевать нет никакой возможности. Кто-то, может быть, наслаждался бы, танцуя под звездами, но он просто наращивает счет в банке. И эти люди говорят, что они несчастливы: «Дай нам какую-нибудь медитацию, чтобы мы ее выполняли». Я могу ее дать — но чего они добьются этой медитацией? Что она должна для них сделать? Они останутся прежними людьми, накапливающими деньги, соревнующимися на рынке.

Медитация может помочь лишь в том, чтобы они пришли в некоторое расслабление и смогли заниматься всей этой ерундой немного лучше.

Вы можете повторять мантру, вы можете выполнять определенную медитацию; это может так или иначе немного вам помочь — но помочь лишь в том, чтобы оставаться на прежнем месте, где бы вы ни были. Это не трансформация.

Итак, мой подход — для тех, кто действительно дерзает, для сорвиголов, которые готовы изменить самый свой образ жизни, кто готов поставить на карту все — потому что, по сути, *вам нечего поставить на карту; лишь свое несчастье, свое страдание. Но люди цепляются даже за это.*

Я слышал:

В далеком военном лагере отряд новобранцев только что вернулся к месту расквартировки после бесконечного марша под палящим солнцем.

— Что это за жизнь! — сказал один из новых солдат. — Много миль до всего живого, сержант, который считает себя королем Атиллой, ни женщин, ни выпивки, ни увольнения — и кроме всего прочего, мои ботинки на два размера меньше, чем надо.

— Тебе необязательно это терпеть, приятель, — сказал его сосед. — Почему бы тебе, не выписать себе другую пару?

— Вряд ли я это сделаю. Снимать их — единственное мое удовольствие!

Что еще вам поставить на карту? Только свое несчастье. Единственное удовольствие, которое у вас есть, — это говорить о нем. Посмотрите на людей, рассказывающих о своих несчастьях, — какими они становятся счастливыми! Они за это платят; они идут к психоаналитикам, чтобы говорить о своих несчастьях, — и платят за это! Кто-то внимательно их слушает, и они счастливы.

Люди постоянно говорят о своих несчастьях, говорят снова и снова. Они их даже преувеличивают, приукрашивают, стараются, чтобы они выглядели как можно больше. В их изложении они разрастаются далеко за пределы натуральной величины. Почему? Вам нечего — кроме своего страдания — поставить на карту, но люди цепляются за известное, за знакомое. Несчастье — вот все, что они знают; это вся их жизнь. Им терять нечего, но они так боятся это потерять.

Насколько я вижу, важнее всего счастье, важнее всего радость. Важнее всего празднующий подход. Важнее всего жизнеутверждающая философия. Наслаждайтесь! Если вы не можете наслаждаться своей работой, измените ее. Не медлите! — потому что все время, пока вы ждете, вы ждете Годо, а Годо никогда не придет. Человек просто ждет и тратит жизнь впустую. Кого вы ждете, ради чего?

Если вы понимаете суть... если при определенном образе жизни вы несчастны, все старые традиции скажут, что неправильны *вы*, — а я хотел бы сказать, что неправилен этот *образ жизни*. Попробуйте понять различие в акцентах. Неправильны не вы, неправилен только ваш образ жизни, то, как вы научились жить, — неправильно. Мотивации, которым вы научились и которые приняли, как собственные, не ваши — они не осуществляют ваше предназначение. Они идут против вашей природы, они идут против вашей стихии.

Помните это: никто другой не может решать за вас. Все чужие заповеди, все приказы, все морали только искалечат вас. Вы должны решать за себя сами, вы должны взять свою жизнь в собственные руки. Иначе жизнь будет продолжать стучаться в двери, а вас никогда не будет дома — вы всегда будете где-то в другом месте.

Если вы должны были быть танцором, жизнь приходит через эту дверь, потому что жизнь думает, что, наверное, к этому времени вы уже стали танцором. Она стучится в эту дверь, но вас там нет — вы банкир. Как можно ожидать от жизни, чтобы она узнала, что вы станете банкиром? Жизнь приходит к вам со стороны того, кем хотела сделать вас природа; она знает только этот адрес — но вас никогда нельзя там застать, вы где-то в другом месте, прячетесь за чьей-то чужой маской, в чьей-то чужой одежде, под чьим-то чужим именем. Существование непрестанно вас ищет. Оно знает ваше имя, но вы это имя забыли. Оно знает ваш адрес, но вы никогда не жили по этому адресу. Вы позволили миру увести себя в сторону.

— Прошлой ночью мне приснился сон, будто я ребенок, — рассказывал Джо Элу, — и у меня есть абонемент в Диснейленд, и я могу бесплатно кататься на всех аттракционах. Боже мой, как я повеселился! Я даже не мог выбрать, на какой пойти аттракцион, и перепробовал их все.

— Интересно, — заметил его друг. — Мне тоже прошлой ночью приснился очень яркий сон. Мне приснилось, что ко мне в дверь постучалась великолепная блондинка и ошеломила меня своим желанием. И не успели мы начать, как снова раздался стук в дверь, и вошла потрясающая брюнетка, и она тоже хотела быть со мной!

— Вот это да! — перебил Джо. — Боже мой, если бы только там был я! Почему ты мне не позвонил?

— Я звонил, — ответил Эл, — но твоя мать мне сказала, что ты в Диснейленде.

Ваше предназначение может вас найти только одним путем, и этот путь — в вашем внутреннем цветении, в том, каким хочет вас видеть существование. Пока вы не найдете собственной спонтанности, пока вы не найдете своей стихии, вы не можете быть счастливыми. А если вы не можете быть счастливыми, то не сможете и медитировать.

Почему в умах людей возникает идея, что медитация приносит счастье? По сути, каждый раз, когда им встречается счастливый человек, они всегда находят медитативный ум — эти две вещи начинают ассоциироваться. Каждый раз, когда они видят, что человека окружает красивая,

медитативная атмосфера, то всегда оказывается, что этот человек безгранично счастлив — вибрирует блаженством, сияет. Эти вещи начинают ассоциироваться. Люди решили, что если медитировать, это приносит счастье.

Это просто подход окольным путем: медитация приходит, когда человек счастлив. Быть счастливым трудно, научиться медитации легко. Быть счастливым — значит, претерпеть радикальную перемену в образе жизни — и перемену резкую, потому что времени терять нельзя. Внезапная перемена, откол, отрыв от прошлого... Внезапный удар грома — и ты умираешь для прошлого и начинаешь с самого начала, с самых азов. Жизнь начинается заново, такой, какой бы она была, если бы не было никаких образцов, навязанных родителями, обществом, государством; какой бы она была, *должна была* быть, если бы не было никого, чтобы вас отвлечь. Но вас отвлекли.

Вам придется отбросить все те образцы, что были навязаны, и найти собственное внутреннее пламя.

Что такое Счастье?

Счастье не имеет ничего общего с успехом, счастье не имеет ничего общего с амбициями, счастье не имеет ничего общего с деньгами, властью, престижем. Счастье связано с сознанием, не с характером.

Что такое счастье? Это зависит от вас, от того, находитесь ли вы в состоянии сознательности или бессознательности, от того, спите вы или пробуждены. У Мерфи есть один знаменитый афоризм. Он говорит, что люди бывают двух видов: люди первого вида всегда разделяют человечество на два вида, а люди второго вообще не разделяют человечество. Я принадлежу к первому: человечество можно разделить на два вида, на спящих и пробужденных — и, конечно, небольшую промежуточную группу.

Счастье зависит от того, в какой вы находитесь области сознания. Если вы спите, для вас счастьем будет удовольствие. Удовольствие подразумевает ощущение, попытку посредством тела достичь чего-то недостижимого — принудить тело достичь чего-то, к чему оно не способно. Люди пытаются всеми возможными способами достичь счастья посредством тела.

Тело может вам дать лишь мгновенные удовольствия, и каждое из этих удовольствий уравнивается болью в той же пропорции, в той же степени. За каждым удовольствием следует его противоположность, потому что тело существует в мире двойственности... Точно так же, как за днем следует ночь, и за жизнью следует смерть, и за смертью следует жизнь, — это порочный круг. За удовольствием последует боль, за болью последует удовольствие. Но вы никогда не бываете в непринужденном состоянии. Находясь в состоянии удовольствия, вы боитесь его потерять, и этот страх его отравляет. А когда вы тонете в боли, конечно, это причиняет страдание, и вы совершаете все возможные усилия, чтобы из нее выбраться, — и лишь для того, чтобы снова в нее упасть.

Будда называет это колесом рождения и смерти. Мы продолжаем вращаться вместе с этим колесом, цепляться за это колесо... а колесо продолжает двигаться. Временами наверху оказывается удовольствие, временами — боль, но мы остаемся расплюснутыми между двумя этими глыбами.

Но спящий человек ничего другого не знает. Он знает только несколько ощущений тела — еда, секс; это его мир. Он непрерывно между ними перемещается. Вот два конца его тела — еда и секс. Если он подавляет секс,

то впадает в зависимость от еды; если он подавляет пристрастие к еде, то впадает в зависимость от секса. Энергия продолжает двигаться подобно маятнику. И все, что вы называете удовольствием, — это самое большое только высвобождение из напряженного состояния.

Сексуальная энергия собирается, скапливается; вы приходите в напряжение и тяжелеете, и вам хочется ее высвободить. Для человека, который спит, сексуальность — не что иное, как высвобождение, это все равно, что громкое чихание. Это не дает ничего, кроме некоторого облегчения, — было напряжение, теперь его больше нет. Но оно скопится снова. Еда дает лишь небольшое ощущение вкуса на кончике языка; вряд ли стоит ради этого жить. Но многие люди живут лишь для того, чтобы есть; очень немногие едят для того, чтобы жить.

Хорошо известна история Колумба. Он совершил долгое путешествие. Три месяца путешественники не видели ничего, кроме воды. Затем однажды Колумб взглянул на горизонт и увидел деревья. И если вы думаете, что Колумб был счастлив, увидев деревья, то вам надо было видеть его собаку!

Это и есть мир удовольствия. Собаке это простительно — но не вам.

Во время первого свидания молодой человек в поисках способа хорошо провести время спросил юную леди, не хочется ли ей пойти заняться боулингом. Она ответила, что ей не хочется идти заниматься боулингом. Тогда он предложил кино, но она ответила, что не хочет и в кино. Пытаясь найти что-нибудь другое, он предложил ей сигарету, но и от нее она отказалась. Тогда он спросил, не хочется ли ей пойти на новую дискотеку потанцевать и немного выпить. Снова она отказалась, сказав, что подобные вещи ее не интересуют.

В отчаянии он предложил ей пойти к нему домой, и провести ночь, занимаясь любовью. К его удивлению, она радостно согласилась, страстно его поцеловала и сказала: — Ты ведь знаешь, все эти вещи не нужны, чтобы хорошо провести время!¹

¹ В христианском англоговорящем мире — это сакраментальная и навязная в зубах фраза, употребляемая в назидание юношеству в смысле насаждения духовности в противоположность пустому и бессмысленному времяпрепровождению. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

То, что мы называем «счастьем», зависит от конкретного человека. Для спящего человека счастьем являются, приносящие удовольствие ощущения. Спящий человек живет от одного удовольствия до другого. Он просто бросается от одного ощущения к другому. Он живет ради небольших

волнений; его жизнь очень поверхностна. В ней нет глубины, в ней нет качества. Он живет в мире количества.

Еще есть люди, живущие в промежутке, люди, которые не спят, не пробуждены, а находятся в преддверии — немного сна, немного бодрствования. Иногда вы переживаете подобный опыт рано утром — вы все еще во сне, но нельзя сказать, что вы спите, потому что из всего дома вам слышатся звуки, вам слышно, как ваш партнер готовит чай, как закипает чайник или как дети собираются в школу, вам слышны все эти звуки, но все же вы еще не проснулись. Смутно, туманно эти звуки доносятся до вас, словно между вами и всем происходящим вокруг большое расстояние. Это дает такое чувство, словно это все еще часть сновидения. Это не часть сновидения, но вы все еще в промежуточном состоянии.

То же самое происходит, когда вы начинаете медитировать. Немедитирующий спит, видит сны; медитирующий начинает двигаться из сна в направлении пробуждения, но остается в переходном состоянии. Тогда счастье приобретает совершенно другой смысл: оно становится более качеством, менее количеством; тогда оно более психологично и менее физиологично. Медитирующий более наслаждается музыкой, более наслаждается поэзией, более наслаждаются тем, чтобы что-то создавать. Эти люди наслаждаются природой, ее красотой. Они наслаждаются безмолвием, наслаждаются тем, чем никогда раньше не наслаждались, и это наслаждение гораздо более длительно. Даже если музыка прекращается, нечто от нее все еще медлит и продолжается у вас внутри.

И это не облегчение. Разница между удовольствием и таким качеством счастья состоит в том, что это не облегчение, а обогащение. Вы становитесь более наполненными и словно начинаете переливаться через край. Когда вы слушаете хорошую музыку, это запускает в вашем существе какой-то процесс, и в вас возникает гармония — вы становитесь музыкальными. Или, танцуя, внезапно вы забываете тело; ваше тело становится невесомым. Гравитация теряет власть над вами. Внезапно вы — в ином пространстве: это теряет плотность, и танцор плавится и тает в танце.

Это гораздо выше, гораздо глубже, чем удовольствие, получаемое от еды или секса. В этом есть глубина. Но и это также — не предельное. Предельное происходит, только когда вы полностью пробуждены, когда вы — будда, когда весь сон исчез — и вместе с ним все сновидение, когда все ваше существо наполнено светом, когда у вас внутри не осталось никакой темноты. Вся темнота исчезла, и с исчезновением этой темноты не стало эго. Все напряжения спали, исчезли все тревоги, вся тоска. Вы в состоянии тотальной удовлетворенности. Вы живете в настоящем; нет больше ни прошлого, ни будущего. Вы — всецело здесь и сейчас. Это мгновение — есть все. *Сейчас — единственное время, и здесь — единственное*

пространство. И тогда — внезапно — в вас обрушивается все небо. Это — блаженство. Это — настоящее счастье.

Ищите блаженства; это ваше право от рождения. Не продолжайте блуждать в дебрях удовольствий; поднимитесь немного выше. Достигните счастья, а затем — блаженства. Удовольствие — животное, счастье — человечно, блаженство — божественно. Удовольствие порабощает; это — тюрьма; оно заковывает вас в цепи. Счастье дает вам немного более длинный поводок — но лишь немного. Блаженство — это абсолютная свобода. Вы начинаете двигаться вверх; оно вас окрыляет. Вы прекращаете быть частью грубой земли; вы становитесь частью неба. Вы становитесь светом, вы становитесь радостью.

Удовольствие зависит от других. Счастье не настолько зависимо от других, но все же, отделено от вас. Блаженство ни от чего не зависимо и, более того, не отделено; оно — само ваше существо, сама ваша природа.

Гаутама Будда сказал:

Есть удовольствие, и есть блаженство.

Минуй первое, чтобы овладеть вторым.

Медитируйте на это как только возможно глубоко, потому что эти слова содержат одну из самых фундаментальных истин. Эти четыре слова нужно будет понять, их нужно будет осмыслить. Первое — удовольствие, второе — счастье, третье — радость, четвертое — блаженство.

Удовольствие — физическое, психологическое. Удовольствие — самая поверхностная вещь в жизни; это щекотка. Оно может быть сексуальным, оно может относиться к другим органам чувств, может стать одержимостью едой, но оно всегда укоренено в теле. Тело — это ваша периферия, ваша окружность; это не центр вас. А жить на периферии — значит, жить, отдавшись на милость всевозможных окружающих вас вещей, которые непрестанно меняются. Человек, ищущий удовольствия, остается на милости случайности. Он в точности похож на волны океана, остающиеся на милости ветров. Налетают сильные ветры, и волны появляются; ветры стихают, и волны исчезают. Они не обладают никаким независимым существованием, они зависимы — а все зависимое от чего-то вне себя, приносит рабство.

Удовольствие зависит от другого. Если ты любишь женщину, если это твое удовольствие — тогда эта женщина становится твоим хозяином. Если ты любишь мужчину, и это твое удовольствие, если без него ты чувствуешь себя несчастной, грустной, приходишь в отчаяние — значит, ты создала себе оковы. Вы создали тюрьму, вы больше не живете в свободе. Если ты ищешь денег и власти, то будешь зависимым от денег и власти. Человек,

который продолжает накапливать деньги... — если ему доставляет удовольствие иметь больше и больше денег, — он будет становиться более и более несчастным, потому что, чем больше у него становится, тем больше он хочет, чем больше у него денег, тем более он боится их потерять.

Это обоюдоострый меч: желание большего — первая грань меча. Чем большего ты требуешь, чем большего ты желаешь, тем более будешь чувствовать, что тебе чего-то недостает, — и тем более пустым и полым будешь себе казаться. И другая грань меча состоит в том, что чем больше у тебя есть, тем более ты боишься, что это может быть отнято. Богатство может быть украдено, банк может разориться, может измениться политическая ситуация в стране, страна может стать коммунистической... есть тысяча и одна вещь, от которой зависят деньги. Деньги не делают тебя хозяином, они делают тебя рабом.

Удовольствие очень периферийно; поэтому оно обречено на зависимость от внешних обстоятельств. Это только щекотка. Если удовольствие доставляет еда, чем именно вы наслаждаетесь? Это только вкус — на мгновение, когда еда касается вкусовых рецепторов на языке, вы испытываете ощущение, которое истолковываете как удовольствие. Это ваша интерпретация. Сегодня это может казаться удовольствием, а завтра может перестать, им казаться. Если вы будете продолжать есть одну и ту же еду каждый день, вкусовые рецепторы потеряют к ней чувствительность. Вскоре вы ею пресытитесь.

Именно так люди пресыщаются — сегодня ты гонишься за мужчиной или женщиной, а завтра пытаешься найти предлог, чтобы от этого же человека избавиться.

Один и тот же человек — ничего не изменилось! Что же случилось в промежутке? Тебе наскучил другой, потому что все удовольствие состояло в исследовании нового. Теперь другой больше не нов, ты ознакомился с его территорией. Тебе знакомо тело другого, изгибы тела, ощущение тела. Теперь ум жаждет чего-то нового.

Ум всегда жаждет чего-то нового. Именно так ум все время удерживает вас прикованными к какой-то точке в будущем. Он заставляет вас продолжать надеяться, но никогда не исполняет обещаний — исполнять он не умеет. Он умеет только создавать новые надежды, новые желания.

Точно как листья растут на деревьях, в уме растут желания и надежды. Ты хотел новый дом, и вот ты его получил — но где удовольствие? Оно пришло лишь на мгновение, когда ты достиг цели. Как только цель достигнута, ум она больше не интересуется; он уже начал сплетать новые сети желания. Он уже начал думать о других, лучших домах. И это относится ко

всему.

Удовольствие удерживает вас в невротическом состоянии, в беспокойстве, в вечном замешательстве.

Желаний так много, и каждое — неутолимо, и каждое громко требует внимания. Ты остаешься жертвой, терзаемой толпой безумных желаний — безумных из-за своей неосуществимости, — и они непрерывно тащат тебя одновременно во все стороны. Ты превращаешься в противоречие. Одно желание тянет тебя влево, другое — вправо, но ты продолжаешь питать оба одновременно. И тогда ты чувствуешь расщепленность, тогда ты чувствуешь себя раздвоенным, разрываемым на куски. Тогда ты чувствуешь себя так, словно разваливаешься на части. Никто другой за это не ответственен, это положение вещей создается именно всей глупостью стремления к удовольствию.

Это сложное явление. Ты не единственный, кто ищет удовольствия; тех же удовольствий ищут миллионы людей, точно таких, как ты. Отсюда вся эта борьба, соревнование, насилие, война. Люди стали друг другу врагами, потому что все они стремятся к одной и той же цели — и не все могут ее достичь. Это придает борьбе накал, рисковать приходится всем — не имея в перспективе ничего получить, потому что, добившись, ты не добиваешься ничего. Вся жизнь тратится впустую в этой борьбе. Жизнь, которая могла бы быть празднованием, становится долгой, растянутой, ненужной борьбой.

Если вы до такой степени гонитесь за удовольствием, то не сможете любить, потому что человек, который ищет удовольствия, использует другого как средство. А использовать другого как средство — одно из самых безнравственных действий, которые только возможны, потому что каждое существо — само по себе цель и нельзя использовать его как средство. Но в поисках удовольствия вам придется использовать другого как средство. Вы становитесь коварными, потому что борьба так жестока. Не будучи коварными, вы будете обмануты, и прежде чем вас обманут другие, вам придется обмануть их самим.

Макиавелли дал совет всем искателям удовольствия: лучший способ защиты — это нападение. Никогда не дожидаясь, пока на тебя нападет другой, может оказаться слишком поздно. Прежде чем другой нападет на тебя, напади на него ты! Это лучший способ защиты. И все этому следуют, зная о Макиавелли или нет.

Это что-то очень странное: все знают о Христе, о Будде, о Мухаммеде, о Кришне, но им никто не следует. *О Макиавелли люди знают мало, но ему следуют, словно Макиавелли очень близок их сердцам. Вам не нужно даже его читать, вы уже ему следуете.* Все ваше общество основывается на принципах Макиавелли; именно в этом состоит вся политическая игра.

Прежде чем кто-то у тебя что-то выхватит, выхвати это у него; будь всегда начеку. Естественно, если ты всегда начеку, то будешь напряженным, встревоженным, беспокойным. Все — против тебя, а ты — против всех.

Таким образом, удовольствие не является — и не может быть — целью жизни.

Второе слово, которое нужно понять, — это счастье. Удовольствие физиологично, счастье психологично. Счастье немного лучше, немного тоньше, немного выше... Но оно мало отличается от удовольствия. Можно сказать, что удовольствие — низший род счастья, а счастье — высший род удовольствия; две стороны одной монеты. Удовольствие немного более примитивно, животно; счастье немного более культурно, немного более человечно — но это та же самая игра, проигрываемая в мире ума. Вас заботят не столько физиологические ощущения, сколько ощущения психологические. Но по сути своей они не отличаются.

Третье слово — радость. Радость духовна. Она отличается, радикально отличается от удовольствия и счастья. Она не имеет ничего общего с внешним, с «другим»; это внутреннее явление. Радость не зависима от обстоятельств; она — ваша собственная. Это не щекотка, производимая внешними вещами; это состояние покоя, безмолвие... медитативное состояние. Она духовна.

Но Будда не говорил и о радости, потому что есть еще что-то, даже за пределами радости. Он называет это блаженством. Блаженство тотально. Оно ни физиологично, ни психологично, ни духовно. Оно не знает никакого разделения, оно неделимо. Оно тотально в одном смысле и трансцендентально в другом. Будда в своем утверждении использует только два слова. Первое — удовольствие; оно включает в себя счастье. Второе — блаженство; оно включает в себя радость.

Блаженство означает, что вы достигли глубочайшего ядра своего существа. Оно принадлежит предельной глубине вашего существа, в котором даже это больше нет, в котором царит лишь молчание; вас не стало. В состоянии радости вы еще немного существуете, но в блаженстве вас нет. Это растворилось; это состояние не-бытия.

Будда называет это *нирваной*. Нирвана означает, что вы прекратили быть; вы — лишь бесконечная пустота, подобная небу. И в то мгновение, когда вы — эта бесконечность, вы наполняетесь звездами, и начинается совершенно новая жизнь. Вы рождены заново.

Удовольствие мгновенно, принадлежит временному, приходит «на время»; блаженство — вневременное, безвременное. Удовольствие начинается и кончается; блаженство остается навеки. Удовольствие

приходит и уходит; блаженство никогда не приходит, никогда не уходит — оно уже есть в глубочайшем ядре вашего существа. Удовольствие приходится урывать у кого-то другого; ты становишься либо нищим, либо воров. Блаженство делает тебя хозяином.

Блаженство — это не что-то, что вы приобретаете, но что-то, что вы открываете. Это ваша глубочайшая природа. Оно было с самого начала, только вы не смотрели на него. Вы принимали его как должное. Вы не смотрите вовнутрь.

Это единственное несчастье человека: он продолжает смотреть наружу, искать снаружи и исследовать внешнее. А снаружи блаженство найти нельзя, потому что его там нет.

Однажды вечером Рабия — а она была знаменитым суфийским мистиком — что-то искала на улице у своей небольшой хижины. Садилось солнце; мало-помалу сгущались сумерки. Собралась небольшая толпа. Люди спросили ее:

— Что ты делаешь? Что ты потеряла? Что ты ищешь?

— Я потеряла иголку, — сказала она.

— Солнце уже садится, — сказали люди, — и найти иголку будет трудно, но мы тебе поможем. Где именно она упала? Потому что дорога большая, а иголка такая маленькая. Если мы узнаем точное место, то найти ее будет легче.

— Лучше бы вам не задавать мне этого вопроса, — сказала Рабия, — потому что, по сути дела, она упала вовсе не на дороге, она упала в доме.

Люди стали смеяться, они сказали:

— Мы всегда знали, что ты немного не в себе! Если иголка упала в доме, зачем же ты ищешь ее на дороге?

— По простой и логичной причине, — сказала Рабия. — Внутри дома темно, а снаружи еще есть немного света. Люди засмеялись и стали расходиться. Рабия позвала их обратно и сказала:

— Слушайте! Именно это делаете вы; я только следую вашему примеру. Вы идете искать блаженства во внешний мир, не задавая первого и важнейшего вопроса: где вы его потеряли? И вот я вам говорю: вы потеряли его внутри. Вы ищете его снаружи по той простой и логичной причине, что ваши органы чувств обращены наружу — и там есть немного света. Ваши глаза смотрят вовне, ваши уши слышат внешнее, ваши руки тянутся наружу — и именно по этой причине вы ищете снаружи. А я вам скажу, что вы потеряли блаженство не там, — и скажу по собственному опыту. Я тоже

искала снаружи, искала много, много жизней, и однажды я посмотрела вовнутрь и была удивлена. Не было необходимости исследовать; оно всегда было внутри.

Блаженство — ваше глубочайшее ядро. Удовольствие вам приходится выпрашивать у других, и естественно, вы становитесь зависимыми. Блаженство делает человека хозяином. Блаженство — это не что-то происходящее; оно уже здесь.

Будда говорит: «*Есть удовольствие, и есть блаженство. Минуй первое, чтобы овладеть вторым*».

Перестаньте смотреть наружу. Смотрите вовнутрь, обратитесь вовнутрь. Начните искать и исследовать в собственном внутреннем пространстве, в собственной субъективности. Блаженство — это не объект, который можно найти где-то в другом месте; это — ваше сознание.

На Востоке мы всегда определяли предельную истину как *Сат-Чит-Ананд*. *Сат* значит «истина», *чит* значит «сознание», *ананд* значит «блаженство». Это три лица одной и той же реальности. Это подлинная троица — не Бог-отец, сын Иисус Христос и Святой Дух; подлинная троица — это истина, сознание, блаженство. И это не отдельное явление, но одна энергия, выражающая себя в трех формах, одна энергия с тремя лицами. Поэтому на Востоке мы говорим, что Бог есть *тримурти* — у Бога три лица. Вот его настоящие лица — а не Брахма, Вишну и Махеш... это для детей, для духовно, метафизически незрелых. Брахма, Вишну и Махеш, или Отец, Сын и Святой Дух... эти имена — для начинающих.

Истина, сознание, блаженство — вот высшие истины. Первичнее всего истина. Когда вы входите во внутрь, то осознаете свою вечную реальность — *сат*, истину. Войдя глубже в свою реальность, в свою истину, вы осознаете сознание, безграничное сознание. Все есть свет, ничто не темно. Все есть осознанность, ничто не неосознанно. Вы — лишь пламя сознания, и нигде нет ни тени бессознательности. И когда вы входите еще глубже, в самом глубочайшем ядре находится блаженство — *ананд*.

Будда говорит: минуйте все, что считали осмысленным, важным, пожертвуйте всем ради этого предельного, потому что это единственное, что принесет вам удовлетворенность, осуществленность, единственное, что принесет весну вашему существу... и вы расцветете тысячей и одним цветком.

Удовольствие удерживает вас в состоянии бревна, плывущего по реке. Удовольствие делает вас более и более коварными; оно не приносит вам мудрости. Оно приводит вас в большее и большее рабство; оно не дает вам

королевства собственного существа. Оно делает вас более и более расчетливыми, оно делает вас более и более эксплуататорами. Оно делает вас более и более политичными, дипломатичными. Вы начнете использовать людей как средства — именно это делают все.

Муж говорит жене: «Я тебя люблю», но в действительности он просто ее использует. Жена говорит мужу, что любит его, но просто его использует. Может быть, муж использует ее как сексуальный объект, а жена использует его как средство финансовой защищенности. Удовольствие делает каждого коварным, обманщиком. А быть коварным — значит упускать блаженство невинного бытия, упускать блаженство бытия ребенка.

В конструкторском центре Локхид для нового самолета потребовалась определенная запчасть. По всему миру были разосланы запросы, чтобы установить самую низкую цену. Из Польши пришла заявка на три тысячи долларов. Англия предложила сконструировать требуемую запчасть за шесть тысяч. Цена, запрошенная Израилем, составила девять тысяч. Ричардсон, главный инженер-конструктор нового самолета, решил посетить каждую из стран, чтобы выяснить причину такого расхождения в ценах. Польский производитель объяснил:

— Тысяча нужна на материалы, тысяча — на работу, еще тысяча — на накладные расходы и мизерную долю прибыли.

В Англии Ричардсон осмотрел запчасть и нашел, что она почти так же хороша, что и сделанная в Польше.

— Почему вы просите шесть тысяч? — осведомился инженер.

— Две тысячи на материал, — объяснил англичанин, — две тысячи на работу и еще две — на расходы и небольшую прибыль.

В Израиле представитель Локхида долго блуждал закоулками, прежде чем отыскал крохотную лавку, где перед ним предстал пожилой податель заявки на девять тысяч долларов.

— Почему вы просите так много? — спросил он.

— Ну, сами понимаете, — сказал старый еврей, — три тысячи вам, три тысячи мне и еще три — одному шмюку в Польше!

Деньги, власть, престиж — все это делает вас коварными. Ищите удовольствия, и вы потеряете невинность, а потерять невинность — значит, потерять все. Иисус говорит: будьте подобны детям, и только тогда вы сможете войти в Царство Божие. И он прав. Но искатель удовольствия не может быть невинным, как ребенок. Он должен быть очень хитрым, очень коварным, очень дипломатичным. Лишь тогда он сможет преуспеть в

яростном соревновании, продолжающемся всюду вокруг. Все готовы перегрызть друг другу глотки; вы не живете среди друзей. Этот мир не может быть дружественным, пока мы не отбросим эту идею соревновательности.

Каждого ребенка мы с самого начала начинаем отравлять этим ядом соревновательности. К тому времени, как он выходит из университета, он уже отравлен полностью. Мы его загипнотизировали идеей, что он должен бороться с другими, что в жизни выживает сильнейший. Такая жизнь никогда не может быть празднованием.

Если ты счастлив за счет счастья другого человека... а только так ты можешь быть счастлив, другого пути нет. Если ты находишь красивую женщину и так ли иначе тебе удастся ее получить, ты выхватил ее из рук другого. Мы пытаемся придать вещам как можно более красивый вид. Но это только на поверхности. Теперь другие, проигравшие в игре, придут в гнев, в ярость. Они будут ожидать возможности отомстить, и рано или поздно эта возможность представится.

Чем бы вы ни владели в этом мире, вы этим владеете за счет кого-то другого, ценой удовольствия кого-то другого. Другого пути нет. Если вы действительно хотите ни с кем в этом мире не враждовать, вам придется отбросить всю идею соревновательности. *Пользуйтесь всем, что бы ни оказалось в пределах вашей досягаемости в это мгновение, но не впадайте в собственничество. Не пытайтесь претендовать на то, что это ваше. Ничто — не ваше, все принадлежит существованию.*

Мы приходим с пустыми руками и с пустыми руками уйдем, так какой смысл тем временем предъявлять столько претензий? Но это все, что мы умеем, это все, что говорит нам мир: владей, главенствуй, имей больше, чем другие. Будь то деньги или добродетель, неважно, какой монетой ты расплачиваешься — она может быть мирской, она может быть духовной, — но будь очень хитрым, иначе тебя будут эксплуатировать. Эксплуатируй и не подвергайся эксплуатации — вот подспудное послание, которое мы всасываем с молоком матери. И каждая школа, каждый колледж, университет укоренены в идее соревнования.

Настоящее образование не станет учить вас соревноваться; оно будет учить вас сотрудничать. Оно не станет вас учить бороться и стремиться к первенству. Оно будет учить вас быть творческими, любящими, блаженными, не сравнивая себя с другими. Оно не станет учить вас тому, что вы сможете быть счастливыми, только достигнув первенства, — это сущий вздор. Вы не сможете быть счастливыми только благодаря первенству, а в попытках достичь первенства вам придется пережить столько страдания, что к тому времени, как вы его достигнете, страдание

войдет в привычку.

К тому времени как человек становится президентом или премьер-министром страны, ему приходится пережить столько страдания, что страдание становится его второй натурой. Теперь он не знает никакого другого способа существовать; он остается несчастным. Напряжение впечаталось в него; тревожность стала его образом жизни. Он не знает никакого другого способа жить; это сам его образ жизни. Таким образом, хотя и добившись первенства, он остается настороженным, встревоженным, испуганным. Это совершенно не меняет его внутреннего качества.

Настоящее образование не станет учить вас стремиться к первенству. Оно будет учить вас наслаждаться всем, что бы вы ни делали, и не ради результата, но ради самого действия. Точно как художник, или танцор, или музыкант...

Вы можете создавать картины двумя способами. Вы можете это делать из соревнования с другими художниками; вы хотите быть величайшим художником в мире, вы хотите быть Пикассо или Ван Гогом. Тогда ваши картины будут второсортными, потому что ум не заинтересован в самом создании; он заинтересован в первенстве, в том, чтобы быть величайшим художником в мире. Вы не идете глубоко в искусство живописи, не наслаждаетесь им, но только используете его как ступень. Вы находитесь в путешествии эго, и проблема в том, что, чтобы быть настоящим художником, эго нужно отбросить полностью. Чтобы быть настоящим художником, эго придется отложить в сторону. Лишь тогда сквозь вас сможет течь существование. Лишь тогда будет возможным, чтобы ваши руки, пальцы и кисть служили проводником. Лишь тогда сможет родиться нечто от несказанной красоты.

Настоящая красота всегда создается не вами, но лишь посредством вас. Существование течет; вы становитесь лишь проходом. Вы позволяете ему случиться, вот и все. Вы ему не препятствуете, вот и все.

Но если вас слишком интересует результат... конечный результат: вы должны прославиться, вы должны получить Нобелевскую премию, вы должны стать лучшим художником в мире, вы должны превзойти всех художников прошлого — тогда вас интересует не живопись, живопись становится второстепенной, и, конечно, с второстепенным интересом к живописи вы не сможете создать ничего оригинального. Все будет заурядным.

Эго не может принести в мир ничего незаурядного; незаурядное приходит лишь благодаря отсутствию эго. И то же самое верно в отношении музыканта, поэта, танцора. То же самое верно в отношении каждого. В *Бхагават-Гите* Кришна говорит: «Не думай ни о каком

результате». Это послание безмерной красоты, значительности и истины. Не думай ни о каком результате. Просто делай все, что делаешь, со всей тотальностью, потеряйся в этом, потеряй делающего в делании. Не «будь» — позволь своим творческим энергиям течь беспрепятственно. Именно поэтому Кришна говорит Арджуне: «Не беги от войны... потому что я вижу, что это бегство — только путешествие эго. То, как ты это говоришь, просто показывает, что ты рассчитываешь, думаешь, что благодаря бегству от войны станешь великим святым. Вместо того чтобы сдаться целому, ты принимаешь самого себя слишком серьезно — словно если бы не было тебя, не было бы и войны».

Кришна говорит Арджуне: «Просто будь в состоянии позволения». Скажи существованию: «Используй меня так, как тебе заблагорассудится. Я доступен, доступен без условий». Тогда все, что бы ни случилось посредством тебя, будет обладать великой подлинностью. В этом будет интенсивность, в этом будет глубина, в этом будет печать вечности.

Иисус говорит: помните — те, кто в этом мире первые, будут последними в Царстве Божьем, а последние будут первыми. Он дал вам фундаментальный закон... он дал вам неисчерпаемый, вечный закон: прекратите стремиться к первенству. Но помните одно — это очень важно, потому что ум так коварен, что может исказить любую истину... Вы можете начать пытаться быть последними — но тогда упустите всю суть. Тогда возникнет другое соревнование: «Я должен быть последним» — и если кто-то другой объявляет себя последним, снова начинается борьба, снова начинается конфликт.

Я слышал одну суфийскую притчу: Великий император Надир-шах молился. Было раннее утро, солнце еще не взошло, было еще темно. Надир-шах собирался в поход с целью завоевания новой страны, и, конечно, он молился Богу, чтобы тот его благословил и сделал победителем. Он говорил Богу: — Я — никто, только слуга, слуга твоих слуг. Благослови меня. Я совершаю твою работу, и эта победа будет твоей. Но я — никто, помни. Я — лишь слуга твоих слуг. Рядом с ним был священник, помогавший ему молиться, посредник между ним и Богом. Внезапно они услышали в темноте другой голос. Нищий из этого города тоже молился, тоже говорил Богу:

— Я — никто, слуга твоих слуг. Император сказал:

— Посмотрите только на этого нищего! Сам нищий, а еще говорит Богу, что он — никто! Прекрати этот вздор! Кто ты такой, чтобы говорить, что ты — никто? Это я — никто, и никто другой не может этого оспаривать. Это я — слуга слуг Бога! Кто ты такой, чтобы говорить, что ты — слуга его слуг?

Видите? Соревнование продолжается по-прежнему, то же самое соревнование, та же самая глупость. Ничего не изменилось. Тот же самый расчет: «Я должен быть последним. Никому другому нельзя позволить быть последним». Ум может продолжать играть с вами в такие игры, если вы не обладаете большим пониманием, если вы не очень разумны.

Никогда не пытайтесь быть счастливыми за счет счастья другого человека. Это уродливо, бесчеловечно. Это насилие в полном смысле слова. Если вы считаете, что становитесь святым, осудив других как грешников, ваша святость не что иное, как новое путешествие эго. И если вы считаете себя святым лишь потому, что пытаетесь представить грешниками других... а именно это продолжают делать ваши святые. Они неустанно похваляются своей святостью, благочестием. Пойдите к вашим так называемым святым и посмотрите им в глаза. В них столько осуждения к вам! Они говорят, что все вы обречены на ад; они неустанно осуждают всех и каждого. Послушайте их проповеди; все их проповеди полны осуждения. И конечно, вы выслушиваете их осуждение молча, потому что знаете, что в вашей жизни было много ошибок, заблуждений. А они осуждают *все* — чувствовать себя хорошим человеком невозможно. Ты любишь поесть, ты — грешник; утром ты не встаешь рано, ты — грешник; вечером ты ложишься поздно, ты — грешник. Все устроено таким образом, что не быть грешником очень трудно.

Да, они *сами* — не грешники. Они рано ложатся спать и рано встают по утрам... по существу, им нечего больше делать. Они никогда не совершают никаких ошибок, потому что никогда ничего не делают. Они просто сидят сиднем, почти как мертвецы. Но если ты что-то делаешь, конечно, — где тебе быть святым? Поэтому веками святой человек отрекался и бежал от мира: быть святым, оставаясь в мире, казалось невозможным.

Весь мой подход состоит в том, что иначе как в самой гуще мира никакая святость не имеет ни малейшей ценности. Будьте святыми, оставаясь в мире! Мы должны определять святость совершенно по-другому. Не живите за счет удовольствия других — вот что такое святость. Не разрушайте счастья других, помогайте другим быть счастливыми — вот что такое святость. Создайте такой климат, в котором у каждого может быть немного радости.

Преследование

Если вы преследуете счастье, определено одно: вы его не получите. Счастье — это всегда побочное следствие. Это не результат прямого преследования.

Вот наиважнейший из всех вопросов: что такое истинное счастье? И есть ли возможность его достичь? Возможно ли вообще истинное счастье или все оно преходяще? Неужели жизнь — это только сон или в ней есть и нечто существенное? Начинается ли жизнь рождением и кончается ли смертью или есть нечто, превосходящее рождение и смерть? — Потому что без вечного нет никакой возможности истинного счастья. В преходящем счастье будет оставаться быстротечным: в одно мгновение оно здесь, в другое мгновение его не стало, и вы остаетесь в глубоком отчаянии и темноте.

Именно так происходит в обычной жизни, в жизни непробужденного. Бывают мгновения блаженства, бывают мгновения страдания; все перемешано, перепутано. Ты не можешь удержать тех мгновений счастья, что к тебе приходят. Они приходят сами собой и сами собой исчезают; ты им не хозяин... Как не можешь ты избежать и мгновений страдания; они тоже умеют настоять на своем. Они приходят сами собой и сами собой уходят; ты — просто жертва. И между этими двумя крайностями — счастьем и несчастьем — ты разрываешься на куски, никогда не оставаясь в состоянии непринужденности.

Это положение, в котором вас рвут на части все виды двойственности... Двойственность счастья и несчастья — самая основная и показательная, но есть еще тысяча и одна двойственность: двойственность любви и ненависти, двойственность жизни и смерти, дня и ночи, лета и зимы, юности и старости и так далее и тому подобное. Но главная двойственность, двойственность, представляющая все остальные, — это двойственность счастья и несчастья. Вас разрывает на части, тянет в разные, полярно противоположные стороны. Вы не можете быть в покое: вы в беспокойстве¹.

Будды говорят, что человек есть болезнь. Абсолютна ли эта болезнь — или ее можно трансцендировать?

Отсюда вытекает первый и главнейший вопрос: что такое истинное

¹ Характерное для Ошо нетрадиционное использование слов; англ. *disease* — болезнь; *dis-ease* — потеря спокойствия; буквально: беспокойство; игра слов подчеркивает болезненность состояния неосознанности. Далее в переводе: «болезнь».

счастье? Безусловно, счастье, которое мы знаем, не истинно; зыбкое, как сновидение, оно всегда обращается в свою противоположность. То, что кажется счастьем в одно мгновение, в другое оборачивается несчастьем.

Превращение счастья в несчастье просто показывает, что они не отделены, — может быть, две стороны одной монеты. И если у вас есть одна сторона монеты, за ней всегда кроется другая, ожидая лишь возможности, чтобы себя утвердить, — и вы это знаете. Когда вы счастливы, где-то глубоко внутри кроется страх, что это не продлится долго, что рано или поздно счастье уйдет, и сгущаются сумерки, и в любой момент вас может поглотить тьма, и это свет — лишь плод воображения; он не может вам помочь, не может переправить вас на другой берег.

Ваше счастье — не счастье на самом деле, но лишь скрытое несчастье. Ваша любовь — не любовь, но лишь маска для ненависти. Ваше сострадание — не более чем гнев — окультуренный, изощренный, образованный, утонченный, цивилизованный; но ваше сострадание — не что иное, как гнев. Ваша чувствительность — не настоящая чувствительность, но только умственное упражнение, определенный подход, определенная практика.

Помните: все человечество воспитывается на идее, что добродетель можно практиковать, что добро можно практиковать, что человек может научиться быть счастливым, что человек может устроить так, чтобы быть счастливым, что в нашей власти создать определенный характер, приносящий счастье. Все это неправильно, абсолютно неправильно.

Вот первое, что нужно понять о счастье: его нельзя практиковать. Его можно только позволить, потому что это не нечто такое, что вы создаете. Чем бы ни было то, что создаете *вы*, это будет оставаться чем-то меньшим, чем вы, более крошечным.

Созданное вами не может быть больше вас. Картина не может быть больше, чем сам художник, и стихотворение не может быть больше, чем поэт. Ваша песня будет неизбежно чем-то меньшим, чем вы сами.

Если вы практикуете счастье, то всегда где-то позади, будете в нем сохраняться сами, со всеми своими глупостями, со всеми своими путешествиями эго, со всем своим невежеством, со всем хаосом своего ума. Этим хаотическим умом вы не можете создать космоса, не можете создать изящества духа. Одухотворение¹ всегда нисходит из запредельного; его

¹ Англ. *grace* — по субъективному ощущению переводчика, традиционный русский термин «благодать» был бы неточен и чрезмерно отягощен противоречивыми ассоциациями; здесь и далее: изящество духа.

следует принимать как дар, в безграничном доверии, в полной отдаче себя¹.

В состоянии позволения² случается истинное счастье.

Но нам говорили, что нужно достигать, быть честолюбивыми. Всему нашему уму была привита привычка к достижению. Все образование, культура и религия — все они построены на основе той идеи, что человек должен быть честолюбивым; только честолюбивый человек сможет достичь осуществленности. Так никогда не бывало, так никогда не будет, но наше невежество столь глубоко, что мы продолжаем верить в этот вздор.

Ни один честолюбивый человек никогда не был счастлив; по сути, *честолюбивый человек — самый несчастный в мире. Но мы продолжаем учить детей амбициям: «Будь первым, будь наверху, и ты будешь счастлив!»* А приходилось ли вам когда-нибудь видеть кого-нибудь, кто был бы одновременно первым и счастливым? Был ли счастлив Александр Великий, когда стал повелителем мира? Он был одним из несчастнейших людей, которые только жили на Земле. Видя блаженство Диогена, он ему позавидовал. Завидовать нищему?..

Диоген был нищим; у него не было ничего, даже чаши для подаяния. У Будды, по крайней мере, была чаша для подаяния и три смены одежды. Диоген был голый — и без всякой чаши для подаяния. Однажды он пришел к реке с чашей для подаяния. Было жарко, он испытывал жажду, и ему захотелось попить воды из реки. И когда он приблизился к реке, уже на самом берегу, мимо него пробежала собака; пытаясь, она бросилась в реку, стала в ней плескаться и напилась вволю. В уме Диогена возникла идея: «Эта собака свободнее меня — ей не приходится носить с собой чашу для подаяния. А если это получается у нее, почему не могу обойтись без этой чаши я? Это единственное мое владение, и я должен за ним присматривать, потому что его могут украсть. Даже ночью один или два раза мне приходится трогать ее рукой, чтобы проверить, на месте ли она еще или ее уже нет». И он выбросил чашу для подаяния в реку, поклонился собаке и поблагодарил ее за великое послание, которое она ему принесла от существования.

¹ Англ. *surrender* — букв, капитуляция; термин восточного видения духовности как отказа от собственной эгоистической воли, который, будучи, по-видимому, не имеющим равных достижением восточного сознания, не имеет прямого и изящного аналога ни в английском, ни в русском языке.

² Позволение: условный перевод англ. *let-go* — существительного, образованного от безличного глагола «выпустить из рук», «отпустить на свободу»; здесь: «перестать себя контролировать», «отпустить себя на свободу», «дать себе волю»; еще один оттенок восточной концепции освобождения посредством отказа от личного волеизъявления.

Этот человек, у которого ничего не было, вызвал зависть в уме Александра. Каким, наверное, он был несчастным! Он сознался Диогену:

— Если когда-нибудь снова Бог даст мне рождение, я попрошу его: «На этот раз, пожалуйста, не делай меня Александром, сделай меня Диогеном».

Диоген громогласно рассмеялся и позвал собаку — потому что теперь они стали друзьями, стали жить вместе — он позвал собаку и сказал:

— Только посмотри, послушай, какую ерунду он говорит! В следующей жизни он хочет быть Диогеном! Почему не в этой жизни? Зачем откладывать? Кто знает, что будет в следующей жизни? Даже следующий день остается неопределенным, следующее мгновение остается неопределенным — что говорить о следующей жизни! Если ты действительно хочешь быть Диогеном, то это возможно прямо в этот самый момент, здесь и сейчас. Брось одежду в реку и забудь все о завоевании мира! Это сушая глупость, и ты это знаешь сам. Ты признался, что несчастен, ты признался, что Диоген оказался в гораздо лучшем, более блаженном состоянии. Так почему не быть Диогеном прямо сейчас? Ляг на этом речном берегу, где я принимаю солнечную ванну! На этом берегу достаточно места для нас обоих.

Александр не смог принять этого приглашения, конечно. Он сказал:

— Спасибо за твое приглашение. Прямо сейчас я этого не могу, но в следующей жизни...

— Куда ты хочешь попасть? — спросил его Диоген. — И что ты будешь делать, даже если завоюешь мир?

— Тогда я отдохну, — сказал Александр.

— Это кажется абсолютно нелепым, — сказал Диоген, — потому что я отдыхаю прямо сейчас!

Если Александр не счастлив, если Адольф Гитлер не счастлив, если Рокфеллеры и Карнеги не счастливы: люди, у которых есть все деньги мира, — если они не счастливы; люди, у которых есть вся власть мира, — если они не счастливы... Просто посмотрите на людей, достигших успеха в мире, и вы отбросите идею об успехе. Ничто не приносит такого поражения, как успех. *Хотя вам говорили, что ничто не приносит такого успеха, как успех, я вам говорю, что ничто не приносит такого поражения, как успех.*

Счастье не имеет ничего общего с успехом. Счастье не имеет ничего общего с амбициями. Счастье не имеет ничего общего с деньгами, властью, престижем. Это совершенно другое измерение. Счастье связано с вашим сознанием, но не с характером. Позвольте мне напомнить: характер — это нечто, вам привитое. Ты можешь стать святым, но все же не будешь

счастливым, если твоя святость — не более чем тренированная святость. А именно так люди становятся святыми.

Католики, джайны, индуисты — как они становятся святыми? Они тренируются — в мельчайших деталях, миллиметр за миллиметром — когда им просыпаться, что есть, чего не есть, когда ложиться спать...

Я совершенно не верю в характер. Мое доверие — к сознанию. Если человек становится более сознательным, это естественным образом трансформирует его характер. Но эта трансформация совершенно другая: она не подстроена умом, она естественна, она спонтанна. И всегда, когда ваш характер естествен и спонтанен, он красив и своеобразен; иначе продолжайте совершенствоваться сколько угодно... можете отбросить гнев, но куда вы его отбросите? Отбросить его придется в глубь собственного бессознательного. Вы можете изменить одну сторону своей жизни, но, что бы вы ни швырнули вовнутрь, оно начнет выражать себя с какой-то другой стороны. Это неизбежно. Можно перегородить поток камнем; он потечет в каком-то другом направлении — его нельзя уничтожить. Гнев есть, потому что вы бессознательны, жадность есть, потому что вы бессознательны, собственничество и ревность есть, потому что вы бессознательны.

Поэтому я не заинтересован в том, чтобы изменить ваш гнев; это было бы все равно, что подстригать листья дерева, надеясь, что дерево однажды исчезнет. Этого не будет. Напротив, чем более вы подстригаете листья, тем гуще будет крона.

Таким образом, ваши так называемые святые — самые грешные люди в мире, притворщики, лицемеры. Да, если смотреть снаружи, они выглядят очень святыми — даже чересчур святыми, приторными, слишком сладкими, болезненно сладкими, тошнотворно сладкими. К ним можно приблизиться только с тем, чтобы воздать дань почтения и тут же спастись бегством. Вы не сможете выдержать со своими святыми и двадцати четырех часов — они нудны, как смерть! Чем ближе вы к ним подойдете, тем более придете в недоумение, замешательство, озадаченность, потому что вам станет видно, что с одной стороны они пересилили гнев, но он вошел в другую сторону их жизни.

Обычные люди испытывают гнев изредка, и их гнев очень скоротечен, очень недолговечен. Потом они снова смеются, снова они дружелюбны; они не носят с собой рану слишком долго. Но ваши так называемые святые — их гнев становится почти постоянным делом. Они просто живут в гневе, не гневаясь ни на что в отдельности. Они подавили гнев до такой степени, что теперь просто остаются в гневе, в состоянии ярости. Это показывают их глаза, это показывают их носы, их лица, это показывает сам их образ жизни.

Лу-Тинь всегда обедал в греческом ресторане, потому что Пападопулос, его владелец, замечательно готовил жареный рис. Каждый вечер он приходил в ресторан и заказывал «жаленый лис».

Это всегда заставляло Пападопулоса падать на пол от смеха. Иногда он даже приглашал двух или трех друзей, стоящих поблизости, просто чтобы послушать, как Лу-Тинь закажет свой «жаленый лис». В конце концов, это так ранило гордость китайца, что он стал брать специальные уроки дикции, чтобы научиться говорить «жареный рис» правильно. И вот однажды он пришел в ресторан и сказал, чеканя слова:

— Жареный рис, пожалуйста.

Не веря своим ушам, Пападопулос переспросил:

— Что вы сказали?

— Ты слышал, что я сказал, — завопил Лу-Тинь, — глеческий улод!

Невелика разница: был «жаленый лис», стал «глеческий улод»! Если закрыть одну дверь, тотчас же открывается другая. Это не путь трансформации.

Изменить характер легко; настоящая работа состоит в том, чтобы изменить сознание, в том, чтобы стать сознательным — более сознательным, более интенсивно и страстно сознательным. Когда вы сознательны, невозможно быть гневными, невозможно быть жадными, невозможно быть ревнивыми, невозможно гнаться за амбициями.

И когда весь гнев, жадность, амбиции, ревность, собственничество, похоть исчезают, высвобождается вовлеченная в них энергия. Эта энергия становится вашим блаженством. Теперь оно не приходит извне; теперь оно случается внутри вашего существа, в глубочайших тайниках вашего существа.

И когда эта энергия оказывается доступной, вы становитесь восприимчивым полем, становитесь магнетическим полем. Вы привлекаете запредельное — став магнетическим полем, когда вся энергия, которая понапрасну тратилась вашей бессознательностью, собирается внутри вас, разливается озером. Когда вы становитесь озером энергии, вы начинаете привлекать звезды, вы начинаете привлекать запредельное, вы начинаете привлекать самый рай.

И встреча вашего сознания с запредельным — точка блаженства, истинного счастья. Это блаженство ничего не знает о несчастье; это сущее счастье. Оно ничего не знает о смерти; это сущая жизнь. Оно ничего не знает о темноте; это сущий свет, и знать его — вот в чем цель. Гаутама

Будда отправился на поиски его, и однажды спустя шесть лет, полных борьбы, он его достиг.

Вы тоже можете его достичь, но позвольте мне напомнить: говоря, что вы можете его достичь, я не пытаюсь вызвать желание его достичь. Я просто констатирую факт: если человек становится безбрежным озером энергии, не тревожимым ничем мирским, это происходит. Это более происшествие, чем действие. И лучше назвать это блаженством, чем счастьем, потому что слово «счастье» создает впечатление чего-то подобного тому, что вы понимаете под счастьем. То, что вы понимаете под счастьем, — не более чем относительное состояние.

Бенсон пришел в одеждуную лавку Крантца купить себе костюм. Найдя тот самый фасон, какой ему хотелось, он снял с вешалки пиджак и примерил его.

Крантц подошел к нему.

— Да, сэр. Он прекрасно на вас выглядит.

— Может быть, он выглядит прекрасно, — сказал Бенсон, — но он ужасно жмет. В плечах так и режет.

— Так наденьте штаны, — сказал Крантц. — Они такие узкие, что вы о плечах больше не вспомните!

То, что вы называете счастьем, — только дело относительности. То, что называют счастьем будды, — нечто абсолютное. Ваше счастье — относительное явление. То, что называют счастьем будды, — нечто абсолютное, не связанное ни с кем другим. Оно не определяется сравнением ни с кем другим; оно — просто ваше, оно принадлежит внутреннему.

В американской конституции содержится очень глупая идея. В ней говорится, что преследование счастья — это врожденное право человека. Люди, писавшие эту конституцию, не имели понятия о том, что пишут. Если преследование счастья — врожденное право человечества, тогда что можно сказать о несчастье? Чьим врожденным правом является несчастье? Эти люди совершенно не осознавали, что если вы просите счастья, то в то же самое время просите и несчастья; и неважно, знаете вы это или нет.

Я называю это глупостью, потому что никто не может преследовать счастье, и если вы преследуете счастье, определенно одно: вы его не получите. *Счастье — это всегда побочное следствие. Это не результат прямого преследования. Оно происходит, когда вы даже о нем не думаете,* — что говорить о преследовании? Оно происходит внезапно, из ниоткуда.

Вы были заняты чем-то совершенно другим.

Может быть, вы рубили дрова — безусловно, это не преследование счастья: рубить дрова — но под солнцем раннего утра, когда все еще прохладно, стук топора, врезающегося в дерево... Щепки летят во все стороны и производят звук, оставляющий за собой тишину... Вы покрываетесь потом, и прохладный ветерок приносит вам чувство еще большей прохлады... Внезапно — счастье, неудержимая радость. Но вы просто рубили дрова — и рубку дров вряд ли стоит вносить в конституцию как занятие, являющееся врожденным правом человека, потому что, сколько занятий придется тогда в нее включить?..

Я не могу забыть один день... Есть некоторые вещи, которые не имеют никакого логического смысла или значения, но почему-то продолжают витать в памяти. Невозможно понять, по какой причине это происходит, потому что с тех пор случилось миллионы вещей, гораздо более важных, гораздо более значительных, и все они исчезли. Но некоторые незначительные вещи — нельзя найти тому никакой причины, но они сохранились в памяти; они оставили за собой след.

Одну из таких вещей я помню. Я шел домой из школы — моя школа была почти в миле от дома. Как раз на полпути росло огромное дерево *бо*. Я проходил мимо этого дерева *бо* каждый день, по меньшей мере, четыре раза: по пути в школу, затем в середине дня по пути домой на обед, затем снова по пути в школу, затем снова возвращаясь домой. Тысячи раз я проходил мимо этого дерева, но в тот день что-то случилось.

День был жаркий, и, приближаясь к этому дереву, я вспотел. Мой путь проходил под деревом, и там было так прохладно, что без всякой особенной мысли я ненадолго остановился, сам не зная почему. Я просто приблизился к стволу дерева, сел и ощутил ствол дерева. Я не могу объяснить, что произошло, но я почувствовал себя таким безбрежно счастливым, словно между деревом и мной что-то передалось. Сама прохлада не могла быть причиной, потому что много раз, вспотев от жары, я по пути оказывался в тени этого дерева. Я останавливался и раньше, но никогда раньше я не приближался и не касался этого дерева, не сидел рядом с ним так, словно встретился со старым другом.

Этот миг для меня остается сияющим как звезда. В моей жизни случилось столько событий, но я не вижу, чтобы этот миг хоть сколько-нибудь уменьшился в своей важности: он по-прежнему со мной. Каждый раз, когда я оглядываюсь назад, он по-прежнему со мной. И как в тот день я не осознавал ясно, что именно случилось, так не могу сказать и теперь — но что-то случилось. И с того дня между мной и этим деревом возникло определенное родство, которого я никогда не чувствовал прежде, не

чувствовал даже с человеческим существом. Это дерево стало мне ближе, чем кто-либо другой на свете. Это вошло в обыкновение: каждый раз, проходя мимо, я садился рядом с ним на несколько секунд, или несколько минут, и просто его чувствовал. Я по-прежнему это вижу — что-то между нами продолжало расти.

В тот день, когда я оставил школу и переехал в другой город, чтобы поступить в университет, я попрощался с отцом, с матерью, с дядями и всей семьей без слез. Я никогда не был человеком, который легко начинает рыдать и плакать. Но в тот же самый день, прощаясь с этим деревом бо, я заплакал. Эта точка в памяти остается очень яркой. И пока я плакал, я был абсолютно уверен, что слезы были на глазах и у этого дерева бо, хотя я и не видел глаз дерева и не мог видеть слез. Но я мог чувствовать — касаясь дерева, я чувствовал его грусть, чувствовал его прощальное благословение. И действительно, это была наша последняя встреча, потому что, когда я вернулся через год, по какой-то дурацкой причине это дерево срубили, и его не стало.

Дурацкой причиной явилось то, что на этом месте — а это был самый красивый участок в центре города — строили небольшой мемориальный столб. Это делалось ради одного идиота, который был достаточно богат, чтобы побеждать на всех выборах и стать президентом муниципального комитета. Он пробыл президентом, по меньшей мере, тридцать пять лет — самое долгое время, которое кто-либо в этом городе занимал президентский пост. И все были так довольны его президентством, потому что он был таким идиотом; каждый мог делать, что ему угодно, и он ни во что не вмешивался. Можно было построить дом прямо посреди дороги, он об этом не беспокоился, лишь бы только за него голосовали. Поэтому весь город был им доволен — потому что у каждого было столько свободы. Муниципальный комитет, его члены, служащие и старшие служащие — все они были им довольны. Всем хотелось, чтобы он оставался президентом вечно; но, к счастью, даже идиоты однажды умирают. Однако смерть этого идиота явилась несчастьем, потому что пришлось искать место, чтобы воздвигнуть ему памятник, и из-за этого было уничтожено дерево бо. Теперь на месте живого дерева стоит этот кусок мрамора.

Преследование счастья — дело невозможное. Если вы просмотрите собственный опыт и выберете те мгновения, когда вы были счастливы, — которые неизбежно будет очень редки: может быть, в семидесятилетней жизни вы найдете семь мгновений, которые сможете предъявить как счастливые... Но даже если с вами случилось хотя бы одно мгновение счастья, можно сказать определенно и без всяких исключений — счастье случилось, когда вы его не искали.

Попытайтесь искать счастье — и будьте уверены, что вы его упустите.

Я не согласен с Иисусом Христом по многим пунктам, даже в тех вопросах, которые выглядят очень невинными, и кажется, что я к нему недостаточно добр. Иисус говорит: «Ищите, и найдете. Просите, и вам будет дано. Стучите, и двери откроются перед вами». Но я не могу с этим согласиться.

Те дураки, которые написали американскую конституцию, безусловно, находились под влиянием Иисуса Христа, как же иначе? — все они были христианами. Когда они говорили о «преследовании счастья», то, наверное, сознательно или нет, подразумевали изречение Иисуса: «Ищите, и найдете». Но я вам говорю: ищите, и можете быть уверены, что никогда ничего не найдете. Не ищите — и все здесь.

Просто перестаньте искать, и вы нашли — потому что поиски означают усилия ума, не-поиск означает состояние расслабления. А счастье возможно только в расслаблении.

Ищущий не расслаблен. Как он может быть расслабленным? Он не может позволить себе расслабления. Вы удивитесь, если оглянетесь вокруг и посмотрите на мир: вы найдете, что в людях более бедных стран больше удовлетворенности. Да, даже в Эфиопии, где люди умирают от голода, вы найдете, что люди умирают, но не найдете ни страдания, ни тоски. Наибольшее число несчастных людей вы найдете в Америке. Странное дело. В Америке преследование счастья — это врожденное право. Ни в одной другой конституции мира ничего подобного не упоминается.

Эта американская конституция абсолютно безумна: «преследование счастья»? — никто никогда не достигал в этом успеха, и те, кто пытался, становились очень несчастливыми, и их жизнь была полна страдания.

Счастье *случается*. Может быть, именно поэтому люди и называли его счастьем: оно *случается*. Нельзя его организовать, нельзя его выработать, нельзя его устроить. Счастье - это нечто за пределами ваших усилий за пределами вас самих. Но, копая яму в саду, если вы полностью этим поглощены, если весь мир забыт, включая вас самих, — вот оно.

Счастье всегда с вами. Оно не имеет ничего общего с погодой, оно не имеет ничего общего с рубкой дров, оно не имеет ничего общего с рытьем ямы в саду. Счастье не имеет ни к чему никакого отношения. Это просто неожиданное, расслабленное, непринужденное состояние вашего бытия с существованием, и оно остается с вами; оно не приходит и не уходит. Оно всегда есть, точно так, как ваше дыхание, биение сердца, обращение крови в теле. Счастье есть всегда, но если вы станете его искать, то найдете несчастье. Вы упустите счастье в самих поисках — а именно это и есть несчастье: отсутствие счастья. Несчастье определенным образом связано — состоит в партнерстве — с преследованием. Если вы «преследуете», то

настигнете несчастье. А американская конституция внушила всем американцам идею, что одни должны «преследовать».

И они отчаянно преследуют — деньги, власть, религию — и мечутся по всему миру в поисках кого-то, кто научил бы их, как найти счастье.

На самом деле нужно просто вернуться домой, и перестать об этом думать. Делайте что-то другое, что не имеет ничего общего со счастьем. Рисуйте. Необязательно учиться живописи; почему нельзя просто разбрасывать краски по холсту? Это может любой ребенок. Просто бросайте краски на холст, и, может быть, вы будете удивлены: вы не художник, но происходит что-то красивое. Сами краски смешиваются определенным образом и создают что-то, что вы не можете назвать.

Современные картины не имеют названий, а многие картины — даже рам, потому что в существовании рам нет. Если вы смотрите из окна, то видите небо в раме, но рама существует в окне, не в небе; у неба нет никакой рамы. Поэтому есть художники, которые не рисуют даже на холсте; они рисуют на стенах, на полах, на потолке. Станные места — но я вижу их прозрение. Они заинтересованы не в том, чтобы создать картину; они более заинтересованы в том, чтобы вовлечься в само действие создания. Это делается не для продажи. Как вы можете продать свой потолок, и кто его купит? Но пока они настолько поглощены, из какого-то неведомого места что-то начинает проскальзывать в их существо. Они начинают чувствовать себя радостными, совершенно без причины.

Именно поэтому я осуждаю идею преследования. Кто бы ни был тот, кто вписал в конституцию эти слова о преследовании, я могу о нем сказать, не зная его имени, не зная о нем ничего, что, наверное, он был абсолютно несчастливym человеком. Он никогда не знал счастья. Он сам *преследовал*, потому он и попытался дать каждому американцу то самое врожденное право, которым воспользовался сам. И никто за триста лет не подверг это критике — хотя это так очевидно.

Поэт, художник, певец, танцор — да, изредка они достигают счастья. Но одна вещь всегда остается составляющей этого счастья: каждый раз, когда приходит счастье, *их* нет. Преследующего нет, преследования нет.

Нижинский, один из самых значительных танцоров во всей истории мира... Что касается меня, я считаю его лучшим из всех танцоров, которых только создало человечество. Когда он танцевал, он был просто чудом. Иногда он прыгал так, что это противоречило гравитации; это было невозможно, научно невозможно. Такой долгий гигантский прыжок по законам гравитации абсолютно невозможен. Даже прыгуны в длину, участвующие в Олимпийских играх, — ничто в сравнении с Нижинским, когда прыгал он. И еще более чудесным было то, как он опускался на землю

после прыжка: он летел плавно, как перо. Это еще более противоречит законам гравитации, потому что земное тяготение обычно притягивает вес человеческого тела тут же, немедленно. Вы бы просто шлепнулись и, может быть, даже поломали бы себе пару костей! Но он опускался на землю точно так, как падает с дерева осенний лист: медленно, лениво, без спешки, потому что торопиться некуда. Или еще лучше будет сказать: подобно перу, потому что лист падает на землю немного быстрее. Перо птицы — очень легкое, почти невесомое, оно летит, танцуя. И точно таким образом спускался на землю Нижинский. Когда он приземлялся на сцену, не было даже звука. Его снова и снова спрашивали:

— Как вы это делаете?

— Не знаю, — говорил он. — Я пытался это делать намеренно, но каждый раз, как я пытался, этого не получалось. Чем более я пытался, тем яснее мне становилось, что это не что-то такое, что я могу устроить намеренно. Постепенно я осознал, что это получается, когда я не пытаюсь, когда я даже об этом не думаю. Когда нет даже меня самого, внезапно оказывается, что это получается, это происходит. И к тому времени, как я возвращаюсь, чтобы понять, как это произошло, его уже больше нет, оно уже ушло, и я снова на земле.

Вот этот человек знает, что преследовать счастье нельзя. Если бы Нижинский также входил в комитет, составлявший конституцию Америки, он возразил бы и сказал, что преследование — абсолютно неправильное слово. Просто скажите, что врожденное право каждого — счастье, не его преследование. Это не ситуация охотника, преследующего дичь. В противном случае всю жизнь вы проведете в преследовании, гонясь за теньями, и никогда ничего не достигнете. В этой пустой растрате вся жизнь пройдет мимо вас.

Но эта идея вошла в американский ум, и в каждой из сфер жизни: будь то политика, бизнес или религия, — люди преследуют. Американцы всегда остаются в движении, и в движении быстром, потому что если уж двигаться, то почему не двигаться быстро? И не спрашивайте, куда, потому что никто этого не знает. Только одно ясно: они движутся с предельной скоростью, со всей скоростью, какую только способны поддерживать. Что еще нужно? Вы движетесь, и движетесь с предельной скоростью. Вы реализуете свое врожденное право.

Таким же образом люди перемещаются от одной женщины к другой, от другой к третьей; от одного мужчины к другому, от другого к третьему; от одного дела к другому, от одной работы к другой — и все это, в преследовании счастья. И — странное дело — всегда выглядит так, словно счастье уже здесь, и кто-то другой наслаждается счастьем, и вы начинаете

его преследовать. Когда вы оказываетесь там, где, как вам казалось, вы должны были его найти, его там нет.

Трава по ту сторону забора всегда зеленее, но не прыгайте через забор, чтобы посмотреть, действительно ли это так. Наслаждайтесь этим! Если она зеленее по ту сторону забора, наслаждайтесь этим. Зачем прыгать через заборы, руша все на своем пути, — ради того, чтобы найти, что там трава хуже вашей собственной?

Но люди гонятся за всем, думая, что, может быть, это даст им то, чего им не доставало.

Ничто не поможет. Вы можете жить во дворце, но будете настолько же несчастны, а может быть, еще более чем были в своей старой хижине. В старой хижине, по крайней мере, было то утешение, что вы несчастны, потому что живете в старой, прогнившей хижине. Был предлог; вы могли рационально обосновать свою скупость, свое страдание, свое несчастье. Кроме того, была надежда, что однажды вам удастся приобрести дом, который будет лучше, — если не дворец, то хотя бы хороший, красивый, небольшой дом, который будет вашим собственным.

Именно эта надежда поддерживает в людях жизнь, и именно их предлоги и обоснования позволяют им снова и снова продолжать пытаться. Философией Америки стало: «Пытаться, пытаться и еще раз пытаться». Но есть некоторые вещи, которые недостижимы в пределах царства попыток, происходящие, только когда вы совершенно прекращаете пытаться. Вы просто садитесь и говорите: «С меня довольно — я не собираюсь пытаться».

Именно так с Гаутамай Буддой случилось просветление.

Наверное, он был первым американцем, потому что занимался преследованием счастья. Ради этого преследования он отбросил свое королевство. Он был первопроходцем во многом; он был первым бунтарем. Ваши хиппи отбросили не так уж много. Чтобы что-то отбросить, сначала вы должны это иметь. Он имел, и имел больше, чем какой-либо другой человек. Будда был окружен всеми красивыми женщинами королевства, поэтому ни одно желание не осталось неудовлетворенным: у него была лучшая еда, сотни слуг, огромные сады.

Будда сказал: «Я отрекаюсь от всего этого. Я не нашел здесь счастья. Я буду его искать, я буду его преследовать, я сделаю все необходимое, чтобы найти счастье».

И в течение шести лет Будда делал все, что только в человеческих силах. Он приходил ко всем возможным учителям, мастерам, ученым, мудрецам, пророкам, святым. А в Индии этих людей так много, что за ними не нужно далеко ходить; просто идите куда угодно, и вы их встретите. Они всюду

вокруг; если вы их не ищите, они будут искать вас сами. А во времена Будды эта ситуация была в самой кульминационной точке. Но прошло шесть лет безмерных усилий — аскетических практик, постов и упражнений йоги — и ничего не случилось. И однажды...

Ниранджана — это небольшая речка, не очень глубокая. Будда совершал посты, выполнял аскетические практики и всевозможными способами истязал себя, и он так ослабел, что когда он пришел к Ниранджане, чтобы совершить омовение, то не смог пересечь реку. Река была маленькая, но он был так слаб, что лишь с большим трудом ему удалось, удерживаясь за свисавший с берега корень дерева, удерживаться на месте; иначе его унесло бы течением. Пока он держался за этот корень, его осенила идея: «Все эти мудрецы говорят, что существование подобно океану. Если существование — океан, значит, все, что я делаю, неправильно, потому что, если я не могу пересечь даже эту речушку, Ниранджану, как мне пересечь океан существования? Все, что я делал до сих пор, было просто пустой растратой времени, жизни, энергии, тела». Каким-то образом ему удалось выбраться из реки, и он отбросил все усилия и сел под деревом.

Тем вечером — а это было в ночь полнолуния — впервые за шесть лет он спал хорошо, потому что завтра ничего не нужно было делать, никуда не нужно было идти. Завтра не нужно было даже просыпаться рано, до восхода солнца: никаких практик, никаких упражнений. Следующим утром он мог спать сколько хотел. Впервые он почувствовал полную свободу от всех усилий, от поисков, стремления, преследования.

Конечно, он спал в безмерном расслаблении, и утром, когда он открыл глаза, исчезала последняя звезда. И говорят, с исчезновением последней звезды исчез и Будда. Целая ночь покоя, мира, без будущего, без цели, без ничего, что нужно делать... впервые он перестал быть американцем. Спокойно лежа, не торопясь даже вставать, он просто увидел, что все эти шесть лет были похожи на кошмарный сон. Но это было в прошлом. Звезда исчезла, и с нею исчез Сиддхартха.

Это был опыт блаженства, истины; трансценденции, всего, что он искал, но упускал из-за самих поисков. Даже буддисты не могут понять значения этой истории. Это самая важная история в жизни Гаутамы Будды. Ничто другое с нею несравнимо.

Но вы удивитесь... Я не буддист, я не согласен с Буддой в тысяче и одном вопросе, но я — единственный за двадцать пять веков человек, подчеркнувший в особенности эту историю и сделавший ее центральным фокусом, потому что именно так случилось пробуждение Будды. Но буддистские священники и монахи не могут даже рассказывать эту историю, потому что, если рассказывать эту историю, какая у них останется

цель? Что они делают? Чему они учат, каким упражнениям, каким молитвам? Естественно, если рассказывать эту историю — что это случилось, когда Будда прекратил заниматься всякой религиозной ерундой, — тогда люди скажут: «Зачем же тогда вы нас учите заниматься этой религиозной ерундой? Лишь для того, чтобы однажды ее отбросить? И если, в конце концов, нам все равно придется ее отбросить, зачем тогда вообще начинать?»

Переубедить этих священников трудно; это разрушило бы весь их бизнес и всю их профессию.

Точно таким же образом изливается блаженство. Точно таким же образом изливается истина. Нужно лишь сидеть, ничего не делая, ожидая — ожидая не Годо, но, только ожидая; ожидая не чего-либо в частности, но, просто ожидая, оставаясь в состоянии ожидания, — и это случается.

И поскольку это *случается*, абсолютно правильно называть это «счастьем».

Человек живет в несчастье, жил в несчастье веками. Мало найдется человеческих существ, которые не несчастны. Это бывает так редко, что кажется почти невероятным. Именно поэтому люди не верят, что подобные Будде человеческие существа вообще когда-либо существовали. Люди не могут в это поверить — не могут поверить потому, что сами так несчастны. Их несчастье так велико, и они так глубоко в нем увязли, что не видят никакой возможности из него выбраться.

Люди думают, что будды, наверное, были вымышлены, что подобные Гаутаме Будде люди человечеству пригрезились. Именно это говорит Зигмунд Фрейд: подобные Будде люди — «выдавание желаемого за действительное». Мы сами хотим быть такими, хотим выбраться из страдания, хотим обладать таким же безмолвием, таким же миром, таким же благословением — но этого не случилось. И Фрейд говорит, что надежды нет; этого *не может* случиться по самой природе вещей. Человек не может стать счастливым.

Фрейда следует слушать очень внимательно и очень глубоко; его мнение нельзя просто отмести. Он был одним из самых проницательных умов, которые только существовали, и когда он говорит, что счастье невозможно, когда он говорит, что надеяться на счастье — значит, надеяться на невозможное, — он знает, что говорит. Это не заключение философа. К этому заключению его привели собственные наблюдения человеческого несчастья. Фрейд не был пессимистом, но, наблюдая тысячи человеческих существ, проникая глубже и глубже в их психику, он осознал, что человек

так устроен, что в нем есть встроенный механизм, создающий несчастное существование. Самое большее, человек может жить комфортно, но никогда — не в экстазе. Самое большее, мы можем сделать жизнь немного более удобной — при помощи научных технологий, посредством социальных перемен, улучшения экономических условий и прочих вещей — но человек все равно будет оставаться несчастным. Как может Фрейд поверить, что такой человек, как Будда, вообще существовал? Такая безмятежность кажется просто мечтой; Будда пригрезился человечеству, как сон.

Эта идея возникает потому, что Будда так редок, так исключителен. Он не принадлежит общему правилу.

Почему человек остается в таком несчастье? Чудо в том, что каждый *хочет* быть счастливым. Не найдется ни единого человека, который *хочет* быть несчастным, и все же каждый живет в несчастье. Каждый хочет быть счастливым, блаженным, мирным, тихим. Каждый хочет быть в радости, каждый хочет праздновать — но это кажется невозможным. Наверное, должна быть какая-то очень глубокая причина, настолько глубокая, что фрейдистский анализ не смог ее достичь, настолько глубокая, что в нее не смогла проникнуть логика.

Нужно понять одну из основ. Человек хочет счастья; именно поэтому он несчастен. Чем более вы хотите быть счастливыми, тем более становитесь несчастными. Это кажется очень абсурдным, но именно в этом состоит коренная причина. И если вы поймете процесс функционирования человеческого ума, то сможете ее осознать.

Человек стремится быть счастливым; тем самым он создает страдание. Если вы хотите выбраться из страдания, вам придется выбраться из собственного стремления к счастью — и тогда никто не сможет сделать вас несчастным. Именно это просмотрел Фрейд. Он не смог понять, что причиной несчастья может быть само стремление к счастью.

Как это происходит? Почему вообще вы стремитесь к счастью? И что вам приносит это стремление к счастью?

Начиная стремиться к счастью, вы в то же мгновение уходите прочь из настоящего, уходите прочь из экзистенциального, вы уже переместились в будущее — которого нигде нет, которое еще не пришло. Вы переместились в сновидения, а сновидения никогда не могут принести осуществленности. Ваше стремление к счастью — это сновидение, а сновидение нереально. При помощи нереального, никому никогда не удавалось достичь реального. Вы сели не в тот поезд.

Стремление к счастью просто показывает, что в это самое мгновение вы не счастливы. Стремление к счастью просто показывает, что вы —

несчастное существо. А несчастное существо проецирует жизнь в будущее, воображает, что однажды — в тот или иной день, тем или иным образом — оно будет счастливо. Ваша проекция исходит из страдания; она несет в себе сами семена страдания. Она исходит из вас, она не может быть отличной от вас. Это словно ваш ребенок — ее лицо похоже на ваше; ее кровь течет в ваших жилах. Она будет продолжением вас.

Сегодня вы несчастливы. Вы создаете проекцию, воображаете, что будете счастливы завтра, но завтра — это проекция вас и всего того, какие вы сегодня. Вы несчастливы — завтра возникнет из этого несчастья, и вы будете еще более несчастливы. Конечно, из большего несчастья вы снова пожелаете большего счастья в будущем. Теперь вы пойманы в ловушку порочного круга: чем более несчастными вы становитесь, тем более желаете счастья; чем более вы желаете счастья, тем более становитесь несчастными. Так собака гоняется за собственным хвостом.

В дзэн для этого есть определенное название. Люди дзэн говорят, что это все равно, что стегать кнутом повозку. Если ваши лошади не движутся, а вы продолжаете погонять повозку, это не поможет. Вы несчастны, и тогда все, о чем вы можете мечтать, все, что вы можете спроецировать, только принесет еще большее страдание.

Поэтому первое, что нужно сделать, — это прекратить создавать сновидения, прекратить проецировать. Первое, что нужно сделать, — это быть здесь и сейчас. Что бы ни происходило, просто будьте здесь и сейчас — и вас ожидает великое откровение.

Это откровение состоит в том, что никто не может быть несчастлив в Здесь-и-Сейчас.

Были ли вы когда-нибудь несчастны здесь и сейчас? В это самое мгновение — есть ли какая-нибудь возможность быть несчастливым *прямо сейчас*? Вы можете подумать о вчерашнем дне и стать несчастливыми. Вы можете подумать о завтрашнем дне и стать несчастливыми. Но *прямо в это самое мгновение* — в это пульсирующее, трепещущее, реальное мгновение — можете ли вы быть несчастливым прямо сейчас? Без всякого прошлого, без всякого будущего?

Вы можете принести несчастье из прошлого, из памяти. Вчера кто-то вас оскорбил, и, может быть, вы все еще несете рану, может быть, вы все еще несете обиду, может быть, вы все еще чувствуете себя из-за этого несчастливыми: «Почему? — почему это случилось со мной? Почему этот человек меня оскорбил? Я сделал ему столько добра, я всегда ему помогал, всегда был другом, — а он меня оскорбил!» Вы играете с чем-то, чего больше нет. Вчера ушло безвозвратно.

Или же вы можете быть несчастливymi из-за завтрашнего дня. Завтра у вас кончатся деньги — где вы тогда будете жить? Что вы будете есть? Завтра у вас кончатся деньги! — теперь входит несчастье. Оно приходит либо из вчерашнего дня, либо из завтрашнего, но никогда оно не здесь и не сейчас. Прямо в это мгновение, в *сейчас*, несчастье невозможно.

Вот все, что вам нужно узнать, чтобы вы смогли стать Буддой. Тогда никто не преградит вам путь. Тогда вы можете забыть всех Фрейдov; тогда счастье не только возможно, но и уже случилось. Оно — прямо перед вами, и вы его не видите, потому что продолжаете смотреть по сторонам.

Счастье находится там же, где находитесь вы, — где вы, там и счастье. Оно вас окружает; это естественное явление. Оно точно как воздух, точно как небо. Счастья не следует искать; это само вещество, из которого состоит вселенная. *Радость — само вещество, из которого состоит вселенная. Но вам следует смотреть прямо, вам следует смотреть в непосредственно близкое. Смотря по сторонам, вы ничего не видите.*

Вы упускаете из-за самих себя. Вы упускаете из-за того, что ошибочен ваш подход.

Но, продолжая умирать для прошлого, и никогда не думая о будущем, попытайтесь быть несчастным — вы обречены на поражение! Вам не удастся быть несчастным; ваше поражение абсолютно определено и предсказуемо. У вас это не получится — как бы искусны вы ни были в том, чтобы оставаться несчастными, сколько бы ни тренировались, вы не сможете создать несчастье в *это* самое мгновение.

Стремление к счастью помогает вам смотреть куда-то в другую сторону, и тогда вы продолжаете упускать. Счастье нужно не создать — счастье нужно просто *увидеть*. Оно уже присутствует. В это самое мгновение вы можете стать счастливыми, безмерно счастливыми.

Именно так это случилось с Буддой. Он был сыном короля, и у него было все, но он не был счастлив. Он становился более и более несчастливым — чем больше у тебя есть, тем более несчастливым ты становишься. Это беда богатого человека. Именно это происходит сегодня в Америке: чем богаче становятся американцы, тем более они становятся несчастливыми; чем богаче они становятся, тем в большую прихдят растерянность: что им делать?

Бедные люди всегда точно знают, что им делать: они должны зарабатывать деньги, они должны построить хороший дом, они должны купить машину, они должны отправить детей в университет. Их всегда ждет определенная программа. Им всегда некогда. У них есть будущее, у них есть надежда: «Рано или поздно...» Они страдают, но у них есть надежда.

Богатый человек страдает, но даже надежды у него нет. Он несчастен вдвойне. И нельзя найти человека более бедного, чем человек богатый; он беден вдвойне. Он продолжает проецировать в будущее, но теперь он знает, что будущее ничего не принесет, — потому что все, в чем он нуждается, у него уже есть. Он становится беспокойным, его ум более и более наполняется тревогой, плохими предчувствиями. Он приходит в тоску. Именно это случилось с Буддой.

Он был богат. У него было все, что только возможно. Он стал очень несчастлив. Однажды он бежал из своего дворца, оставив все богатства, оставив красивую жену, новорожденного ребенка, — он бежал. Он стал нищим. Он начал искать счастья. Он приходил к одному гуру, к другому гуру; и каждого он спрашивал, что ему делать, чтобы быть счастливым, — и, конечно, нашлись люди, готовые дать ему тысячу и один совет, и он следовал каждому совету. И чем более он следовал их советам, тем в большее приходил замешательство.

Будда пробовал все, что ему говорили. Кто-то говорил: «Займись хатха-йогой» — он становился хатха-йогом. Он выполнял упражнения йоги и доходил в своих упражнениях до самой крайности. Ничего из этого не получалось. Может быть, при помощи хатха-йоги можно усовершенствовать тело, но нельзя стать счастливым. Само по себе лучшее тело, более здоровое тело ничего не изменит. Если энергии станет больше, у вас в распоряжении окажется больше энергии, чтобы быть несчастливыми, — но вы останетесь несчастливым. Что вы будете с ней делать? Если у вас будет больше денег, что вы будете с ними делать? Вы будете делать только то, что сможете, а если небольшое количество денег делает вас такими несчастными, большее количество денег сделает вас еще более несчастными. Это простая арифметика.

Будда отбросил всю йогу. Он пошел к другим учителям, к раджа-йогам, которые учат не упражнениям тела, а только мантрам, ритуальным песнопениям, медитациям. Он делал и это, но и из этого ничего не получилось. Он *действительно* искал. Если вы действительно ищете, ничто вам не поможет, никакого лекарства нет.

Посредственные люди останавливаются где-то на полпути, они — не настоящие искатели. Настоящий искатель тот, кто доходит в своем поиске до самого конца и осознает, что все его поиски бессмысленны. Сами по себе поиски являются очередной разновидностью желания — и Будда однажды это осознал. Сначала он оставил свой дворец, оставил свои мирские владения; затем однажды, через шесть лет духовных поисков, он отбросил и все поиски. Ранее были отброшены поиски материальные, теперь он отбросил поиски духовные. Ранее был отброшен этот мир, теперь он отбросил и мир иной.

Он полностью избавился от желания... и в тот же миг это случилось. В тот же миг явилось благословение. Когда все желание отпало, все надежды отпали, последняя надежда угасла, внезапно Гаутама Сиддхартха стал Буддой. Эта природа была с ним всегда, но он смотрел куда-то в другую сторону. Она была всегда — внутри, снаружи, именно так устроена вселенная. Она блаженна, она божественна, она есть истина.

От Агонии к Экстазу

Радость означает: войти в собственное существо. Поначалу это трудно, тяжело. Поначалу вам придется столкнуться лицом к лицу со страданием; это очень трудная и опасная тропа. Но чем глубже вы входите, тем больше награда.

Вам следует понять одно: просветление — это не бегство от боли, но понимание боли, понимание собственного страдания, понимание собственного несчастья — не прикрытие, не заменитель, но глубокое прозрение: «Почему я несчастен, почему во мне столько тревоги, почему во мне столько боли и какие причины во мне это создают?» И увидеть эти причины ясно — значит, быть от них свободным.

Само прозрение в собственное страдание приносит свободу от страдания. И то, что остается, — и есть просветление. Просветление — это не что-то, что приходит к вам. Только когда боль и страдание, тоска и тревога поняты в совершенстве, и они испарились, потому что у них нет больше причины, чтобы существовать в вас, — это состояние просветления. Оно приносит вам — впервые — настоящую удовлетворенность, настоящее блаженство, подлинный экстаз. И только тогда вы можете сравнивать.

То, что вы раньше называли «удовлетворенностью», ею не было. То, что вы раньше называли «счастьем», им не было. Но прямо сейчас вам не с чем сравнивать.

Как только просветление дает вам ощущение вкуса реального, вы видите, что все ваши удовольствия, все ваше счастье было просто веществом, из которого состоят сны; это не было реальным. А то, что пришло сейчас, пришло навсегда.

Вот определение реального: удовлетворенность, которая приходит и никогда больше не покидает вас, — настоящая удовлетворенность. Удовлетворенность, которая приходит и снова уходит, — не удовлетворенность, но просто промежуток между двумя периодами страдания. Точно так же, как мы называем промежуток между войнами «мирным временем»... — это не мирное время, это просто подготовка к следующей войне. Если состояние войны назвать позитивной войной, время между войнами окажется негативной войной, холодной войной. Война уходит в подполье, вы готовитесь к горячей войне.

Все, что приходит и уходит, — есть сон. Пусть это будет определением. Все, что приходит и не уходит никогда, — есть реальность. *Попытайтесь*

понять свое страдание. Проживите его, идите в самую его глубину, найдите его причину, установите, откуда оно берется. Пусть вашей медитацией будет понимание.

И попытайтесь понять также и свою удовлетворенность, и свое счастье, и вы увидите их поверхностность. Как только вы узнаете, что ваше счастье поверхностно, а боль очень глубока — а это в ваших руках, — вы можете изменить весь стиль своего сознания. Удовлетворенность может стать всем вашим существом; для неудовлетворенности не останется ни малейшего пространства.

Любовь становится самой вашей жизнью. И она остается с вами. Время идет, но то, чего вы достигли, становится только глубже и глубже. Из этого рождается больше и больше цветов, больше и больше песен. Именно это мы называем просветлением. Это слово — восточное, но опыт его не имеет ничего общего ни с Востоком, ни с Западом.

То, что мы обычно считаем радостью, — не радость; самое большее — это развлечение. Это просто способ бежать от себя. Это способ опьянить себя, способ в чем-то себя утопить, чтобы можно было забыть свое страдание, беспокойство, тоску, тревогу.

Поэтому считаются радостью всевозможные развлечения — это не так! Все, что приходит снаружи, — не радость, не может быть радостью. Все, что от чего-то зависит, — не радость и не может быть радостью. Радость возникает из самого вашего ядра. Она абсолютно независима — не зависима ни от какого обстоятельства. И это не бегство от себя; по сути, это столкновение с собой. Радость возникает, только когда вы приходите домой.

Таким образом, все, что известно под названием радости, — ее прямая противоположность, просто диаметрально противоположность: это не радость. По сути, вы ищете развлечения именно потому, что лишены радости.

Случилось так, что один из великих русских писателей, Максим Горький, посетил Америку. Ему показали всевозможные вещи, изобретенные американцами, чтобы развлекать себя, чтобы в них потеряться. Экскурсовод надеялся, что он будет очень доволен. Но чем больше видел Максим Горький, тем более несчастливым и грустным выглядел. Экскурсовод спросил его: — Что случилось? Разве вы не понимаете?

— Понимаю, — сказал Максим Горький. — Именно поэтому мне грустно. Наверное, эта страна совсем лишена радости; иначе не было бы необходимости в таком количестве развлечений.

Только лишенный радости человек нуждается в развлечении. Чем меньше радости становится в мире, тем больше нам нужны телевизор, кино, аттракционы и еще тысяча и одна вещь. Нам все нужнее алкоголь, нам все нужнее новые виды наркотиков — просто чтобы избежать наполняющего нас страдания, просто чтобы не приходилось сталкиваться лицом к лицу с наполняющей нас болью, просто, так или иначе, забыть все это. Но путем впадения в забытие ничто не будет достигнуто. Таким образом, радость означает: войти в собственное существо. Поначалу это трудно, тяжело. Поначалу вам придется столкнуться лицом к лицу со страданием; это очень трудная и опасная тропа. Но чем глубже вы входите, тем выше это вознаграждается, тем больше награда.

Однажды, научившись смотреть в лицо собственному страданию, вы начинаете наполняться радостью, потому что в самом этом прямом столкновении, страдание начинает исчезать, и вы начинаете становиться более и более цельным.

Однажды, когда придет страдание, вы посмотрите страданию прямо в лицо... и внезапно — перелом: вы видите страдание как отдельное от себя, а вы сами отделены от него. Вы были отделены всегда; оно было только иллюзией, отождествленностью, в которую вы вовлеклись. Теперь, когда вы знаете, что вы — не оно, случается всплеск радости, взрыв радости.

Каждый ребенок рождается экстаичным. Экстаз естественен. Это не что-то такое, что случается только с великими мудрецами. Это нечто, что все мы приносим с собой в мир; с ним приходит каждый. Это глубочайшее внутреннее ядро жизни. Это часть того, чтобы быть живым. Жизнь — это экстаз. Каждый ребенок приносит его с собой в мир, но затем на ребенка набрасывается общество, начинает разрушать возможность экстаза, начинает делать ребенка несчастным, начинает обуславливать ребенка.

Общество невротично, и оно не может допустить существования экстаичных людей. Они для него опасны. Попробуйте понять этот механизм — тогда все будет проще.

Нельзя контролировать экстаичного человека; это невозможно. *Контролировать можно только несчастного человека. Экстаичный человек неизбежно будет свободным. Экстаз — есть свобода. Когда вы экстаичны, вас нельзя низвести до рабского существования.* Вас не так легко разрушить; вас нельзя убедить жить в тюрьме. Вам хочется танцевать под звездами, вам хочется гулять вместе с ветром, вам хочется разговаривать с Солнцем и Луной. Вам нужно безграничное, бесконечное, гигантское, громадное. Вас нельзя соблазнить жизнью в темной клетке. Вас нельзя обратить в раба. Вы живете собственную жизнь и делаете свое дело.

Для общества это очень трудно. Если экстаичных людей много,

общество почувствует, что разваливается на части. Его структура больше не сможет сохраняться. Экстатичные люди будут бунтарями. Помните, я не называю экстатичного человека «революционером»; я называю его «бунтарем». Революционер — это тот, кто хочет изменить общество, но он хочет заменить его другим обществом. Бунтарь — это тот, кто хочет жить как индивидуальность, и ему хотелось бы, чтобы в мире не было никакой застывшей социальной структуры. Бунтарь — это тот, кто не хочет заменять это общество никаким другим обществом, потому что все виды обществ оказались одним и тем же. Капиталист, коммунист, фашист, социалист — все они двоюродные братья; между ними нет большой разницы. Общество есть общество. Все церкви оказались одним и тем же — индуистская, христианская, мусульманская. Как только структура получает власть, она хочет, чтобы никто не был экстатичным, потому что экстаз против структуры.

Смотрите и медитируйте на это: экстаз против структуры. Экстаз — бунтарский. Он не революционный. Революционер хочет другую структуру — по собственному выбору, согласно собственной утопии, но это все равно структура. Он хочет быть у власти. Он хочет быть угнетателем, а не угнетаемым; он хочет быть эксплуататором, а не эксплуатируемым; он хочет править, а не быть управляемым.

Бунтарь — это тот, кто не хочет ни править, ни подвергаться правлению. Бунтарь — это тот, кто не хочет в мире никакого правления. Бунтарь анархичен.

Бунтарь — это тот, кто доверяет природе, а не созданным человеком структурам, который доверяет, что если оставить природу в покое, все будет чудесно. Так оно и есть!

Вся эта безграничная вселенная продолжается без всякого правительства. Животные, птицы, деревья — все сущее продолжается без всякого правительства. *Почему в правительстве нуждается человек?* Наверное, что-то пошло не так. *Почему человек так невротичен, что не может жить без правителей?*

Есть некий порочный круг. Человек может жить без правителей, но он никогда не получал такой возможности — правители не дадут вам никакой возможности. Как только вы узнаете, что можете жить без правителей, кому захочется, чтобы они вообще были? Кто будет их поддерживать? Прямо сейчас вы поддерживаете собственных врагов. Вы продолжаете голосовать за собственных врагов. Двое ваших врагов противостоят друг другу в соревновании за президентство, и из них вы выбираете. Оба они равноценны. Это все равно, что дать вам свободу выбирать, в какую тюрьму вы хотите сесть, и вы радостно голосуете: «Мне хочется в тюрьму А, или в

тюрьму Б, я верю в республиканскую тюрьму, я верю в демократическую тюрьму». Но все это тюрьмы. Как только вы поддерживаете определенную тюрьму, у этой тюрьмы появляется собственное капиталовложение. Теперь она не позволит вам испытать ни малейшего вкуса свободы.

С самого детства нам не позволяют испытывать вкус свободы, потому что, однажды испытав, что такое свобода, мы не смиримся, не пойдем на компромисс, — тогда мы не будем жить в темной клетке. Мы скорее умрем, чем кому-нибудь позволим низвести нас в рабство. Мы сможем постоять за себя.

Конечно, бунтарь не заинтересован в том, чтобы добиться власти над другими людьми. Это признаки невроза — когда вы слишком заинтересованы в том, чтобы иметь власть над другими. Это просто показывает, что глубоко внутри вы боитесь, что если не получите власти над другими, другие подчинят вас себе.

Макиавелли говорит, что лучший способ защиты — это нападение. Лучший способ себя защитить — это напасть первым. Все эти так называемые политики — на Востоке, на Западе — все они глубоко внутри очень слабые люди, страдающие комплексом неполноценности, боящиеся, что если они не будут иметь политической власти, кто-то начнет их эксплуатировать, и они думают: зачем подвергаться эксплуатации, если можно эксплуатировать самим? Эксплуатируемый и эксплуататор — оба они плывут в одной и той же лодке — и каждый держит в руках по веслу и гребет, приводя лодку в движение.

Если однажды ребенок узнает вкус свободы, он никогда не станет частью никакого общества, никакой церкви, никакого клуба и никакой политической партии. Он будет оставаться индивидуальностью, он будет оставаться свободным и создавать вокруг себя пульсацию свободы. Само его существование станет дверью в свободу.

Ребенку не позволяют испытать вкуса свободы. Если ребенок спрашивает мать: «Мама, можно я выйду на улицу? Там светит солнце, и воздух такой свежий, и мне хочется побегать во дворе», тотчас же — почти произвольно — мать говорит: «Нет!» Ребенок просил не так уж много. Он только хотел выйти на улицу, на утреннее солнце, на свежий воздух, хотел насладиться солнечным светом, воздухом и обществом деревьев — он ничего больше не просил! — но произвольно, из какой-то глубокой одержимости, мать говорит: «Нет!». Очень трудно услышать, чтобы мать на что-нибудь сказала «да», очень трудно услышать, чтобы отец сказал «да». Даже если они говорят «да», то с большой неохотой. Даже если они говорят «да», они заставляют ребенка чувствовать себя виноватым, чувствовать, что он их к этому вынуждает, что он делает что-то неправильное.

Каждый раз, когда ребенок чувствует себя счастливым, что бы он ни делал, тот или другой человек обязательно придет и остановит его: «Не делай этого!». Постепенно ребенок понимает: «Все, что делает меня счастливым, неправильно». И конечно, он никогда не чувствует себя счастливым, делая то, что говорят ему другие, потому что это не исходит из его спонтанного импульса. Он узнает, что быть несчастным — правильно, а быть счастливым — неправильно. Это становится глубоко укорененной ассоциацией.

Если он хочет раскрыть часы и посмотреть вовнутрь, на него набрасывается вся семья: «Перестань! Ты поломаешь часы. Это нехорошо». Он только хотел заглянуть в часы, им двигала научная любознательность. Ему хотелось посмотреть, почему они тикают. Это было совершенно правомерно. И часы не настолько ценны, как его любознательность, как его исследовательский ум. Часы ничего не стоят — даже если они поломаются, не о чем беспокоиться; но если будет разрушен исследовательский ум, разрушено будет многое, тогда он никогда не будет исследовать и искать истину.

Или чудесным вечером, когда небо полно звезд, ребенок хочет выйти и посидеть снаружи, но ему пора ложиться спать. Он совершенно не хочет спать; у него нет сна ни в одном глазу, и он полностью пробужден. Ребенок озадачен. Утром, когда ему хочется спать, к нему пристают все: «Вставай!» Когда он наслаждался, когда было так прекрасно лежать в постели, когда он хотел перевернуться на другой бок и еще немного поспать, увидеть еще немного снов, все были против него: «Вставай! Пора вставать». Теперь он совершенно не хочет спать, а хочет наслаждаться звездами. Это мгновение очень поэтично, очень романтично. Он чувствует трепет. Как он может уснуть, находясь в таком трепете? Он так взволнован, ему хочется петь и танцевать, а его заставляют ложиться спать: «Уже девять часов. Пора спать». Теперь он был бы счастлив продолжать бодрствовать, но его принуждают лечь спать.

Когда он играет, его заставляют сесть за обеденный стол. Он не голоден. Когда он голоден, мать говорит: «Сейчас не время». Таким образом мы последовательно разрушаем все возможности того, чтобы ребенок был экстатичным, все возможности того, чтобы ребенок был счастливым, веселым, жизнерадостным. Все, в чем ребенок спонтанно чувствует себя счастливым, оказывается неправильным, а все, к чему он не чувствует ни малейшего интереса, — правильным.

Когда ребенок в школе, на дворе за стенами школы внезапно начинает петь птица, и все внимание ребенка устремляется к птице, конечно — не к учителю же математики, который стоит у доски со своим уродливым мелом. Но у учителя больше власти, больше политической власти, чем у птицы.

Безусловно, у птицы нет никакой власти, но есть красота. Птица привлекает ребенка, не вбивая ему в голову: «Будь внимательнее! Не отвлекайся!». Нет — просто, спонтанно, естественно сознание ребенка начинает течь из окна наружу. Оно приближается к птице. Там его сердце, но он должен смотреть на доску. Там не на что смотреть, но он должен притворяться.

Счастье оказывается неправильным. Каждый раз, когда возникает счастье, ребенок начинает бояться, что вот-вот что-то окажется неправильным. Если ребенок играет с собственным телом, это неправильно. Если ребенок играет с собственными половыми органами, это неправильно. А это один из самых экстатичных моментов в жизни ребенка. Он наслаждается своим телом; это вызывает в нем трепет. Но всякий трепет должен быть пресечен, вся радость должна быть разрушена. Это невротично, но невротично само общество.

То же самое делали с родителями их родители; теперь они это делают со своими детьми. Таким образом одно поколение продолжает разрушать другое. Таким образом мы передаем свои неврозы от одного поколения к другому. Вся земля превратилась в сумасшедший дом. Кажется, никто не знает, что такое экстаз. Он утрачен. Созданы многие слои барьеров.

Я заметил, что, когда люди начинают медитировать и ощущают прилив энергии, когда они начинают чувствовать себя счастливыми, они тут же приходят ко мне и говорят: «Происходит очень странная вещь. Я чувствую себя счастливым, но одновременно чувствую себя виноватым, совершенно без причины». Виноватым? Они сами озадачены. Почему человек должен чувствовать себя виноватым? Они знают, что ничего не сделали, что для чувства вины не было никакой причины. Откуда возникает это чувство вины? Оно приходит из той глубоко укорененной обусловленности, что радость неправильна. Быть грустным приемлемо, но быть счастливым непозволительно.

Когда-то я жил в одном городке, полицейский комиссар которого был моим другом; мы дружили с университетских времен. Он часто приходил ко мне и говорил:

— Я так несчастен. Помоги мне из этого выбраться.

— Ты говоришь о том, чтобы из этого выбраться, — говорил я, — но я не вижу, что ты действительно хочешь из этого выбраться. Зачем, прежде всего, ты вообще выбрал эту работу в полицейском департаменте? Наверное, ты был несчастен, и тебе хотелось сделать несчастными и всех остальных.

Как-то раз я попросил трех своих друзей пройти по городу, начать в разных местах танцевать, быть счастливыми. Я сказал:

— Просто пойдите и сделайте это в качестве эксперимента.

Через час, конечно, их задержала полиция. Я позвонил полицейскому комиссару и сказал:

— Почему вы задержали этих моих друзей?

— Эти люди кажутся безумными, — сказал он. Я спросил его:

— Сделали ли они что-нибудь плохое? Причинили кому-нибудь вред?

— Нет, ничего подобного, — сказал он. — По сути дела, они ничего плохого не сделали.

— Почему же тогда вы их задержали?

— Но они же танцевали на улицах! — сказал он. — И они смеялись.

— Но если они не сделали ничего причиняющего вред другим, зачем вмешиваться? Почему ты должен вмешиваться? Они ни на кого не нападали, они не вторгались ни на чью территорию. Они просто танцевали. Они ни в чем не виноваты, они только смеялись.

— Ты прав, — сказал он, — но это опасно.

— Почему это опасно? Быть счастливым опасно? Быть экстатичным опасно?

Он понял суть; он тут же их освободил. Он прибежал ко мне; он сказал:

— Может быть, ты и прав. Я не могу позволить себе быть счастливым — и я не могу позволить быть счастливым никому другому.

Вот вам ваши политики, вот вам ваши полицейские комиссары, вот вам ваши магистраты, присяжные, вожди, так называемые святые, священники, папы — вот вам все эти люди. Все они сделали большие вложения в ваше несчастье. Они зависят от вашего несчастья. Если вы несчастны, они счастливы.

Только несчастный человек пойдет в храм, чтобы молиться. Счастливый человек — и в храм? Зачем?

Я слышал, что однажды Адольф Гитлер беседовал с британским дипломатом; они были на тридцатом этаже небоскреба, и, чтобы произвести на англичанина впечатление, Гитлер приказал одному немецкому солдату выпрыгнуть в окно. Солдат просто выпрыгнул, без малейшего колебания и, конечно, разбился насмерть. Британский дипломат не мог поверить своим глазам; это было невероятно. Он был очень потрясен. Просто выбросить жизнь?.. — и без всякой причины. Чтобы еще усилить впечатление, Гитлер приказал другому солдату: «Прыгай!» — и другой тоже прыгнул. Чтобы впечатление стало полным, он приказал то же самое третьему.

Но к этому моменту дипломат уже немного пришел в себя. Он бросился к солдату, остановил его и сказал:

— Что вы делаете? Как вы можете выбрасывать свою жизнь так, без всякой причины?

— Кому захочется жить, сэр, в этой стране под властью этого сумасшедшего? — сказал тот. — Кому захочется жить с этим Адольфом Гитлером? Лучше умереть! Это свобода.

Когда люди несчастны, смерть кажется свободой. Когда люди несчастны, они так полны ярости, гнева, что готовы убивать, — даже рискуя тем, что убьют их. Политик существует, потому что вы несчастны. Благодаря этому может продолжаться Вьетнам, Бангладеш, Арабские страны. Продолжается война. В одном или другом месте продолжается война.

Это положение вещей нужно понять — почему оно существует, и как вам из него выпасть. Пока вы не выпадете из него, пока не поймете весь механизм, всю обусловленность — гипноз, под которым вы живете, — пока вы его не уловите, не начнете наблюдать и не отбросите, вы никогда не будете экстатичными, никогда не сможете петь песню, которую пришли спеть. Тогда вы умрете, так и не спев свою песню. Тогда вы умрете, так и не станцевав свой танец. Тогда вы умрете, никогда даже не жив.

Ваша жизнь — это только надежда; это не реальность. Она может быть реальностью.

Тот невроз, который вы называете обществом, цивилизацией, культурой, образованием, — у этого невроза есть очень тонкая структура. Вот эта структура: общество дает вам символические идеи, чтобы реальность мало-помалу затуманилась, покрылась дымкой, чтобы вы не могли видеть реального и начали испытывать привязанность к нереальному. Например, общество вам говорит быть честолюбивыми; оно помогает вам идти на поводу у амбиций. Амбиции означают: жить в надежде, жить в завтра. Амбиции означают, что сегодня нужно пожертвовать ради завтра.

Сегодня — вот все, что есть; сейчас — единственное время, в котором вы есть, единственное время, в котором вы когда-либо будете. Если вы хотите жить, значит — сейчас или никогда.

Но общество учит вас амбициям. С самого детства, когда вы идете в школу, и в вас закладываются амбиции, вас отравляют: стань богатым, добейся власти, стань кем-то. Никто вам не говорит, что у вас уже есть способность быть счастливыми. Все говорят, что вы сможете приобрести способность быть счастливыми, только если выполните определенные условия: чтобы у вас было достаточно денег, большой дом, большая машина, то или другое, — только тогда вы сможете быть счастливыми.

Счастье не имеет ничего общего с этими вещами. Счастье — это не достижение, это ваша природа. Животные счастливы без всяких денег. Они не Рокфеллеры. И никакой Рокфеллер не счастлив так, как олень или собака. У животных нет никакой политической власти — они не премьер-министры и не президенты — но они счастливы. Деревья счастливы; иначе они перестали бы цвести, они по-прежнему цветут; весна по-прежнему приходит. Они по-прежнему танцуют, они по-прежнему поют, они по-прежнему изливают свое существо к ногам божественного. Их молитва непрерывна, их поклонение непрестанно. И они не ходят ни в какую церковь, в этом нет надобности. Бог приходит к ним сам. В ветре, в дожде, в солнце — Бог приходит к ним сам.

Лишь человек несчастлив, потому что человек живет в амбициях, а не в реальности. Амбиции — это трюк; трюк, направленный на то, чтобы отвлечь ум. Символическая жизнь вытеснила собой жизнь реальную.

Наблюдайте это в жизни. Мать не может любить ребенка до такой степени, как этого хочет ребенок, потому что мать подвешена к ее голове. Ее жизнь не была жизнью осуществленности, ее любовная жизнь была бедствием. Ей не было позволено расцвести. Она прожила жизнь в амбициях. Она пыталась контролировать своего мужчину, владеть им. Она была ревнива. Она не была любящей женщиной. А если она не была любящей женщиной, как она может внезапно начать любить ребенка?

Я только что прочитал книгу Р. Д. Лэйнга. Он прислал мне свою книгу «Факты жизни». В этой книге он приводит эксперимент, в котором психоаналитик опрашивал матерей: «Когда ваш ребенок должен был вот-вот родиться, были ли вы в настроении его приветствовать, были ли вы готовы принять этого ребенка?» Он составил анкету. Первым вопросом в нем было: «Был ли ребенок случайным или вы хотели этого ребенка?» Девяносто процентов женщин сказали: «Он был случайным; мы его не хотели». Затем: «Когда случилась беременность, колебались ли вы? Хотели ли вы ребенка или собирались делать аборт? Было ли это для вас ясно?» Многие из них сказали, что колебались много недель, сделать им аборт или родить ребенка. Затем ребенок родился — они не смогли ничего решить. Может быть, были другие соображения — может быть, религиозные соображения, может быть, это было бы для них грехом, это угрожало бы им адом. Может быть, они принадлежали к католическому вероисповеданию, и им помешала сделать аборт идея, что аборт — это убийство. Могли быть также социальные соображения. Ребенка хотел муж или они решили родить ребенка, чтобы упрочить свое эго. Но сам ребенок никому не нравился. Редко встречалась мать, которая говорила: «Да, ребенку были рады. Я его ждала и была счастлива».

А если рождается ребенок, которому не рады, — с самого начала мать

колебалась, рожать его или не рожать... Это не могло не иметь последствий. Должно быть, ребенок ощущал эти напряжения. Когда мать думала о том, чтобы сделать аборт, ребенок, наверное, чувствовал обиду. Ребенок — это часть тела матери; каждая вибрация ее тела достигает ребенка. Или, когда мать раздумывает и колеблется, находясь в нерешительности, что ей делать или не делать, ребенок тоже ощущает дрожь, колебание — он висит между жизнью и смертью. Затем каким-то образом этот ребенок рождается, и мать думает, что это вышло только случайно — она применяла противозачаточные средства, пробовала то-то и то-то, но ничто не помогло, и ребенок родился — и теперь его нужно терпеть.

Эта терпимость — не любовь. Ребенку с самого начала недостает любви. И мать тоже чувствует себя виноватой, потому что не дает ребенку столько любви, сколько было бы естественно. И она начинает создавать заменители. Она принуждает ребенка слишком много есть. Она не может наполнить душу ребенка любовью; она пытается набить его тело едой. Это заменитель. Можете пойти и посмотреть. Матери так одержимы. Ребенок говорит: «Я не голоден», но матери продолжают заставлять их есть. Это не имеет ничего общего с ребенком, они не слушают ребенка. Они предоставляют заменитель: они не могут дать ему любви, поэтому дают еду. Ребенок растет — они не могут его любить, и они дают ему деньги. Деньги становятся заменителем любви.

И ребенок также узнает, что деньги важнее любви. Если у тебя нет любви, беспокоиться не о чем, но деньги у тебя должны быть. В жизни он станет жадным, он будет гнаться за деньгами, как маньяк, он не будет беспокоиться о любви. Он скажет: «Сначала первостепенное. Сначала у меня должен быть большой счет в банке. У меня должно быть столько-то денег; только тогда я смогу позволить себе любовь».

Тогда как для любви, не нужно никаких денег; любить ты можешь таким, как есть. И если ты думаешь, что для любви требуются деньги, и гонишься за деньгами, однажды, может быть, у тебя будут деньги, и тогда внезапно ты почувствуешь себя пустым — потому что все эти годы были потрачены впустую в накоплении денег... И не только потрачены впустую; более того, все эти годы были годами без любви, ты не тренировался в любви. Теперь деньги есть, но ты не умеешь любить. Ты забыл сам язык чувствования, язык любви, язык экстаза.

Да, ты можешь купить красивую женщину, но это не любовь. Ты можешь купить самую красивую женщину мира, но это не любовь. И она придет к тебе не потому, что тебя любит; она придет к тебе из-за твоего счета в банке.

Деньги — это символ. Власть, политическая власть — это символ.

Респектабельность — это символ. Все это не реальные вещи, это человеческие проекции. Это не объективные вещи; в них нет никакой объективности. Их нет, это только сновидения, спроецированные несчастливым умом.

Если вы хотите быть экстатичными, вам придется выпасть из символического мира. Освободиться из символического мира — значит, освободиться от общества.

Освободиться от символического мира — значит, стать индивидуальностью. Чтобы освободиться от символического мира, вам придется набраться храбрости и войти в реальное. И только реальное реально — символическое нереально.

Что такое экстаз? Нечто, требующее достижения? Нет. Нечто, требующее, чтобы вы его заработали? Нет. Нечто, чем вы должны стать? Нет.

Экстаз есть *бытие*, а стремление стать кем-то - есть страдание. Если вы хотите кем-то стать, то будете несчастными. Это стремление — коренная причина несчастья. Если вы хотите быть экстатичными — тогда это только сейчас, здесь-сейчас, в это самое мгновение. В это самое мгновение — никто не заграждает вам путь, вы можете быть счастливы. Счастье так очевидно и так легко. Это ваша природа. Вы уже несете его в себе. Просто дайте ему шанс расцвести, распуснуться в цветок.

И экстаз не принадлежит голове, помните. Экстаз принадлежит сердцу. Экстаз не принадлежит мысли; он — из области чувствования. А вы были лишены чувствования, вы были отрезаны от чувствования. Вы не знаете, что такое чувствование. Даже когда вы говорите: «Я чувствую», вы только думаете, что чувствуете. Когда вы говорите: «Я чувствую себя счастливым», наблюдайте, анализируйте, и вы найдете, что *думаете*, что чувствуете себя счастливым. Даже чувствование должно преломиться сквозь призму мышления. Оно должно преодолеть цензуру мышления. Лишь когда мышление его одобряет, оно позволено. Если мышление его не одобряет, оно сбрасывается в бессознательное, в подвал вашего существа и оказывается забытым.

Переместитесь более в сердце, будьте менее в голове. Голова — это только часть вас; сердце, в смысле, в котором я использую это слово, — все ваше существо. Сердце — это ваша тотальность. Поэтому каждый раз, когда вы в чем-то тотальны, вы действуете из чувствования. Каждый раз, когда вы в чем-то частичны, вы действуете из головы.

Наблюдайте, как художник рисует, — и в этом состоит разница между настоящим художником и техником. Если художник — только техник,

владеющий техникой рисования, знающий технологию, знающий о кистях, красках и холсте, получивший образование, — он будет действовать из головы. Он будет техником. Он будет рисовать, но не будет в этом тотален. Затем наблюдайте настоящего художника, который не техник. Он будет этим поглощен, пьян. Он будет рисовать не только рукой, он будет рисовать не только из головы. Он будет рисовать всем своим существом; он будет вовлечен до мозга костей — включая ноги, включая кровь и плоть, включая мозг костей, включая все, что в нем есть. Вы можете наблюдать, вы можете видеть, вы можете почувствовать, что он в этом тотален, он в этом потерян. Для него больше ничего не существует. Он пьян. В это мгновение его больше нет. Он — не делающий. Голова — это делающий. В это мгновение тотальной поглощенности, он — не делающий; он — только проход, словно сквозь него рисует целое.

Когда вы сталкиваетесь с танцором — настоящим танцором, не таким, который просто исполнитель, — тогда вы увидите, что он не танцует, нет. Что-то от запредельного танцует в нем. Он в этом тотален.

Каждый раз, когда вы чем-то заняты тотально, вы экстатичны. Когда вы в чем-то частичны, то остаетесь несчастными, потому что часть вас будет двигаться отдельно от целого. Тогда сохранится разделение — расщепленность, напряжение, тревога.

Если вы любите из головы, ваша любовь не даст вам никакого экстатического опыта. Если вы медитируете из головы...

Когда-то я ходил на реку плавать, и я это очень любил. Каждый раз, когда я возвращался, один из соседей всегда на меня смотрел, и он видел, что я был очень экстатичным. Однажды он спросил:

— Что происходит? Я всегда вижу, что ты ходишь на реку, и ты остаешься там часами и плаваешь в реке. Я тоже хочу с тобой пойти, потому что ты выглядишь таким счастливым.

— Пожалуйста, не ходите, — сказал я. — Вы упустите суть, и реке будет очень грустно. Нет, не ходите, потому что сама ваша мотивация станет преградой. Вы можете плавать, но вы будете ожидать, когда же с вами случится это ощущение счастья. Оно никогда не случится — потому что оно случается, только когда вас нет.

Плавание может стать медитацией, бег может стать медитацией — что угодно может стать медитацией, если *вас* нет. Экстаз принадлежит сердцу, принадлежит тотальности. Под «сердцем» подразумевается ваша тотальность, органическое единство.

И танцуйте сегодня, не завтра. Пусть танец будет здесь и сейчас, и пусть он исходит из вашей тотальности. Вы покидаете самого себя; вы

становитесь пьяницей.

Да, радость безумна. И только безумные люди могут ее себе позволить. Обычный здравомыслящий человек так хитер, так коварен, расчетлив, что не может позволить себе радости, потому что ее нельзя контролировать. Точно так же, как я говорил, что радостного человека не может контролировать общество, позвольте мне сказать вам еще и это: вы не можете контролировать собственную радость, не можете контролировать собственный экстаз. Если вы хотите сохранить контроль, то никогда не будете радостными; тогда вы можете быть только несчастными. Только несчастье подконтрольно — обществу или даже вам самим.

Многие люди приходят ко мне и говорят, что хотели бы выбраться из своих несчастий, но они не готовы двигаться в состояние бесконтрольности. Они хотят контролировать даже радость. Они всегда хотят сохранять контроль. Они всегда хотят оставаться хозяином, боссом. Это невозможно. Босс должен исчезнуть. Радость может извергнуться в вашем существе, только когда весь контроль удален. Радость не знает никакого контроля, она дика.

Экстаз дик, его нельзя контролировать. Вы должны потерять весь контроль. Вы должны упасть в него, в самую его бездну — а эта бездна бездонна. Вы продолжаете падать, падать и падать и никогда не достигаете дна, потому что у радости нет конца. Это бесконечный процесс, он вечен. И он так громаден — как вы можете его контролировать? Сама эта идея глупа.

Когда вы танцуете, как сумасшедший, поете, как сумасшедший, когда вы радостны без всякого контроля, без собственного присутствия, когда радость так полна, льется через край, вы наводнены ею, и весь контроль отброшен — тогда вы увидите чудо. Смерть и жизнь танцуют вместе, потому что вся двойственность исчезает. Если вы разделены, возникает двойственность. Если не разделены вы, двойственность исчезает.

Когда вы расщеплены, расщеплен весь мир. Именно ваша собственная расщепленность проецируется на экран вселенной. Когда вы в нерасщепленном состоянии — цельные, единые, органичные, оргазмичные, — тогда вся двойственность исчезает. Тогда жизнь и смерть — одно; не противоположности, но взаимодополняющие части, танцующие рука об руку. Тогда плохое и хорошее — одно; они танцуют рука об руку. Тогда материя и сознание — одно. Именно это происходит у вас внутри: душа танцует с телом, тело танцует с душой. Они — не двое. Они — одно; они — абсолютно одно, проявление единства. Тело — не что иное, как видимая душа, а душа — не что иное, как невидимое тело.

И Бог — не где-то вверху на небесах. Он здесь, сейчас — в деревьях, в камнях, в вас, во мне, во всем сущем. Бог — душа существования,

невидимое, глубочайшее внутреннее ядро. Внутреннее танцует с внешним. Возвышенное танцует с низменным. Священное танцует с нечестивым, и грешник танцует со святым.

Как только вы становитесь одним целым, внезапно вся двойственность исчезает.

Именно поэтому я говорю, что *действительно мудрый человек также и дурак — неизбежно, потому что глупость и мудрость танцуют вместе. И действительно мудрый человек, настоящий святой, также и негодяй — неизбежно, по-другому быть не может.* Бог и дьявол — не двое. Думали ли вы когда-нибудь о слове «дьявол»? Оно происходит от того же корня, что и слово «божественный»; они принадлежат к одному и тому же корню. Оба они происходят от санскритского корня *дива*; от него происходит *дэва*, от него происходит слово «божественный», от него же происходит и слово «дьявол».

Глубоко внутри дерево одно. Ветвей много, и они движутся в разных измерениях, направлениях; листьев миллионы, но, если вы идете глубоко, вы приходите к единству, к одному дереву.

Когда вы в танце, все танцует вместе с вами. Да, старая пословица верна: если ты плачешь, то плачешь один; если ты смеешься, вместе с тобой смеется весь мир. Когда вы несчастны, вы отделены.

Несчастье отделяет вас; отделенность делает вас несчастными. Эти вещи связаны друг с другом, лежат в одной упаковке. Каждый раз, когда вы несчастны, внезапно вы становитесь отделенными. Именно поэтому эго не может позволить себе быть счастливым, потому что, если вы станете счастливым, эго не сможет существовать — вы больше не отделены. Эгоистичный человек не может позволить себе быть экстатичным. Как он может позволить себе быть экстатичным? — потому что в экстазе эго не будет. Это для него чересчур. Он предпочтет оставаться несчастным. Он окружит себя тысячей и одним несчастьем, чтобы помочь сохраниться эго.

Вы не замечали? Когда вы действительно счастливы, эго исчезает. Когда вы действительно счастливы, внезапно вы чувствуете глубокое единство с целым. Когда вы несчастны, вы хотите быть в одиночестве; когда вы счастливы, вам хочется этим поделиться.

Когда Будда был несчастен, он ушел в лес, бежал от мира. Что случилось через шесть лет? Когда он стал экстатичным, он вернулся обратно в мир. Он должен был поделиться тем, чего достиг.

В страдании вы подобны семени, в экстазе вы становитесь цветком, и ваш аромат, конечно, должен быть высвобожден, чтобы его подхватили ветры.

Вы можете это наблюдать в некоторой мере и в собственной жизни. Когда вы несчастливы, вы закрываете двери, вы не хотите встречаться с друзьями. Вам не хочется никуда идти, не хочется ни в чем участвовать, вы говорите: «Оставьте меня в покое. Пожалуйста, оставьте меня в покое». Когда кто-то становится очень, очень несчастным, он совершает самоубийство. Какой в этом смысл? Что такое самоубийство? Самоубийство — это попытка уйти так далеко от мира, чтобы нельзя было вернуться. Это движение в одиночество, абсолютное, необратимое, чтобы нельзя было вернуться. Именно это и есть самоубийство.

Слышали ли вы когда-нибудь, чтобы кто-то совершил самоубийство, когда был счастлив, когда был экстатичен, когда танцевал? Нет, когда возникает танец, вы бросаетесь наружу, вы распахиваете двери, вы созываете друзей, вы созываете соседей, вы говорите: «Входите. Я собираюсь дать пир — давайте потанцуем, давайте немного повеселимся. Я так наполнен, и мне хочется поделиться с вами». И каждый, кто бы ни пришел к вашим дверям, — вы их приветствуете, встречаете с распростертыми объятиями. Вы приветствуете каждого в мгновение, когда счастливы. Когда вы несчастливы, даже те, кому вы всегда были рады, — вы им больше не рады.

Если вы танцуете, все существование становится танцем. Оно — уже танец. Индуисты называют это *Рас-Лилой* — Бог танцует, а вокруг Бога танцуют звезды и Луна, Земля и Солнце.

Это танец, который продолжается непрерывно, но вы его узнаете лишь, когда научитесь жизни танца, языку экстаза.

Во время Второй мировой войны один солдат бросил на поле боя свою винтовку и побежал, чтобы поднять небольшой клочок бумаги. С нетерпением прочитав его, он скорбно покачал головой, и клочок бумаги, кружась, упал на землю. Оказавшись в больнице, он хранил молчание, и его одержимость была упорной и неизлечимой. Он как потерянный бродил по психиатрическому отделению, поднимая клочки бумаги, каждый раз — с явственно различимой надеждой, за которой следовало неизбежное уныние. Будучи объявленным непригодным для службы, однажды он получил свой лист демобилизации из армии, и в то мгновение, когда он взял в руки сертификат, внезапно он обрел голос: — Вот оно! — закричал он в экстазе. — Вот оно!

Экстаз — это предельная свобода. И тогда человек просто кричит от радости: «Вот оно! Вот оно! Эврика! Я нашел».

И ирония в том, что не нужно никуда идти, чтобы его найти. Он уже в вас. Он — само ваше ядро, само ваше существо. Если вы решитесь, то сможете его найти в это самое мгновение. Не требуется ни мгновения промедления. Интенсивная жажда может открыть эту дверь. Сильное желание может освободить вас сейчас же.

Понимание Корней Страдания

Ответы на вопросы

Почему мы не отбрасываем своих страданий, невежества и несчастья? Как человеческим существам быть счастливыми и блаженными?

Страдание способно дать вам множество вещей, которых не может дать счастье. По сути, счастье отнимает у вас эти вещи. Счастье отнимает у вас все, что вы когда-либо имели, все, чем вы когда-либо были; счастье вас разрушает. Страдание питает ваше эго, а счастье по самой своей основе представляет собой состояние отсутствия эго. В этом проблема, сама суть проблемы. Именно поэтому люди находят очень трудным быть счастливыми. Именно поэтому миллионам людей в мире приходится жить в страдании. Оно дает вам очень, очень кристаллизованное эго. Хотя и несчастные, но вы *есть*. Когда вы счастливы, вас *нет*. Страдание вас кристаллизует; в счастье вы рассеиваетесь.

Если это понять, все будет совершенно ясно.

Страдание делает человека особенным. Счастье — вселенское явление, в нем нет ничего незаурядного. Деревья счастливы, животные счастливы, птицы счастливы. Счастливо все существование — кроме человека. Будучи несчастным, человек становится очень необычным, незаурядным.

Страдание придает вам способность привлекать к себе внимание. Каждый раз, когда вы несчастны, вам уделяют внимание, сочувствуют, вас любят. Каждый начинает о вас заботиться. Кто захочет обидеть несчастного человека? Кто станет испытывать ревность к несчастному человеку? Кто будет противоборствовать несчастному человеку? Это было бы слишком подло.

О несчастном человеке заботятся, его любят, ему уделяют внимание. Страдание содержит огромные капиталовложения. Если жена не несчастна, муж склонен, просто забывать о ней. Если она несчастна, муж не может себе позволить ею пренебрегать. Если муж несчастен, вся семья, жена, дети окружают его, беспокоятся о нем; это приносит большое утешение. Человек чувствует, что не одинок, что у него есть семья, друзья.

Когда ты болен, в депрессии, в страдании, друзья приходят тебя навестить, успокоить, утешить. Когда ты счастлив, те же самые друзья начинают тебе завидовать. Если же ты по-настоящему счастлив, то найдешь, что весь мир обернулся против тебя.

Никому не нравится счастливый человек, потому что счастливый человек ранит эго окружающих. Люди начинают чувствовать: «Так вот что, ты стал счастливым, а мы все еще ползаем в потемках, страдании и аду. Как ты смеешь быть счастливым, когда мы все остаемся в таком страдании!»

Мир состоит из несчастных людей, и никто не храбр достаточно для того, чтобы позволить всему миру обратиться против себя; это слишком опасно, слишком рискованно. Лучше цепляться за страдание. Оно позволяет человеку оставаться частью толпы — индуистской, мусульманской, христианской, арабской, японской.

Счастье? Знаешь ли ты, что такое счастье? Индуистское ли оно, христианское или мусульманское? Счастье — это просто счастье. Человек переносится в другой мир. Он больше не часть мира, созданного человеческим умом, он больше не часть прошлого, уродливой истории. Он вообще больше не часть времени. Когда ты по-настоящему счастлив, блажен, время исчезает, пространство исчезает.

Альберт Эйнштейн сказал, что в прошлом ученые думали, что есть две реальности: время и пространство. Но он сказал, что эти две реальности — не две разные реальности — это два лица одной и той же. Поэтому он изобрел слово *времепространство* — слитно. Время — это не что иное, как четвертое измерение пространства. Эйнштейн не мистик, иначе он представил бы и третью реальность — трансцендентальное, ни время, ни пространство. Она тоже есть, и я называю ее «свидетелем». И если есть все три, вы получаете полную троицу. Вы получаете всю концепцию *тримурти*, трех лиц Бога. Тогда у вас есть все четыре измерения. Реальность четырехмерна: три измерения пространства, четвертое измерение — время.

Но есть и что-то еще, что нельзя назвать пятым измерением, потому что это не пятая реальность; это целое, это трансцендентальное. Когда вы блаженны, вы начинаете двигаться в трансцендентальное. Оно не социально, не традиционно; оно вообще не имеет ничего общего с человеческим умом.

Твой вопрос значителен: «Что есть эта привязанность к страданию?»

Есть причины. Просто загляни в собственное страдание, и ты сможешь установить, какие это причины. И затем загляни в те моменты, когда — изредка — ты позволяешь себе радость быть в радости, и отметь, каковы различия.

Ты увидишь несколько вещей: будучи несчастливым, ты остаешься конформистом. Общество это любит, люди тебя уважают, ты очень респектабелен. Ты можешь даже сделаться святым; вследствие этого все ваши святые так несчастны. Страдание написано огромными буквами у них

на лицах, у них в глазах. Поскольку они несчастны сами, они против всякой радости. Они осуждают радость как гедонизм; они осуждают всякую возможность радости как грех. Они несчастны, и им хочется видеть несчастным весь мир. Фактически только в несчастном мире они могут считаться святыми! В счастливом мире их бы госпитализировали и оказали бы им психиатрическую помощь. Они патологичны.

Я видел многих святых, я рассматривал жизни ваших святых прошлого. Девяносто девять процентов из них просто ненормальные — невроз или даже психоз. Но они были почитаемы — и почитаемы за свое страдание, помните. Чем больше страдания они пережили, тем более были почитаемы. Были святые, которые каждый день стегали свое тело хлыстом, и люди собирались, чтобы увидеть эту аскетическую практику, подвижничество, *епитимью*. Самым святым был тот, кто покрывал ранами все свое тело, — и эти люди считаются святыми. Были святые, которые выкалывали себе глаза, потому что именно посредством глаз человек осознает красоту, и возникает похоть. И они были почитаемы за то, что выкололи себе глаза. Глаза были им даны, чтобы видеть красоту существования, но они решили ослепнуть. Были святые, которые отрезали себе половые органы, и они были очень почитаемы, безмерно почитаемы, по той простой причине, что поступили с собой так Разрушительно, насильственно. Эти люди были психологически больны.

Загляни в свое страдание, и ты найдешь определенные фундаментальные основы. Страдание приносит тебе Уважение. Люди становятся к тебе дружелюбнее, сочувственнее. Если ты несчастен, у тебя будет больше друзей. Это очень странный мир, в котором в самой основе что-то неправильно. Так не должно быть — больше друзей должно быть у счастливого человека. Но, будь счастливым, и люди станут тебе завидовать, они перестанут быть друзьями. Они почувствуют себя обманутыми; у тебя есть что-то, недоступное для них. Почему ты счастлив? Поэтому веками мы учились тонкому механизму подавления счастья и выражения страдания. Это стало нашей второй натурой.

Ты должен отбросить весь этот механизм. Научись быть счастливым, научись почитать счастливых людей, уделяй больше внимания счастливым людям. Тем самым ты послужишь человечеству великую службу. *Не сочувствуй слишком людям, которые несчастны. Если кто-то несчастен, помоги, но не сочувствуй. Не внушай ему идею, что страдание — это что-то стоящее.* Пусть он хорошо поймет, что, хотя ты ему и помогаешь: «Это не из уважения к страданию, это просто потому, что ты несчастен». И ты не делаешь ничего, кроме как стараешься вывести этого человека из состояния страдания, потому что страдание уродливо. Пусть этот человек чувствует, что страдание уродливо, что быть несчастным — не нечто добродетельное,

что он не служит человечеству никакой великой службы.

Будь счастливым, почитай счастье и помогай людям понять, что счастье — это цель жизни. Каждый раз, когда ты видишь блаженного человека, почитай его, он свят. И каждый раз, когда ты сталкиваешься с собранием, в котором чувствуешь блаженство, праздник, считай это собрание священным местом.

Мы должны научиться совершенно новому языку, и только так можно что-либо изменить в этом старом, прогнившем человечестве. Мы должны научиться языку здоровья, цельности, счастья. Это трудно, потому что наши вложения в страдание так велики.

Это один из самых фундаментальных вопросов, которые только может задать человек. С другой стороны, это странно, потому что отбросить страдание, боль, несчастье - должно быть легко. В этом не должно быть ничего трудного: ты не хочешь быть несчастным, и за этим не должно стоять никаких осложнений. Но дело затрудняется тем, что с самого детства тебе не позволялось быть счастливым, блаженным, радостным.

Тебя принуждали быть серьезным, а серьезность подразумевает грусть. Тебя принуждали делать вещи, которых ты никогда не хотел делать. Ты был беспомощен, слаб, зависим от окружающих; естественно, тебе приходилось делать, что тебе говорили. И ты делал это неохотно, несчастно, с глубоким сопротивлением. Вопреки самому себе тебя принуждали делать многое, и мало-помалу тебе стало ясно одно: что все, что тебе противно - правильно, а все, что тебе не противно - обязательно оказывается неправильным. И это постоянное воспитание наполнило тебя грустью, которая не естественна.

Естественно быть радостным, естественно быть здоровым. Когда ты здоров, ты не идешь к врачу и не спрашиваешь: «Почему я здоров?» Нет надобности, ни в каких вопросах о здоровье. Но когда ты болен, то тут же спрашиваешь: «Почему я болен? Какова причина, чем вызвана моя болезнь?»

Совершенно правильно спрашивать, почему ты несчастен. Неправильно было бы спрашивать, почему ты блажен. Ты был воспитан в ненормальном обществе, где блаженство без причины - считается безумием. *Если ты просто улыбаешься без всякой причины, люди подумают, что у тебя в голове отошли какие-то контакты, почему ты улыбаешься? Почему ты выглядишь таким счастливым?* И если ты скажешь: «Сам не знаю, я просто счастлив», такой ответ только усилит их убеждение, что с тобой что-то не в порядке.

Но если ты несчастен, никто тебя не спросит, почему ты несчастен. Быть несчастным естественно; несчастен каждый. В тебе нет ничего особенного.

Ты не делаешь ничего уникального.

Бессознательно в тебе продолжает укореняться та идея, что несчастье естественно, а блаженство неестественно. Блаженство нуждается в доказательстве. Страдание не нуждается в доказательствах. Постепенно это просачивается в тебя все глубже — в самую твою кровь и плоть, проникает до мозга костей — хотя это, естественно, для тебя плохо. Таким образом, ты был принужден стать шизофреником; тебе было навязано что-то, идущее против твоей природы. Ты был уведен прочь от себя и вовлечен во что-то, что не есть ты сам.

Вот что создает все несчастье человечества — никто не там, где должен быть, никто не тот, кем должен быть. И поскольку никто не может быть там, где ему быть нужно — где быть он имеет прирожденное право, — каждый несчастен. И ты оставался в этом процессе отступления дальше и дальше от себя; ты забыл дорогу домой. И теперь, где бы ты ни был, ты считаешь это место своим домом — несчастье стало твоим домом, внутренняя боль стала твоей второй натурой. Несчастье оказалось принимаемым как здоровье, не болезнь.

И когда кто-то говорит: «Отбросьте эту несчастную жизнь, отбросьте это страдание, которые напрасно с собой носите!» — возникает очень значительный вопрос: «Но ведь это все, что у нас есть! Если мы его отбросим, то лишимся своей принадлежности. Теперь я хотя бы кто-то — кто-то несчастный, кто-то печальный, кто-то страдающий. Но если я отброшу все это, тогда возникнет вопрос: что меня определяет? Кто я такой? Я не знаю дороги домой, а ты отнимаешь лицемерную, ложную дорогу домой, созданную обществом».

Никто не хочет оказаться голым посреди улицы.

Лучше быть несчастным — у вас есть, по крайней мере, какое-то облачение; хотя это и несчастье... но ничего страшного, все остальные носят точно такую же одежду. У тех, кто может себе это позволить, несчастья дорогие. Те, кто не может себе этого позволить, несчастны вдвойне — им приходится жить в бедной разновидности несчастья, которой нельзя похвалиться.

Таким образом, есть богатые несчастные люди и бедные несчастные люди. И бедные несчастные люди изо всех сил стремятся достичь статуса богатых несчастных людей. Наличествуют лишь эти две категории.

Третья категория совершенно забыта. Третья категория — это ваша реальность, в которой никакого несчастья нет.

Ты спрашиваешь, почему человек не может отбросить несчастье, — по той простой причине, что это все, что у него есть. Ты хочешь сделать его

еще беднее? Он уже беден. Есть богатые несчастные люди; у этого же человека есть лишь небольшое, крошечное несчастье. Он не может им хвастаться. А ты ему говоришь отбросить даже его. Тогда он будет ничтожеством; тогда он окажется пустым, обратится в ничто.

И все культуры, все общества, все религии совершили против человечества преступление: создали страх перед «ничтожеством», пустотой.

Истина в том, что «ничтожество» — это двери к богатству. «Ничтожество» — это двери к блаженству; и эта дверь не может быть ничем, кроме «ничтожества». Есть, например, стена; нельзя войти в стену, вы просто ударитесь головой, может быть, поломаете пару ребер. Почему вы не можете войти в стену? — потому что в стене нет пустоты, она твердая, она протестует¹. Именно поэтому мы называем вещи «объектами»: они объективны, они не позволяют вам сквозь них пройти, преграждают вам путь.

Дверь обязательно должна быть не-объективной; она должна быть пустотой. Дверь означает: нет ничего, чтобы преградить вам путь. Вы можете войти.

А поскольку мы были обусловлены внушением, что пустота — это что-то плохое, ничто — это что-то плохое, эта обусловленность нам мешает отбросить несчастье, отбросить внутреннюю боль, отбросить все страдание и просто быть ничем.

Блаженство — не некая цель для достижения.

Оно уже в нас; мы с ним рождаемся.

Мы его не потеряли, мы просто ушли от него прочь, повернувшись к самим себе спиной.

Оно прямо позади нас; небольшой разворот — и огромная революция.

И для меня это не теоретический вопрос. Я просто принял пустоту, как дверь, — которую я называю медитацией, а она, в свою очередь, не что иное, как другое название пустоты... И в то мгновение, когда случается ничто, внезапно оказывается, что ты стоишь лицом к лицу с собой — и все страдание исчезает.

Первое, что ты делаешь, — это просто смеешься над собой, над тем идиотом, которым ты был. Этого страдания никогда не было; ты создавал его одной рукой, а другой пытался уничтожить — и естественно, оставался в расщепленности, в шизофреническом состоянии.

Это совершенно легко, просто.

¹ Англ.: *to object* — протестовать; *objective* — объективный; *object* — объект.

Самая простая в существовании вещь — это быть собой.

Для этого не нужно усилия; ты — уже ты.

Лишь только вспомнить... лишь только выбраться из всех глупых идей, навязанных обществом. И это так же просто, как просто змее выскользнуть из старой кожи, чтобы никогда даже на нее не оглянуться. Это только старая кожа...

Если ты это понимаешь, это может случиться в это самое мгновение.

Потому что в это самое мгновение ты можешь увидеть, что нет никакого страдания, никакой боли.

Ты в молчании стоишь у дверей ничто; лишь еще один шаг вовнутрь — и ты нашел величайшее сокровище, ожидавшее тебя тысячи жизней.

Почему так трудно простить, перестать цепляться за обиды, как давно минувшие?

Эго живет несчастьем: чем больше несчастья, тем больше для него питания. В блаженные мгновения эго полностью исчезает, и наоборот: если эго исчезает, на тебя начинает изливаться блаженство. Если ты хочешь эго, то не можешь простить, не можешь забыть — в особенности обиды, раны, оскорбления, унижения, кошмары. И мало того, что ты не можешь их забыть, но и продолжаешь их преувеличивать, подчеркивать. В тебе появится склонность забывать все, что было в твоей жизни красиво; ты прекращаешь вспоминать мгновения радости; они бесполезны в том, что касается эго. Радость для эго — как яд, страдание — как витамины.

Тебе придется понять весь механизм эго. Если ты попытаешься простить, это будет не настоящее прощение. Приложив усилие, ты только создашь подавление. Ты сможешь простить, только когда поймешь глупость всей той игры, что продолжается у тебя в уме. Полную абсурдность всего этого нужно будет увидеть ясно и насквозь, иначе ты только подавишь обиду с одной стороны, но она проявится с другой. Ты подавишь ее в одной форме, она утвердит себя в другой — иногда такой тонкой, что почти невозможно ее узнать, понять, что это та же, прежняя структура — такая обновленная, перелицованная, заново украшенная, что выглядит почти новой.

Эго питается негативным, потому что эго — это в своей основе негативное явление: оно существует, говоря «нет». «Нет» составляет душу эго. Как ты можешь сказать «нет» блаженству? Ты можешь сказать «нет» страданию, ты можешь сказать «нет» агонии жизни. Как ты можешь сказать «нет» цветам, звездам и закату, всему, что красиво, божественно? А

блаженством наполнено все существование — оно полно роз — но ты продолжаешь выбирать шипы; ты многое вложил в эти шипы. С одной стороны, ты постоянно говоришь: «Нет, я не хочу этого страдания», а с другой — продолжаешь за него цепляться. И веками людям говорили, что «нужно прощать».

Но эго может жить и в прощении, оно может начать получать новое питание от идеи: «Я простил. Я простил своих врагов. Я — необычный человек». Хорошо помни, вот одно из фундаментальных правил жизни: обычный человек — это человек, считающий себя необычным. Средний человек — это человек, не считающий себя средним. В то мгновение, когда ты принимаешь свою обычность, ты становишься незаурядным. *В то мгновение, когда ты принимаешь свое невежество, в твое существо вошел первый луч света, расцвел первый цветок.* Значит, недалеко до весны.

Иисус говорит: прощайте своих врагов, любите своих врагов. И он прав, потому что если вы сможете простить даже врагов, то будете от них свободны, иначе они будут продолжать витать вокруг вас. Вражда — это своего рода отношения; они идут глубже, чем ваша так называемая любовь.

Кто-то другой сегодня задал вопрос: «Ошо, почему гармоничные любовные отношения кажутся такими тусклыми и умирающими?» Да по той простой причине, что они гармоничны! Они теряют всякую привлекательность в глазах эго; ему кажется, словно их и нет. Если они абсолютно гармоничны, вы полностью забудете о них. Нужен какой-то конфликт, нужна какая-то борьба, какое-то насилие, какая-то ненависть. Любовь — ваша так называемая любовь — не идет очень глубоко; она не глубже поверхности кожи или, может быть, еще мельче. Но ваша ненависть идет очень глубоко; она идет на глубину всего эго.

Иисус прав, когда говорит: «Прощайте», но его веками понимали неверно. Будда говорит то же самое — все пробужденные неизбежно говорят одно и то же. У них разные языки, естественно — разные эпохи, разные времена, разные люди — они говорят на разных языках, но существенная сердцевина не может разниться. Если вы не можете прощать, это означает, что вы живете среди врагов, среди ран, среди боли.

Таким образом, с одной стороны, ты хочешь забыть и простить, потому что единственный способ забвения — это прощение, но, с другой стороны, есть более глубокая вовлеченность. Пока ты не увидишь этой вовлеченности, не помогут ни Иисус, ни Будда. Их прекрасные высказывания сохраняются у тебя в памяти, но не станут частью твоего стиля жизни, не войдут тебе в плоть и кровь, не проникнут до мозга костей. Они не будут частью твоего духовного климата; они будут оставаться чужеродными, чем-то навязанным снаружи; красивым, по крайней мере,

интеллектуально — но экзистенциально ты будешь продолжать жить по-прежнему.

Вот первое, что нужно запомнить: эго — самое негативное явление в существовании. Оно похоже на темноту. Темнота не имеет позитивного существования; это просто отсутствие света. У света есть позитивное существование; именно поэтому ничего нельзя сделать непосредственно с темнотой. Если твоя комната полна темноты, ты не можешь вынести темноту из комнаты, не можешь ее выгнать никакими средствами не можешь ее разрушить — непосредственно. Если ты попытаешься с ней бороться, то потерпишь поражение. Темноту нельзя победить в борьбе. Ты можешь быть великим борцом, но удивись, узнав, что не можешь победить темноту. Это невозможно и по той простой причине, что темноты не существует. Если ты хочешь что-то сделать с темнотой, тебе придется действовать посредством света. *Если ты не хочешь темноты, внеси свет. Если ты хочешь темноты, погаси свет. Но сделай что-то со светом; непосредственно с темнотой ничего сделать нельзя.* Негативного не существует — так же и с эго.

Именно поэтому я не предлагаю вам прощать. Я не говорю, что вы должны любить и не должны ненавидеть. Я не говорю вам отбросить все грехи и стать добродетельными. Человечество пыталось это сделать, но потерпело полное поражение. Моя работа совершенно иная. Я говорю: внесите в свое существо свет. Не беспокойтесь об этих фрагментах темноты.

И в самом центре темноты находится эго. Эго — это центр темноты. Вы вносите свет — методом медитации — вы становитесь более осознанными, более бдительными. Иначе вы будете продолжать подавлять негативное, а все, что было подавлено, придется подавлять снова, снова и снова. И это сизифов труд, совершенно бесполезный. Негативное начнет просачиваться где-то в другом месте. Оно найдет какой-то другой путь, найдет твое слабое место.

Ты спрашиваешь: «Почему так трудно простить, перестать цепляться за обиды, как давно минувшее?»

По той простой причине, что это все, что у тебя есть. И ты продолжаешь беречь старые раны, чтобы они оставались в памяти свежими. Ты никогда не позволяешь им зажить.

Человек сидел в купе поезда. Напротив него сидел священник, рядом с которым лежала корзинка, какие берут с собой на пикник. Человеку нечем было заняться, и он стал наблюдать за священником.

Через некоторое время священник открыл корзинку и вынул небольшую

салфетку, которую старательно расправил на коленях. Затем он вынул стеклянное блюдо и поместил поверх салфетки. Затем он извлек яблоко и нож, очистил яблоко, разрезал на ломтики, сервировал на блюде. В конце концов, он взял блюдо в руки, поднес к окну и вывалил наружу все содержимое. Затем он извлек банан, очистил, разрезал, поместил на блюдо, выбросил в окно. Та же судьба постигла грушу, небольшую банку вишен, ананас и горшочек сметаны — он опрокинул все это в окно, предварительно тщательно сервируя. Затем он очистил блюдо, отряхнул салфетку и снова сложил все это в корзинку. Человек, изумленно наблюдавший за священником, в конце концов, спросил:

— Извините меня, отец, но что это вы делаете? Священник невозмутимо отвечал:

— Фруктовый салат.

— Но вы же выбрасываете все это в окно, — сказал человек.

— Да, — сказал священник. — Я ненавижу фруктовый салат.

Люди продолжают носить с собой то, что ненавидят. Они живут в ненависти. Они продолжают беречь раны, чтобы они не заживали; они не позволяют им зажить — вся их жизнь построена на прошлом.

Пока ты не начнешь жить в настоящем, ты не сможешь забыть и простить прошлое. Я тебе не предлагаю забыть и простить все, что случилось в прошлом; мой подход не такой. Я говорю: живи в настоящем. Это позитивный вид подхода к существованию — жить в настоящем. Это другой способ сказать: будь более медитативным, более осозанным, более бдительным, потому что, когда ты бдителен и осознан, ты — в настоящем.

Осознанность не может быть в прошлом и не может быть в будущем. Осознанность знает лишь настоящее. Осознанность не знает ни прошлого, ни будущего; в ней есть лишь одно время — настоящее. Будь осознан, и по мере того, как более и более ты начнешь наслаждаться настоящим, по мере того, как более и более ты будешь чувствовать блаженство, оставаясь в настоящем, будут прекращаться те глупости, которые продолжает делать каждый. Ты перестанешь уходить в прошлое. Тебе не придется забывать и прощать, прошлое просто исчезнет само собой. Ты удивишься — куда оно делось? И как только прошлого больше нет, также исчезает и будущее, потому что будущее — только проекция прошлого. *Быть свободным от прошлого и будущего — значит, впервые испытать вкус свободы. И в переживании этого опыта человек становится целым, здоровым; все раны исцелены.* Внезапно нет больше никаких ран; ты начинаешь чувствовать, что в тебе возникает глубокое чувство благополучия. Это чувство благополучия

— начало трансформации.

Почему я делаю из мухи слона?

Потому что «мухи» не позволяют это чувствовать себя хорошо, непринужденно — оно хочет «слонов». Даже Стрдание должно быть не мухой, а слоном, огромным, как гора Эверест. *Даже если это страдает, оно не хочет страдать обычно, оно хочет страдать незаурядно! Так или иначе, оно хочет быть первым. Поэтому человек постоянно делает из мух слонов.*

Люди продолжают и продолжают создавать большие проблемы из ничего. Мне рассказывали свои проблемы тысячи людей, и до сих пор мне так и не встретилось среди них ни одной реальной! Все проблемы ложны — *вы их создаете*, потому что без проблем чувствуете себя пустыми. Если нет проблем, нечем заняться, не с кем бороться, некуда идти. Люди ходят от одного гуру к другому, от одного мастера к другому, от одного психотерапевта к другому, из одной группы встреч в другую, потому что если они это не делают, то чувствуют себя пустыми, и внезапно им кажется, что жизнь бессмысленна. Вы создаете проблемы, чтобы можно было почувствовать, что жизнь — это огромная работа, рост, что вам приходится вести тяжелую борьбу.

Это может существовать, только если оно борется, помните — пока оно борется. И чем больше проблема, чем больше вызов, тем выше поднимается это, тем выше парит.

Вы создаете проблемы. Проблем не существует. И более того, извини, но даже «мух» нет. Даже это — твой собственный трюк. Ты говоришь: «Ладно, может быть, это не слоны, но это все же мухи». Нет, даже мух нет — все это создается тобой. Сначала ты из ничего создаешь мух, потом из мух делаешь слонов.

А священники, психоаналитики и гуру довольны, потому что все их ремесло построено на тебе. Если бы ты не создавал мух из ничего, а затем не превращал бы этих мух в слонов, какой был бы смысл искать помощи у гуру? Прежде чем начать нуждаться в помощи, ты должен дойти до кондиции.

Пожалуйста, посмотри на то, что ты делаешь и какой занимаешься ерундой. Сначала ты создаешь проблему, потом пускаешься в поиски ее решения. Просто наблюдай, почему ты создаешь проблему. *Решение проблемы находится в самом ее начале, когда ты ее только создаешь, — не создавай ее!* Но это для тебя непривлекательно, потому что это выбивает почву у тебя из-под ног. Ничего не делать? Никакого просветления, сатори,

самадхи! И ты чувствуешь глубокое беспокойство, пустоту и начинаешь набивать себя, чем придется.

У тебя нет никаких проблем — достаточно понять только это.

В это самое мгновение ты можешь отбросить все проблемы, потому что все они созданы тобой.

Таким образом, взгляни еще раз на свои проблемы. Чем глубже ты будешь смотреть, тем меньше они будут казаться. Продолжай на них смотреть, и мало-помалу они станут исчезать. Продолжай наблюдать, и внезапно ты найдешь, что остается пустота — тебя окружает красивая пустота. Ничего не нужно делать, ничем не нужно быть, потому что ты — уже это.

Просветления следует не достигать, им нужно просто жить. Когда я говорю, что достиг просветления, я просто подразумеваю, что решил им *жить*. Довольно! И с тех пор я им живу. Это решение, что теперь ты больше не заинтересован в создании проблем, — вот и все. Это решение, что теперь ты покончил со всей этой ерундой создания проблем и поисков решений.

Весь этот вздор — игра, в которую ты сам с собой играешь. Ты сам прячешься, и сам же идешь искать — ты играешь за обе стороны. И ты это знаешь! Именно поэтому, когда я это говорю, ты улыбаешься, смеешься. Я не сказал ничего забавного — ты это понимаешь. Ты смеешься над собой. Просто наблюдай собственный смех, посмотри на собственную улыбку — ты это понимаешь. Так и должно быть, потому что это твоя собственная игра: ты прячешься и ждешь, пока сам же сможешь пойти и найти себя.

Ты можешь найти себя прямо сейчас, потому что прячешься именно ты сам.

Именно поэтому дзэнские мастера все время кого-то бьют. Каждый раз, когда кто-то приходит и говорит: «Я хотел бы стать Буддой», мастер приходит в сильный гнев. Этот человек говорит вздор, он *есть* Будда. Если ко мне приходит Будда и спрашивает, как ему стать Буддой, что я должен делать? Я его стукну по голове! «Кого ты пытаешься обмануть? Ты *и есть* Будда».

Не создавай себе напрасных трудностей. И тебя озарит понимание, если ты наблюдаешь то, как делаешь проблему больше, больше и больше, как ее прядешь, как заставляешь прядельное колесо вращаться быстрее и быстрее. Тогда внезапно ты оказываешься в кульминации своего несчастья и нуждаешься в сочувствии всего мира.

Ты большой любитель создавать проблемы... просто пойми это, и внезапно проблемы исчезнут. Ты в прекрасной форме, ты рожден

совершенным — вот все послание. Ты рожден совершенным; совершенство — твоя глубочайшая внутренняя природа. Тебе нужно только ею жить. Прими решение — и живи ею.

Если тебе еще не наскучила эта игра, ты можешь продолжать, но не спрашивай — почему? Ты знаешь. Это «почему» просто. Эго не может существовать в пустоте, ему нужно с чем-то бороться. Подойдет даже привидение из твоего воображения, но тебе нужно с кем-то бороться. Эго может существовать только в конфликте, эго — это не сущность, это напряжение. Вследствие этого возникает конфликт, возникает напряжение, и эго существует; когда конфликта нет, напряжение исчезает, и исчезает эго. Эго — это не вещь, это просто напряжение.

И конечно, никто не хочет небольших напряжений, все хотят больших напряжений. Если вам недостаточно собственных проблем, вы начинаете думать о человечестве, о судьбах мира... — социализм, коммунизм и прочий вздор. Вы начинаете думать о мире так, словно весь мир зависит от ваших советов. Тогда вы думаете: «Что случится в Израиле? Что будет с Африкой?» И вы продолжаете давать советы — и создаете проблемы.

Люди так волнуются, что не могут спать, потому что продолжается какая-то война. Они приходят в сильное волнение. Их собственная жизнь так обыденна, что им приходится черпать незаурядное из какого-то другого источника. Нация переживает трудности, и они отождествляются с нацией.

Культура переживает трудности, общество переживает трудности — теперь есть большие проблемы, и вы отождествляетесь. Вы индуист, а индуистская культура переживает трудности; вы христианин, а христианская церковь испытывает трудности. Весь мир поставлен на карту. Теперь — при помощи своих проблем — вы увеличиваетесь в размере.

Эго нуждается в каких-то проблемах. Если ты это понимаешь, в самом этом понимании слоны снова станут мухами, а потом исчезнут и мухи. Внезапно — пустота, всюду вокруг чистая пустота. Именно в этом и состоит просветление — глубокое понимание, что никаких проблем нет.

Тогда — без всякой проблемы, которую можно решать — что ты будешь делать? Тотчас же ты начнешь жить. Ты будешь есть, ты будешь спать, ты будешь любить, ты будешь болтать с друзьями, ты будешь петь, ты будешь танцевать — что еще остается делать? Ты стал богом, ты начал жить.

Если есть какой-нибудь Бог, одно определенно: у него нет никаких проблем. Это можно сказать с уверенностью. Что же он тогда все время делает? Никаких проблем, никакого психиатра, чтобы посоветоваться, никакого гуру, чтобы пойти и сдать ему... что делает Бог? Что ему делать? Наверное, он сходит с ума, у него съезжает крыша! Нет — он живет; его

жизнь тотально наполнена жизнью. Он ест, спит, танцует, влюбляется — но без всяких проблем.

Начни жить в это мгновение, и ты увидишь, что чем больше ты живешь, тем меньше у тебя проблем. Потому что теперь, когда твоя пустота цветет и живет, в них нет надобности. Пока ты не живешь, та же самая энергия застаивается и скисает. Та же самая энергия, которая могла расцвести, закинена. И поскольку ей не позволено расцвести, она становится шипом в сердце. Это одна и та же энергия.

Заставьте маленького ребенка сидеть в углу и скажите ему оставаться совершенно неподвижным, не двигаться. Наблюдайте, что произойдет... еще несколько минут назад он был совершенно расслабленным, текучим; теперь его лицо покраснело, потому что ему приходится напрягаться, сдерживаться. Все его тело стало застывшим, он подергивается и шевелится то тут, то там, словно ему хочется выпрыгнуть из самого себя. Вы принудили его энергию быть в покое — теперь у нее нет цели, нет смысла, нет пространства, чтобы двигаться, ей негде распуститься и расцвести; она оказалась закиненой, замороженной, застывшей. Ребенок переживает смерть, временную смерть. Теперь, если вы не позволите ему снова бегать, передвигаться по саду и играть, он начнет создавать проблемы. Он будет фантазировать; в уме он будет создавать проблемы, и бороться с этими проблемами. Он увидит большую собаку и испугается; или увидит привидение, и ему придется бороться с ним или убегать от него. Теперь он создает проблемы — ту самую энергию, которая мгновение назад могла свободно течь всюду, во всех направлениях, теперь закинуло, и она скисла.

Если бы люди могли немного больше танцевать, немного больше петь, быть немного более сумасшедшими, их энергия была бы более струящейся, и проблемы мало-помалу исчезли бы.

Поэтому я так настаиваю на танце. Танцуйте до точки оргазма; пусть вся энергия танцует, и внезапно вы увидите, что у вас нет никакой головы, — энергия, зажатая в голове, течет всюду свободно, создает прекрасные узоры, картины, движение. И когда вы танцуете, приходит мгновение, когда ваше тело больше не застывший предмет — оно становится гибким, текучим. Когда вы танцуете, приходит мгновение, когда ваши границы больше не так четки; вы таете и сплавляетесь с космосом, и границы смешиваются.

Наблюдай танцора — ты увидишь, что он стал энергетическим явлением, больше не заключенным в четкую форму, вышел из формы, становится более живым, более и более живым. Но, только танцуя сам, ты сможешь знать, что на самом деле происходит. Голова внутри исчезает; снова ты — ребенок. Тогда ты не создаешь никаких проблем.

Живи, танцуй, ешь, спи, делай все как можно более тотально. И

вспоминай снова и снова: каждый раз, когда тыловишь себя на том, что создаешь какую-нибудь проблему, выскользни из этого — тотчас же. Как только ты окажешься *внутри* проблемы, понадобится решение. И даже если ты найдешь решение, из этого решения снова возникнет тысяча и одна проблема. Если только ты упустишь первый шаг, то провалишься в западню.

Каждый раз, когда ты видишь, что соскальзываешь в проблему, поймай себя — бегай, прыгай, танцуй, но не вовлекайся в эту проблему. Сделай что-нибудь тут же, чтобы энергия, которая создавала проблемы, стала жидкой, растаяла, вернулась в космос.

У первобытных людей мало проблем. Я сталкивался в Индии с первобытными сообществами, которые говорят, что им вообще не снятся снов. Фрейд не смог бы поверить, что это возможно. Они не видят снов, но если кто-то иногда видит сон — а это редкое явление, — вся деревня совершает пост, молится Богу. Что-то пошло не так, случилось что-то плохое... человеку приснился сон. Этого никогда не бывало у них в племени, потому что они живут так тотально, что в голове не остается ничего, что требовало бы завершения во сне.

Каждый раз, когда ты оставляешь незавершенности, их приходится завершать во снах; каждый раз, когда ты не прожил что-то полностью, остается пережиток, и он находит себе завершение в уме — именно это и есть сон. Целый день ты продолжаешь думать. Мышление просто показывает, что у тебя больше энергии, чем ты используешь для жизни; у тебя больше энергии, чем нужно для твоей так называемой жизни.

Ты упускаешь настоящую жизнь. Используй больше энергии, и тогда потекут свежие энергии. Просто не будь скрягой. Используй их сегодня; пусть сегодня будет оконченным; завтра о себе позаботится, не беспокойся о завтра. Беспокойство, проблема, тревога — все это просто показывает одно: ты не живешь правильно, твоя жизнь — еще не празднование, не танец, не радость. Отсюда все проблемы.

Если ты живешь, эго исчезает. Жизнь не знает слова «эго», она знает только слово «жить», «жить», «жить». Жизнь не знает никакого «я», никакого центра; жизнь не знает никакой отделенности. Ты дышишь — в тебя входит жизнь. Ты выдыхаешь — тыходишь в жизнь. Нет никакой отделенности. Ты ешь, и деревья входят в тебя путем плодов. Затем однажды ты умираешь, тебя хоронят в земле, и деревья тебя всасывают, и ты становишься плодами. Твои дети снова тебя съедают. Ты поедал своих предков; деревья обращали их в плоды... Вы считаете себя вегетарианцами? Не обманывайтесь видимостью. Все мы людоеды.

Жизнь едина, и она остается в непрерывном движении. Она в тебя входит; она сквозь тебя течет. Фактически сказать, что она в тебя входит,

было бы неправильно, потому что тогда будет казаться, что жизнь сначала в тебя входит, потом тебя покидает. Ты не существуешь — существует только эта входящая и выходящая жизнь. Ты не существуешь — существует лишь жизнь в своих необозримых формах, в своей энергии, в миллионах радостей. Как только ты это поймешь, пусть это понимание станет единственным законом.

Почему я всегда чувствую себя таким несчастным? Не мог бы ты все это с меня снять?

Ответ содержится в самом твоём вопросе. Ты не хочешь принимать ответственность за собственное существо, это должен сделать кто-то другой. И в этом единственная причина несчастья.

Нет никакого способа сделать так, чтобы твоё несчастье «снял» кто-то другой. Нет никакого способа сделать так, чтобы кто-то другой сделал тебя блаженным. Но если ты осознаешь, что ответственен за то, несчастен ты или блажен, никто не сможет ничего сделать...

Твое несчастье — твоё собственное действие; твоим же действием будет и твоё блаженство.

Но принять это тяжело: несчастье — моё действие?

Каждый чувствует, что за его несчастье ответственны другие. Муж думает, что за его несчастье ответственна жена, жена думает, что за её несчастье ответственен муж, дети думают, что за их несчастье ответственны родители, родители думают, что за их несчастье ответственны дети. Все так запутывается. *А каждый раз, когда за твоё несчастье ответственен кто-то другой, ты не осознаешь, что, отторгая ответственность, ты теряешь и свободу. Ответственность и свобода — это две стороны одной монеты.*

И поскольку вы считаете других ответственными за собственное несчастье — именно поэтому существуют шарлатаны, так называемые спасители, посланники Бога, пророки, которые продолжают вам говорить: «Вам ничего не нужно делать, просто будьте моими последователями. Верьте в меня, и я вас спасу. Я — ваш пастух, вы — мои овцы».

Странно, что ни один человек не выступил против таких людей, как Иисус Христос, и не сказал: «Совершенно оскорбительно говорить, что ты — пастух, а мы — овцы, что ты — спаситель, а мы должны просто зависеть от твоего сострадания, что вся наша религия должна состоять в том, чтобы просто верить в тебя». Но поскольку мы всегда перекладывали

ответственность за собственное несчастье на других, мы приняли и естественное этого следствие: что от других должно исходить и блаженство.

Естественно, если от других исходит несчастье, то от других должно исходить и блаженство. Но что тогда делаете вы? Вы не ответственны ни за несчастье, ни за блаженство — в чем тогда вообще ваша функция? Зачем вы нужны? — просто чтобы быть мишенью того, чтобы кто-то делал вас несчастными, а кто-то другой помогал, спасал и делал блаженными? Неужели вы — просто марионетка, все нити которой находятся в руках других?

Вы не уважительны к своей человечности; вы не уважаете себя. У вас нет никакой любви к собственному существу, к собственной свободе.

Если бы вы уважали собственную жизнь, то отказались бы от услуг всяких спасителей. Вы сказали бы этим спасителям: «Катитесь! Спасите хотя бы себя, этого будет достаточно. Это моя жизнь, и я должен ее прожить сам. Если я сделаю что-нибудь неправильно, то переживу несчастье; я приму последствия своего неправильного действия без всяких жалоб».

Может быть, именно так человек и учится — падая, снова поднимаясь; сбиваясь с пути, снова к нему возвращаясь. Вы совершаете ошибку... но каждая ошибка делает вас более разумными; вы больше не совершите такой же ошибки. Если вы совершаете одну и ту же ошибку снова, это значит, что вы ничему не учитесь. Вы не используете разум, но ведете себя механически.

Все мое усилие здесь состоит в том, чтобы вернуть каждому человеческому существу присущее ему самоуважение, которое оно отдало в случайные руки. И вся эта глупость начинается с того, что вы не готовы принять ответственность за собственное несчастье.

Просто подумайте: нельзя найти ни единого страдания, за которое вы не были бы ответственны. Это может быть ревность, это может быть гнев, это может быть жадность — но что-то в вас, должно быть, служит причиной, создающей это страдание.

И приходилось ли вам когда-нибудь видеть, чтобы кто-нибудь в этом мире сделал кого-то другого блаженным? Это тоже зависит от вас, от вашего молчания, от вашей любви, от вашего мира, от вашего доверия. И случается чудо — никто этого не делает.

В Тибете есть прекрасная история о Марпе. Может быть, она не достоверна буквально, но она безмерно значительна. Меня не слишком волнует фактическая достоверность. Я помещаю ударение на значительность и истину, а это совершенно другое дело.

Марпа услышал об одном мастере. Он находился в поиске, и он пришел к этому мастеру, сдался мастеру, и сдался тотально. Он спросил мастера:

— Что я теперь должен делать? Мастер сказал:

— Теперь, когда ты мне сдался, ты не должен ничего делать. Просто верь в меня. Мое имя будет для тебя тайной мантрой. Каждый раз, когда ты испытываешь затруднение, просто вспомни мое имя, и все будет хорошо. Марпа коснулся его ног. Он тут же это испробовал, потому что он был такой простой человек — он пошел по реке. Другие ученики, которые были с этим мастером много лет, не могли поверить своим глазам — он шел по воде! Они сказали мастеру:

— Ты не понял, что это за человек. Это не обычный человек; он ходит по воде!

— Что?! — сказал мастер.

Все они прибежали к реке, а Марпа ходил по воде, распевал песни, танцевал. Когда он вернулся на берег, мастер спросил его:

— В чем твой секрет?

— Какой секрет? — сказал Марпа. — Это тот самый секрет, который ты мне дал: твое имя. Я вспомнил тебя. Я сказал: «Мастер, позволь мне ходить по воде», и это случилось.

Мастер не мог поверить, что это могло совершиться его именем. Он сам не мог ходить по воде. Но кто знает?.. Он никогда не пытался. Он решил, что лучше будет попробовать еще несколько вещей, прежде чем пытаться самому, и он сказал Марпе:

— Сможешь ли ты спрыгнуть вон с того утеса?

— Все, что ты скажешь, — ответил Марпа.

Он взобрался на утес и спрыгнул, и все они стояли в долине в ожидании — от Марпы останутся только кусочки! Чудом будет, даже если они найдут от него кусочки, — утес был очень высокий. Но оказалось, что Марпа улыбается, сидит в позе лотоса. Он приземлился прямо под деревом в долине, он сидел под деревом. Все они окружили его. Его осмотрели — ни царапины. Мастер сказал:

— Это действительно что-то. Ты использовал мое имя?

— Это было твое имя, — сказал Марпа. Мастер сказал:

— Этого достаточно, теперь попытаюсь я. — И он шагнул в реку и тут же пошел ко дну.

Марпа не мог поверить своим глазам, когда мастер стал тонуть. Ученики

бросились в реку и кое-как вытащили его, полумертвого. Воду извлекли у него из легких... он все-таки выжил. Марпа сказал:

— Что случилось?

— Прости меня, — сказал мастер. — Я не мастер, я только притворщик.

— Если ты притворщик, — сказал Марпа, — тогда почему же работало твое имя?

— Работало не мое имя, — сказал притворщик, — работало твое доверие. Неважно, кому тыверяешь, — это само доверие, любовь, тотальность. Я не доверяю себе. Я не доверяю никому. Я всех обманываю — как я могу доверять? И я всегда боюсь, что меня обманут другие, потому что обманываю сам. Доверие для меня невозможно. Ты — невинный человек, ты стал мне доверять. Именно благодаря твоему собственному доверию случились эти чудеса.

Истинна эта история или нет, неважно.

Одно можно сказать точно: ваше страдание вызывается вашими собственными ошибками, а блаженство приносит ваше собственное доверие, любовь.

Ваши оковы — ваше собственное создание, а свобода — ваш собственный манифест.

Ты меня спрашиваешь: «Почему я так несчастен?» Ты несчастен потому, что не принимаешь за это ответственности. Просто посмотри, что такое твое несчастье, найди причину — и ты найдешь эту причину внутри самого себя. Устрани причину, и несчастье исчезнет.

Но люди не хотят удалять причин, они хотят удалить страдание. Это невозможно, это абсолютно ненаучно.

И потом ты просишь меня, тебя спасти, тебе помочь. Нет надобности в том, чтобы ты становился нищим. Вы здесь не для того, чтобы становиться нищими. Вы не овцы, вы — императоры.

Примите ответственность за страдание, и вы найдете, что у вас внутри скрыты и все причины блаженства, свободы, радости, просветления, бессмертия. Не нужно никакого спасителя. И никогда не бывало никаких спасителей; все спасители поддельны. Им поклонялись, потому что вы всегда хотите, чтобы вас кто-то спасал. Они появлялись, потому что всегда пользовались спросом, а спрос всегда рождает предложения.

Как только ты начинаешь зависеть от других, ты теряешь собственную

Душу. Ты забываешь, что у тебя есть сознание настолько же вселенское, что и сознание любого другого, что у тебя есть сознание настолько же великое, что и сознание любого Гаутамы Будды, — только ты его не осознаешь, ты его не искал. А не искал ты потому, что всегда смотрел на других — кто-то другой тебя спасет, кто-то другой тебе поможет. Ты продолжаешь просить милостыню, не осознавая, что все это королевство — твое.

Это нужно понять как один из самых основополагающих принципов — самоуважение, свобода и ответственность.

Почему каждому хочется притворяться не тем, кто он есть на самом деле? Какая за этим стоит психология?

Это происходит потому, что каждого с самого детства осуждают. Все, что ребенок делает сам по себе, согласно собственным пристрастиям, неприемлемо. У людей, толпы, среди которой растет ребенок, свои собственные идеи и идеалы. Ребенку приходится соответствовать этим идеям и идеалам. Ребенок беспомощен.

Ты никогда об этом не думал?.. Человеческий ребенок — самый беспомощный ребенок во всем животном царстве. Все животные могут выжить без поддержки родителей и толпы, но человеческий ребенок выжить не может, он тут же умрет. Это самое беспомощное существо в мире — оно так уязвимо для смерти, так хрупко. Естественно, те, кто наделен властью, способны отлить этого ребенка в любую форму, какую захотят.

И каждый становится тем, кем теперь стал, вопреки самому себе. Вот какая психология стоит за тем фактом, что каждому хочется притворяться не тем, кто он есть на самом деле.

Каждый оказывается в шизофреническом состоянии. Людям никогда не позволяют быть собой, их принуждают быть кем-то другим, а в этом чужеродном для них бытии, их собственная природа не позволяет им быть счастливыми.

И таким образом, по мере того как ребенок вырастает и становится на ноги, он начинает изображать многие вещи, которые хотел бы на самом деле иметь в своем существе. Но в этом ненормальном мире каждого уведут прочь от себя. Каждый человек оказывается переделанным в кого-то другого; он не такой, и знает это сам. Все знают, что их заставили — стать доктором, стать инженером, стать политиком, стать преступником, стать нищим. Действует множество разных сил.

В Бомбее в Индии есть некий бизнес, который состоит в том, чтобы

похищать детей и делать их калеками, слепыми, хромыми, заставляя просить милостыню и каждый вечер приносить все деньги, которые они собрали. Да, им дают еду, им дают кров. Их используют как товар, с ними обращаются не как с человеческими существами. Это крайний случай, но то же самое происходит в большей или меньшей мере с каждым. Никто не расслаблен в самом себе.

В этом мире есть только одно счастье — и это счастье быть собой. И поскольку никто не может быть собой, все пытаются, так или иначе, скрыться — за масками, притворством, лицемерием. Все стыдятся того, кто они такие.

Мы превратили мир в рыночную площадь, тогда как он мог быть прекрасным садом, где каждому позволено расцвести собственными цветами. Мы вынуждаем маргаритки расцветать розами — а откуда у маргариток возьмутся розы? Эти розы будут пластмассовыми, и в святая святых своего сердца маргаритка будет плакать слезами стыда: «Мне не хватило храбрости, чтобы восстать против толпы. Мне навязали пластмассовые цветы, тогда как у меня есть собственные, настоящие, ради которых течет моя кровь, — но я не могу показать своих настоящих цветов».

Вас научили всему, кроме того, чтобы быть собой. Та самая уродливая из всех возможных форма общества, потому что она делает каждого несчастным.

Быть не теми, кто вы есть на самом деле, быть не с теми, с кем хотите, делать не то, что хотите, — все эти вещи лежат в основе всего вашего страдания.

И с одной стороны, обществу удалось сделать каждого несчастным, а с другой стороны, то же самое общество ожидает, чтобы вы никак не проявляли своего несчастья — по крайней мере, на людях, в открытую. Это ваше личное дело.

Несчастье создало само же общество — на самом деле это дело общественное, не личное. Та же самая толпа, создавшая все причины вашего несчастья, в конце концов, вам говорит: «Если ты несчастлив, это твое дело, но когда ты на людях, улыбайся. Не показывай другим несчастного лица». Это называют этикетом, манерами, культурой. Это лицемерие в самой своей основе.

И пока человек не принимает решения: «Чего бы это ни стоило, я просто хочу быть собой. Пусть меня осудят, пусть меня не примут, пусть я лишусь респектабельности — что угодно, но только я больше не могу притворяться не тем, кто я такой»... Это решение и манифест — манифест свободы,

свободы от тяжести толпы — рождает твое естественное существо, твою индивидуальность.

Тогда тебе не нужна никакой маски. Тогда ты можешь просто быть собой, точно таким, как есть.

Как мне быть собой?

Это должно быть самым легким в мире делом, но это не так. Чтобы быть собой, человеку не нужно ничего; он уже есть «он сам». Кем еще ты можешь быть? Как ты можешь быть кем-то другим? Но я понимаю эту проблему. Проблема возникает из-за того, что общество развращает каждого. Оно развращает ум, существо. Оно что-то тебе навязывает, и ты теряешь контакт с собой. Оно пытается сделать из тебя кого-то другого, кем тебе быть не предназначено. Оно уводит тебя прочь от твоего центра. Оно оттаскивает тебя прочь от самого себя. Оно учит тебя быть похожим на Христа или Будду, быть таким-то и таким-то; оно никогда не говорит тебе быть собой. Оно никогда не позволяет тебе свободы быть собой; оно навязывает твоему уму чужеродные образы.

Тогда возникает эта проблема. Самое большее, ты можешь притворяться, но, притворяясь, ты никогда не испытываешь удовлетворенности. Ты всегда хочешь быть собой — это естественно — а общество этого не позволяет. Оно хочет, чтобы ты был кем-то другим. Оно хочет, чтобы ты был фальшивым. Оно не хочет, чтобы ты был настоящим, потому что настоящие люди опасны; настоящие люди — бунтари. Настоящих людей не так легко контролировать, их не так легко заставить стать в строй. Настоящие люди проживают собственную реальность по-своему — они делают свое дело; они не беспокоятся о других вещах. Их нельзя принести в жертву во имя религии, во имя государства, нации, расы. Невозможно их вовлечь ни в какое жертвование. Настоящие люди всегда идут за собственным счастьем. Их счастье предельно: они не готовы жертвовать им ни для чего другого. Именно в этом проблема.

И общество уводит прочь от себя каждого ребенка: оно учит ребенка быть кем-то другим. И мало-помалу ребенок перенимает уловки притворства, лицемерия. И однажды — в этом вся ирония — то же самое общество начинает тебя об этом спрашивать, начинает говорить: «Что с тобой случилось? Почему ты не счастлив? Почему ты выглядишь подавленным? Почему тебе грустно?» И тогда в действие вступают священники. Сначала они тебя развращают, уводят прочь от пути счастья — потому что возможно только одно счастье, и это счастье быть собой, — а

затем приходят к тебе и спрашивают: «Почему ты не счастлив? Почему ты несчастен?» И затем они учат тебя, как стать счастливым. Сначала они делают тебя больным, потом продают лекарства. Это великий заговор.

Я слышал:

Миниатюрная еврейская дама садится в самолет рядом с огромным норвежцем. Она все смотрит и смотрит на него. В конце концов, она поворачивается к нему и говорит: - Извините, а вы не еврей? Нет, — отвечает он.

Проходит несколько минут, она снова смотрит на него и спрашивает:

— Мне это можно сказать смело: вы ведь еврей, правда?

— Безусловно, нет, — отвечает он.

Она продолжает изучать его и говорит снова:

— А мне сразу стало ясно, что вы еврей.

Чтобы она, наконец, от него отвязалась, норвежец отвечает:

— Ладно, я еврей.

Она смотрит на него, покачивая головой, и говорит:

— А ведь совсем не похожи.

Именно так все и происходит. Ты спрашиваешь: «Как мне быть собой?» Просто отбрось притворство, отбрось этот позыв быть кем-то другим, отбрось всякое желание быть похожим на Христа, Будду, быть похожим на соседа. Отбрось соревнование и сравнение, и ты будешь собой. Соревнование — это яд. Ты всегда думаешь в терминах того, как дела у соседа. У него большой дом, большая машина, и ты несчастен. У него красивая женщина, и ты несчастен. Он взбирается по лестнице власти и политики, и ты несчастен. Сравнивай, и ты будешь подражать. Если ты будешь сравнивать себя с богатыми людьми, то начнешь бежать в том же направлении. Если ты будешь сравнивать себя с учеными людьми, то начнешь накапливать знание. Если ты станешь сравнивать себя с так называемыми святыми, то начнешь накапливать добродетель — и останешься подражателем. А быть подражателем — значит упускать всякую возможность быть собой.

Отбрось сравнение. Ты уникален. Никто другой не похож на тебя, никогда не было никого, похожего на тебя, и никто никогда не будет на тебя

похож. Ты просто уникален — и когда я говорю, что ты уникален, я не говорю, что ты лучше других, помни. Я просто говорю, что другие тоже уникальны. Быть уникальным — обычное качество каждого существа. Быть уникальным — это не сравнение, быть уникальным так же естественно, как и дышать. Каждый дышит, каждый уникален. *Пока ты жив, ты уникален. Только трупы похожи друг на друга; живые люди уникальны. Они никогда не подобны друг другу — и не могут быть подобными. Жизнь никогда не следует никакому повторяющемуся курсу.* Существование никогда не повторяется: оно продолжает петь каждый день новую песню, каждый день рисует что-то новое.

Почитай собственную уникальность, отбрось сравнение. Сравнение — виновник всех бед. Однажды ты начинаешь сравнивать, и этому нет конца. Ни с кем себя не сравнивай — другой человек не ты, ты не другой. Оставь других в покое и расслабься в своем существе. Начни наслаждаться тем, кто ты такой, кем бы ты ни был. Радуйся мгновениям, доступным для тебя.

Сравнение вносит будущее, сравнение вносит амбиции, сравнение вносит насилие. Ты начинаешь бороться, сражаться, становишься враждебным.

Жизнь — не что-то, похожее на товар. Счастье — не что-то, похожее на товар, такой, что если он есть у других, то нет у тебя: «Если счастье есть у других, как оно может быть у меня?» Счастье — это совершенно не товар. Ты можешь его иметь сколько хочешь. Это зависит только от тебя. Никто в нем не конкурирует, и никто тебе не соперник. Точно так же, как сад красив, — ты можешь смотреть и восхищаться им, кто-то другой может смотреть и восхищаться. Если кто-то другой восхищается садом и говорит, что он красивый, это не мешает делать то же самое тебе; другой не эксплуатирует тебя. Сад не становится меньше оттого, что им восхищается другой человек; если кто-то другой поражен его красотой, сад не становится меньше. Фактически сад становится еще более красивым — потому что им восхитился кто-то другой, и этот человек придал саду новое измерение.

Люди, которые счастливы, фактически добавляют к существованию некое качество — просто, будучи счастливыми, они создают вибрацию счастья. Вы сможете восхищаться миром тем больше, чем больше людей будут счастливыми. Не думайте в терминах соревнования. Не бывает так, что если другие люди счастливы, ты не можешь быть счастливым, поэтому ты должен наброситься на них и вырвать у них счастье, должен соревноваться. Помни: если люди несчастливы, быть счастливым тебе будет очень трудно. Счастье доступно для всех — счастье всегда доступно для каждого, стоит только раскрыть к нему сердце. Человек счастлив не потому, что чего-то достиг. Счастье не похоже на политический чин — один человек стал президентом в стране, и теперь кто угодно не может быть президентом,

это правда. Но если один человек становится просветленным, это не мешает стать просветленным никому другому — фактически это помогает. Благодаря тому, что стал просветленным Будда, легче стать просветленным стало тебе. Благодаря тому, что стал просветленным Христос, это стало легче для тебя. Кто-то прошел по этому пути; остались следы, этот человек оставил тебе тонкие намеки. Тебе идти будет легче, у тебя будет больше уверенности, меньше колебаний. Вся земля может стать просветленной — все и каждое существо может быть просветленным. Но все не могут быть президентами.

В одной отдельно взятой стране миллионы людей — только один человек может стать президентом; конечно, это дело соревнования. Но сотни миллионов людей могут стать просветленными — без всяких проблем.

Все, что трансцендентно, лишено соревнования — а твое существо трансцендентно. Просто расставь все по местам. Общество затуманило тебе голову; оно научило тебя соревновательному образу жизни. Общество — это амбиции; медитативность, осознанность — лишены амбиций. А когда ты лишен амбиций — лишь тогда ты можешь быть собой. Это просто.

Иногда я чувствую себя так, словно, — перефразируя «Ад - в других» Сартра, — «Ад - во мне самом». Я живу в аду. Чертов ад! Должен ли я принять ад, прежде чем смогу найти блаженство? Не понимаю, как?

Нет, ты не живешь в аду. Ты *есть* ад. Само эго — есть ад. Как только эго нет, нет и ада. Эго окружает тебя структурами, которые делают тебя несчастным. Эго действует, как рана, — и тогда все начинает его ранить. «Я» — это ад.

«Я сам» — это ад, «не-я» — это рай. Не быть — значит быть в раю. Быть — значит всегда оставаться в аду. *Должен ли я принять ад, прежде чем смогу найти блаженство?* Ты должен *понять* ад, потому что, не поняв ада, ты никогда не сможешь из него выбраться. А для понимания, принятие обязательно. Ты не сможешь ничего понять, отрицая его. Именно это мы делаем. Мы продолжаем отказываться от частей своего существа. Мы продолжаем настаивать: «Это не я». Жан-Поль Сартр называет адом другого — когда ты отвергаешь что-то в самом себе, то проецируешь это на другого.

Посмотри на механизм проекции. Все, что ты отвергаешь в себе, ты проецируешь на других. Тебе приходится куда-то это переместить. Это в тебе есть, и ты это знаешь.

Только вчера вечером одна женщина мне сказала, что очень боится, что ее муж ее убьет. У нее очень простой и хороший муж, очень простой

человек. Редко можно встретить таких простых людей. Это почти абсурдно — идея, что он ее убьет. Когда она это говорила, муж заплакал. Сама эта идея так абсурдна, что у него из глаз полились слезы. Очень редко можно увидеть, чтобы мужчина плакал, потому что мужчин учат не плакать. Он это почувствовал — что делать? А эта женщина думает, что в любой момент муж готов ее задушить. Она чувствует его руки у себя на шее в темноте. Что же происходит?

Затем мало-помалу она начала говорить о других вещах. У нее нет ребенка, и она отчаянно хочет ребенка. Она мне сказала, что, глядя на чужих детей, она начинает чувствовать, что ей хочется их убить. Теперь все стало ясно. Нет больше никаких осложнений. Она сказала, что ей хочется убить чужих детей, и, поскольку у нее самой ребенка нет, ей не хочется, чтобы матерями могли быть другие. Это стремление к убийству в ней самой, и она не хочет его принимать. Его нужно спроецировать на кого-то другого. Она не может принять, что в ней есть инстинкт убивать; его приходится проецировать. Очень трудно принять себя в качестве убийцы или принять собственные идеи об убийстве детей.

И вот муж — ее самый близкий человек, самый доступный для проецирования, почти как экран, — можно проецировать. И теперь этот бедняга плачет, а женщина думает, что он собирается ее убить. Глубоко в бессознательном, может быть, у нее даже есть идеи убить этого мужа, потому что, наверное, в этом есть определенная логика — потому что от этого мужчины она не может забеременеть. Если бы она была с каким-то другим мужчиной, она могла бы стать матерью. Она не принимает этого на поверхности, но глубоко внутри, наверное, она чувствует, что из-за того, что этот человек — ее муж, она так и не смогла стать матерью. Где-то в бессознательном скрывается тень идеи, что если этот мужчина умрет, то она сможет найти другого мужчину, или что-то подобное. И затем эта идея, что ей хочется убить чужих детей... Она это проецирует. И когда вы проецируете собственные идеи на других, то сами же их пугаетесь. Теперь этот человек кажется ей убийцей.

Мы все это делаем. Если ты отвергаешь какую-то часть своего существа, если ты от нее отказываешься, куда ты ее денешь? Тебе придется переложить ее на кого-то другого.

Войны продолжатся, конфликты будут продолжаться, насилие будет продолжаться, пока человек не придет к достаточному пониманию, чтобы не отвергать ничего в себе, а принимать это. Впитай это заново в свое органическое единство, потому что отвергнутая часть создаст тебе множество проблем. Что бы ты ни отвергал, тебе придется это переместить куда-то еще. Тебе придется спроецировать это на кого-то другого. Отвергнутая часть может стать проекцией, а глаза, которые проецируют,

живут в иллюзии. Они не реалистичны.

Жан-Поль Сартр говорит: «Ад - в других». Это нужно понять. Вы всегда думаете таким образом. Он просто выражает очень распространенное непонимание, очень распространенную иллюзию. Если вы несчастны, то думаете, что несчастным вас делает кто-то другой. Если вы испытываете гнев, вы думаете, что гнев в вас вызвал кто-то другой, — но это всегда кто-то другой.

Если ты испытываешь гнев, его испытываешь *ты*. Если ты несчастен, несчастен *ты*. Никто тебя к этому не вынуждает. Никто не может привести тебя в гнев, если ты сам не решишь испытывать гнев. И когда ты это решишь, тогда, кто угодно сможет тебе помочь, тогда, кого угодно можно применить в качестве экрана, и ты сможешь проецировать. Никто не может сделать тебя несчастным, пока ты не решишь быть несчастным. Тогда весь мир начнет тебе помогать быть несчастным.

«Я» — вот что такое ад, не «другой». Сама идея: «Я отделен от мира» — вот что такое ад. Ад — это отделенность. Отбрось эго, и внезапно ты увидишь — все страдание исчезает, весь конфликт исчезает.

Ты спрашиваешь: *«Должен ли я принимать ад, прежде чем смогу найти блаженство?»* Безусловно, абсолютно. Тебе придется принять и понять. В этом принятии и понимании ад будет снова впитан в единство. Твой конфликт растворится, твоё напряжение растворится. Ты станешь более целым, более собранным. А когда ты собран в целое, нет совершенно никакой идеи эго.

Эго — это болезнь. Когда ты разорван на части, когда ты живешь расщеплённо, двигаясь одновременно в измерения и направления, противоположные друг другу, когда ты живешь в противоречии, возникает эго.

Чувствуешь ли ты когда-нибудь голову, если она не болит? Когда голова болит, ты чувствуешь голову. Если головная боль исчезает, исчезает и голова; ты никогда не почувствуешь, что она вообще есть. Когда ты болен, ты чувствуешь свое тело; когда ты здоров, ты его не чувствуешь. Полное здоровье — это бестелесность; ты вообще не чувствуешь тела. Ты можешь забыть о теле; ничто не притягивает тебя к тому, чтобы о нем помнить. Совершенно здоровый человек — это тот, кто слеп к телу; он не помнит, что у него есть тело.

Ребенок совершенно здоров; у него нет тела. Старик — это одно большое тело; чем старше человек становится, тем больше в нем устанавливается болезни, нездоровья, конфликта. Тогда тело не действует, как надо, оно не в гармонии, не в согласии. Тогда человек осознает тело острее.

Если ты понимаешь то простое явление, что головная боль заставляет тебя осознавать голову, болезнь заставляет осознавать тело, то, значит, есть нечто, подобное болезни и у тебя в душе, что заставляет тебя осознавать «я». Иначе, если бы душа была совершенно здорова, в ней не было бы никакого «я». Именно это говорит Гаутама Будда — никакого «я» нет. Существует лишь «не-я», и это райское состояние. Ты так здоров и так гармоничен, что нет надобности, вспоминать о «я».

Но обычно мы продолжаем культивировать это. С одной стороны, мы пытаемся не быть несчастными, с другой — продолжаем культивировать это.

Я слышал:

Надменная высокопоставленная особа умерла и прибыла к дверям рая.

— Добро пожаловать, входите, — приветствовал ее Святой Петр.

— Не пойду, — ответила она презрительно. — Если вы пускаете сюда кого попало без предварительного бронирования, этот рай ниже моих стандартов.

Даже если каким-то чудом эгоист окажется у дверей рая, он не войдет. Этот рай ниже его стандартов — пускают всех, без бронирования? Тогда какой смысл? Должны пускать лишь немногих избранных, редких людей. Тогда эго может войти в рай. Фактически эго не может войти в рай, оно может войти только в ад. Еще лучше будет сказать, что эго приносит ад с собой, куда бы оно ни пришло.

Это случилось:

Мулла Насреддин упал за городом в выгребную яму и не мог из нее выбраться. Он встал и стал кричать:

— Пожар! Пожар!

И через пару часов, в конце концов, прибыли пожарные.

— Но ведь никакого пожара здесь нет! — воскликнул их капитан. — Зачем же ты кричал «Пожар»?

— А что, по-твоему, я должен бы кричать? — осведомился Мулла. — «Дерьмо»?

Эго устроено таким образом, что даже если оно в аду, то этого не

признает. Это постоянно украшает себя.

Ты спрашиваешь: *«Должен ли я принять ад, прежде чем смогу найти блаженство?»* Другого пути нет. Мало того, что тебе придется его принять, но еще и понять его, и в него вникнуть. Тебе придется вынести его боль и мучения, чтобы осознать, что это такое. Только узнав, что это такое, ты сможешь знать, как ты его создаешь. И только когда ты узнаешь, как ты его создаешь, в твоей власти будет решать, хочешь ты его создавать дальше или нет. Тогда выбор за тобой. *Не понимаю, как*, говоришь ты. Да, ад принять трудно. Мы изо всех сил пытаемся его отрицать. Именно поэтому ты можешь плакать внутри и продолжать улыбаться снаружи. Тебе может быть грустно, но ты продолжаешь притворяться счастливым. Трудно принять, что ты несчастен. Но если ты продолжаешь это отрицать, мало-помалу это отсоединится от твоей осознанности.

Именно это происходит, когда мы говорим, что что-то стало бессознательным. Это означает, что это отсоединилось от сознания. Ты отрицал это так долго, что оно отступило в теневую часть твоей жизни, переместилось в подвал. Ты никогда не сталкиваешься с этой частью себя, но она продолжает действовать, влиять на твое существо и отравлять его.

Если ты несчастен, то можешь улыбаться, но эта улыбка — нарисованная. Это только упражнение для губ. Она не имеет ничего общего с твоим существом. Ты можешь улыбаться, ты можешь убедить какую-нибудь женщину влюбиться в твою улыбку. Но помни — она делает то же самое. Она тоже улыбается, будучи несчастной. Она тоже притворяется. Две фальшивые улыбки создают ситуацию, которую мы называем «любовью». Но долго ли вы сможете продолжать улыбаться? Рано или поздно вам придется расслабиться. Через несколько часов вам потребуется отдых.

Если твои глаза проницательны, ты можешь видеть — прожив с человеком три часа, ты можешь увидеть его реальность. Потому что притворяться даже три часа очень трудно. Как продолжать улыбаться три часа, если никакой улыбки не исходит изнутри? Ты снова и снова забудешь, и проявится твое несчастное лицо.

На несколько мгновений ты можешь кого-то обмануть. Именно поэтому мы обманываем друг друга. Мы создаем обещание, впечатление, что мы очень счастливые люди, но это не соответствует действительности. То же самое делает и другой. Тогда каждая любовь — и каждая дружба — становится страданием.

Скрывая свое несчастье, вы не избавитесь от него — вы только создадите большие несчастья. Первое, что нужно сделать, — это с ним столкнуться. Никогда не двигайтесь (наружу), прежде чем не столкнетесь с собственной реальностью; никогда не притворяйтесь не теми, кто вы есть.

Таким путем счастье никогда не случается.

Просто будь собой. Если ты несчастен, будь несчастным. От этого не будет никакого вреда. Это сохранит тебя от множества трудностей. Конечно, никто в тебя не влюбится; ладно — это сохранит тебя от множества трудностей. Ты останешься в одиночестве, но в одиночестве нет ничего плохого. Что бы ни было — смотри ему в лицо, иди в него глубоко, вынеси на поверхность, искорени это из бессознательного, внося в сознание. Это тяжелая работа, но вознаграждение огромно. Как только ты что-то увидел, ты можешь это просто выбросить. Иначе оно существует невидимо, существует только в бессознательном, в темноте. Как только ты выносишь его на свет, оно начинает чахнуть.

Вынеси на свет весь свой ум, и ты увидишь — все, что в нем было несчастно, начинает умирать, а все, что красиво и блаженно, начинает давать ростки. В свете сознания - все, что сохраняется, хорошо, а все, что умирает, плохо. Вот мое определение греха и добродетели: грех — это то, что не может расти с осознанностью; для его роста требуется неосознанность; неосознанность — обязательное его условие. Добродетель — это то, что может расти в абсолютной осознанности; нет ни малейшего затруднения.

Каждый раз, когда я переживаю в жизни приступ несчастья в связи с окончанием отношений, наступает момент, когда я просто смеюсь над собой, чувствую, как возвращается свобода, и вижу, что все, что я сделал, — это просто перестал любить себя. Не корень ли это страдания большинства людей, или это только мой личный «заскок»?

Это не твой личный «заскок». Это корень страдания большинства людей — но не в том смысле, который придаешь ему ты. Дело не в том, что ты провалился в несчастье, потому что перестал любить себя. Дело в том, что ты создал «я», которого вообще не существует. Поэтому иногда это нереальное «я» страдает, любя других, потому что любовь невозможна, если она основана на нереальном. И это не односторонне: две нереальности, пытающиеся любить друг друга... рано или поздно такая расстановка окажется неудачной. Когда эта расстановка оказывается неудачной, ты падаешь обратно в себя — деваться больше некуда. И ты думаешь: «Я забыл любить себя».

В определенном смысле это некоторое облегчение, по крайней мере, вместо двух нереальностей ты остаешься с одной. Но чего ты добьешься, любя себя? И долго ли ты сможешь продолжать любить себя? «Я»

нереально; оно тебе не позволит смотреть на себя долгое время, потому что это опасно: если ты будешь продолжать на него смотреть долго, это так называемое «я» начнет исчезать. Это будет *реальной* свободой от того, чтобы быть несчастным. Любовь останется — не обращенная ни к кому-то другому, ни к тебе самому. Любовь останется ни к кому не обращенной, потому что обращаться не к кому, а когда есть любовь, никому не адресованная, есть и огромное блаженство.

Но это нереальное «я» не даст тебе для этого много времени. Вскоре ты снова влюбишься в кого-то другого, потому что нереальное «я» нуждается в поддержке других нереальностей. Так люди влюбляются и «разлюбляются», влюбляются и «разлюбляются» — и странно, что они это делают дюжины раз и все же не видят сути. Они несчастны, когда влюблены в кого-то другого; они несчастны, когда одни и ни в кого не влюблены, хотя и испытывают некоторое облегчение — на мгновение.

В Индии, когда человек умирает, люди кладут его тело на носилки и на плечах относят к погребальному костру. Но всю дорогу они постоянно меняются местами — с левого плеча они перекладывают носилки на правое, а через несколько минут снова меняются местами и перекладывают их с правого на левое. Когда ты перекладываешь вес с левого плеча на правое, это ощущается как некоторое облегчение. Ничего не изменилось — вес остался прежним, и он возложен на тебя, но левое плечо испытывает своего рода облегчение. Оно недолговременно, потому что вскоре заболит правое плечо, и тебе снова придется переложить ношу.

Вот что такое ваша жизнь. Вы постоянно меняете «другого», думая, что, может быть, эта женщина, этот мужчина принесут вам тот рай, которого вы всегда жаждали. Но каждый приносит только ад — без исключения! Никого не нужно за это осуждать, потому что другие делают точно то же самое, что и ты сам: несут нереальное «я», из которого ничего не растет. Оно не может расцвести. Оно пусто — украшено снаружи, но внутри пусто и поло.

Таким образом, когда вы видите кого-то издалека, он или она кажутся привлекательными. Когда вы подходите ближе, привлекательность снижается. Когда вы встречаетесь, это уже не встреча, а столкновение. И внезапно ты видишь, что другой человек пуст, и чувствуешь себя обманутым, одураченным, потому что другой не имеет ничего из того, что было обещано. И в точно такой же ситуации оказывается другой относительно тебя. Все обещания оказываются неисполненными, и вы становитесь друг для друга бременем, страданием, грустью; действуете друг на друга разрушительно. Вы расстанетесь. На короткое время это приносит облегчение, но ваша внутренняя нереальность не может оставить вас в этом состоянии надолго; вскоре вы пуститесь на поиски другой женщины, другого мужчины и попадетесь в ту же самую ловушку. У них разные

только лица; внутренняя реальность остается прежней — пустой.

Если ты действительно хочешь избавиться от страдания и перестать быть несчастным, тебе придется понять — у тебя нет никакого «я». Тогда это будет не кратковременное облегчение, но облегчение огромное. А если у тебя нет никакого «я», исчезает потребность в другом. Потребностью нереального «я» было получать энергетическое питание от другого. Теперь тебе не нужен другой.

И слушай внимательно: *когда тебе не нужен другой, ты можешь любить, и эта любовь не принесет страдания. Выйдя за пределы потребностей, требований, желаний, любовь становится способом очень мягко делиться, становится великим пониманием.* Когда ты понял себя, в тот же самый день ты понял все человечество. Тогда никто не может сделать тебя несчастным. Ты знаешь, что эти люди страдают от нереальных «я» и перекладывают собственное страдание на каждого, кто окажется поблизости.

Любовь делает тебя способным помочь человеку, которого ты любишь, избавиться от «я».

Я знаю только один подарок; любовь может подарить вам только одно — осознание, что «тебя» нет, что твое «я» было только плодом воображения. Это осознание, происходящее с двумя людьми, внезапно делает их одним целым, потому что два «ничто» не могут оставаться двумя. Два «нечто» остаются двумя; но два «ничто» не могут быть двумя. Два «ничто» начинают сливаться и сплавляться. Они неизбежно становятся одним.

Например, если мы все здесь сидим, и у каждого есть эго, тогда здесь много людей; их можно сосчитать. Но бывают моменты, когда царит полная тишина; тогда нельзя сосчитать, сколько здесь людей. Есть лишь одно сознание, одно молчание, одно ничто, одно отсутствие «я». И только в таком состоянии двое людей могут жить в вечной радости. Только в таком состоянии любая группа может жить в безмерной красоте; все человечество может жить в великом благословении.

Но попытайся увидеть «я», и ты его не найдешь. И то, что ты его не найдешь, исполнено большой важности. Я много раз рассказывал историю о Бодхидхарме и его встрече с китайским императором Ву — очень странной встрече, очень плодотворной. Император Ву был в то время, может быть, величайшим императором мира; он правил всем Китаем, Монголией, Кореей и всей остальной Азией, кроме Индии. Он стал приверженцем учений Гаутамы Будды, но люди, приносившие послание Будды, были книжными учеными. Никто из них не был мистиком. И вот пришло известие, что в Китай собирается Бодхидхарма, и вся страна с нетерпением ждала его появления. Император Ву находился под влиянием Гаутамы

Будды, а это значило, что под влиянием того же учения находилась вся его империя. Теперь должен был прийти настоящий мистик, будда. Это была такая огромная радость!

Император Ву никогда раньше не выходил на границу Китая с Индией, чтобы кого-либо встретить. С огромным уважением он приветствовал Бодхидхарму и сказал ему:

— Я спрашивал всех монахов, которые приходили раньше, но никто не мог мне помочь; я испробовал все. Как мне избавиться от этого «я»? потому что Будда говорит, что пока человек не станет «не-я», страдание не может прекратиться.

Он спрашивал искренне. Бодхидхарма посмотрел ему в глаза и сказал:

— Я остановлюсь на берегу реки, в храме у горы. Приходи завтра, ровно в четыре часа утра, и я покончу с этим «я» навсегда. Но помни, ты не должен приносить с собой никакого оружия, не приводи с собой никакой охраны; ты должен прийти один.

Ву был немного обеспокоен — этот человек такой странный! «Как он сможет так просто разрушить мое «я»? Книжные ученые говорили, что для этого требуются многие жизни медитации; лишь тогда «я» исчезает. Этот человек — какой-то чудак! И к тому же он хочет встретиться со мной в темноте, рано утром, в четыре часа, и притом хочет, чтобы я был один, даже без меча, без охраны, без всякого спутника? Этот человек кажется странным — он способен на все. И что он подразумевает под тем, чтобы покончить с «я» навсегда? Он может убить *меня*, но как он убьет это «я»?»

Всю ночь император Ву не мог уснуть. Он снова и снова передумывал — идти или не ходить? Но что-то было у Бодхидхармы в глазах, что-то было в его голосе, была какая-то авторитетная аура, когда он сказал: «Просто приходи ровно в четыре, и я покончу с этим «я» навсегда! Тебе не нужно будет об этом беспокоиться». Сказанное им казалось абсурдным, но то, как он это сказал, то, как он выглядел, было так авторитетно: он знает, что говорит. В конце концов, Ву решил пойти. Он решил рискнуть: «Самое большее, он может меня убить — что же еще? Я испробовал все. Я не могу достичь этого состояния «не-я», а без достижения этого «не-я» нет конца страданию».

Он постучал в двери храма, и Бодхидхарма сказал:

— Я знал, что ты придешь; я знал, что всю ночь ты будешь менять решение. Но это неважно — ты пришел. Теперь сядь в позу лотоса, закрой глаза, а я сяду напротив тебя. В то мгновение, когда ты найдешь внутри «я», поймай его и держи, чтобы я мог его убить. Схвати его крепко и скажи мне, что ты его поймал, и я его убью, и с ним будет покончено. Это дело нескольких минут.

Ву был немного испуган. Бодхидхарма выглядел как сумасшедший — на портретах он изображен сумасшедшим; он был не такой, но эти портреты символичны.

Наверное, именно такое впечатление он производил на людей. Это было не его настоящее лицо, но, наверное, таким его лицо запомнили люди. Он сел напротив Ву с большим посохом в руках и сказал ему:

— Не медли ни секунды. Тотчас же, как только ты его поймаешь, — обыщи внутри каждый закоулок — открой глаза и скажи мне, что поймал, и я прикончу его.

Воцарилось молчание. Прошел час, прошло два часа. В конце концов, вошло солнце, и Ву был другим человеком. За эти два часа он посмотрел внутрь себя, осмотрел каждый закоулок. Ему пришлось осмотреть все — напротив сидел этот человек; он мог ударить его посохом по голове. Можно было ожидать чего угодно, всего, Бодхидхарма не был человеком этикета, манер; он не был из числа придворных Ву. Поэтому Ву пришлось смотреть пристально, интенсивно. И он смотрел, пришел в расслабление... потому что его нигде не было! И в поисках его все мысли исчезли. Поиск был так интенсивен, что в него вошла вся энергия; не осталось ничего, чтобы думать или желать, заниматься тем или другим.

С восходом солнца Бодхидхарма увидел лицо Ву; он не был прежним человеком — такое молчание, такая глубина. Он исчез.

Бодхидхарма встряхнул его и сказал:

— Открой глаза: его нет. Мне не придется его убивать. Я не насильственный человек, и я ничего не убиваю! Но этого «я» не существует. Поскольку ты никогда его не ищешь, оно продолжает существовать. Оно существует только потому, что ты, в своей неосознанности, его не ищешь. Теперь его не стало.

Прошло два часа, и Ву был безмерно рад. Он никогда не переживал такой сладости, такой свежести, такой новизны, такой красоты. И его не было. Бодхидхарма исполнил свое обещание. Император Ву поклонился, коснулся его ног и сказал:

— Пожалуйста, прости меня за то, что я считал тебя сумасшедшим, считал, что ты не знаешь манер, что ты странный, что ты опасный. Я никогда не встречал более сострадательного человека, чем ты... Я полностью осуществлен. Теперь во мне нет никакого вопроса.

Император Ву приказал, чтобы, когда он умрет, на его могиле было золотом высечено изречение Бодхидхармы, чтобы люди много веков могли знать... «Это был человек, который выглядел как сумасшедший, но был способен творить чудеса. Ничего не сделав, он помог мне стать «не-я». И с

тех пор все переменялось. Все осталось прежним, но я не тот, что раньше, и моя жизнь стала просто чистой песней молчания».

Почему я испытываю столько боли, расставаясь с вещами, которые причиняют мне страдание?

Вещи, которые причиняют тебе страдание, должно быть, приносят тебе и некоторое удовольствие; иначе не возник бы этот вопрос. Если бы они были чистым страданием, ты отбросил бы их. Но в жизни ничего не бывает в чистом виде: все смешано со своей противоположностью. Все несет в своих недрах собственную противоположность.

То, что ты называешь страданием, — проанализируй это, вникни глубоко, и ты увидишь, что это дает тебе что-то, что тебе хочется иметь. Может быть, это еще не реальность, может быть, это только надежда, может быть, это только обещание на завтра, но ты цепляешься за страдание, цепляешься за боль в надежде, что завтра случится что-то, чего ты всегда желал и жаждал. Ты терпишь страдание в надежде на удовольствие. Если бы это страдание было чистым, невозможно было бы за него цепляться.

Просто наблюдай, будь более бдительным к своему страданию. Например, ты чувствуешь ревность. Но посмотри вокруг — наверное, в этом есть и нечто позитивное. Это также дает тебе некоторое эго, некоторое ощущение, что ты отделен от других, некоторое чувство собственного превосходства. Твоя ревность, по крайней мере, притворяется любовью. Если ты не чувствуешь ревности, то будешь думать, что, наверное, больше не любишь, и ты цепляешься за ревность, потому что тебе хочется уцепиться за любовь — по крайней мере любовь, в твоём представлении. Если твоя женщина или твой мужчина с кем-то другим, а ты совсем не испытываешь ревности, тотчас же ты начнешь беспокоиться о том, что больше не любишь. Многие века вам говорили, что влюбленные ревнивы. Ревность стала неотъемлемой составляющей вашей любви: без ревности ваша любовь умирает; только с ревностью ваша так называемая любовь может продолжать жить. Если ты хочешь сохранить свою любовь, тебе придется принять ревность и создаваемое ею страдание.

И ум очень хитер в том, чтобы находить рационализации. Он скажет: «Ревновать естественно». И это кажется естественным, потому что все остальные делают то же самое. Твой ум скажет: «Так естественно чувствовать боль, если тебя покидает возлюбленная или возлюбленный, потому что ты так любишь! Как ты можешь избежать боли, раны, когда тебя покидает любимый человек?» Фактически ты наслаждаешься и самой своей

раной, очень тонким и бессознательным образом. Рана внушает тебе идею, что ты — великий влюбленный, что ты любил так сильно, так глубоко. Твоя любовь была такой глубокой; что ты разбит вдребезги, потому что тебя покинул любимый человек. Даже если ты не разбит вдребезги, тебе придется притвориться разбитым — и ты поверишь в собственную ложь. Ты поверишь в то, что будто бы пребываешь в ужасном страдании, будешь плакать и рыдать — и твои слезы могут быть совершенно не подлинными, но, чтобы утешить себя сознанием, что ты такой великий влюбленный, тебе придется плакать и рыдать. *Просто наблюдай любого рода страдание: либо в нем содержится какое-то удовольствие, которого ты не готов лишиться, либо какая-то надежда на него, которая висит у тебя перед носом, как морковка.* Она кажется такой близкой, она прямо за углом, а ты проделал такой долгий путь, и теперь цель так близка — зачем ее отбрасывать? Ты найдешь в этом ту или иную рационализацию, то или иное лицемерие.

Несколько дней назад одна женщина мне написала, что ее покинул ее мужчина, а она не чувствует себя несчастной — и она хочет знать, что с ней не в порядке. «Почему я не чувствую себя несчастной? Может быть, я слишком жесткая, каменная? Я не чувствую никакого страдания», — написала она мне. Она несчастна, потому что не чувствует себя несчастной! Она ожидала, что будет убита горем. «Напротив, — написала она, — я могу сознаться, что чувствую себя счастливой, — и от этого мне очень грустно. Что это за любовь? Я чувствую себя счастливой, освобожденной от бремени; из моего существа словно исчез огромный груз». Она меня спрашивает: «Это нормально? Со мной все в порядке или что-то не так в самой моей основе?»

С ней все в порядке, в полном порядке. Фактически, когда влюбленные — после долгого времени вместе и всего страдания, которое неизбежно случается, когда вы вместе долгое время, — покидают друг друга, это приносит облегчение. Но сознаться, что это облегчение, было бы неприемлемо для эго. Несколько дней, по крайней мере, вам приходится ходить с унылым лицом, со слезами на глазах — поддельными, но эта идея завоевала мир.

Если кто-то умирает и вы не испытываете грусти, вы начинаете чувствовать, что с вами, безусловно, что-то не так. Как вы можете избежать грусти, если кто-то умер? — потому что нам говорили, что это естественно, нормально, а каждый хочет быть естественным и нормальным. Это не нормальное состояние — только среднестатистическое. Это не нормальное состояние, это только долго прививаемая привычка; иначе плакать и рыдать было бы не о чем. Смерть ничего не разрушает. Тело есть прах и падает в прах, а у сознания есть две возможности: если оно все еще желает, оно

будет двигаться во чрево новой матери, или, если все желания исчезли, оно будет двигаться во чрево существования, в вечность. Ничто не разрушено. Тело снова становится частью земли, возвращается в состояние покоя, а душа движется во вселенское сознание — или в другое тело.

Но вы плачете, рыдаете и много дней остаетесь грустными. Это только формальность — или, если это не формальность, очень возможно, что вы никогда не любили человека, который умер, и теперь чувствуете раскаяние. Вы никогда не любили этого человека тотально, а теперь времени больше нет. Теперь этот человек исчез, теперь он больше не доступен. Может быть, вы поссорились с мужем, и он умер той же ночью во сне — и теперь вы скажете, что плачете, потому что он умер, тогда, как на самом деле плачете потому, что даже не смогли попросить у него прощения. Вы не смогли даже проститься с ним. Теперь эта ссора вечно будет окутывать вас, как облако.

Если вы живете от мгновения к мгновению, в тотальности, тогда никогда не будет никакого раскаяния, никакого чувства вины. *Если вы любили тотально, нет никаких вопросов. Однажды любимый покидает вас, и это просто значит, что теперь ваши пути расходятся. Мы можем проститься, мы можем быть друг другу благодарны.* Мы стольким поделились, мы так любили, мы так обогатили жизни друг друга — о чем теперь плакать и рыдать, зачем чувствовать себя несчастными?

Но люди так запутаны в собственных рационализациях, что дальше их ничего не видят. Они находят рационализации для всего. Даже вещи, очевидно, очень простые, становятся очень сложными.

Ты спрашиваешь меня: *«почему я чувствую столько боли, расставаясь с вещами, которые причиняют мне страдание?»* Ты еще не убежден, что они причиняют тебе страдание. Я говорю, что они причиняют тебе страдание, но ты сам еще в этом не убежден. И суть не в том, чтобы это говорил я, — самое главное то, что понять придется тебе: «Вот вещи, которые причиняют мне страдание». И тебе придется увидеть, что в этом страдании содержатся и капиталовложения. Если ты хочешь сохранить эти капиталовложения, тебе придется научиться жить в страдании; если ты хочешь отбросить страдание, тебе придется отбросить и эти капиталовложения.

Ты не замечал? Если ты говоришь людям о своем страдании, они дают тебе сочувствие. Все сочувствуют несчастному человеку. И если ты любишь получать всеобщее сочувствие, то не сможешь отбросить страдание; это твоё капиталовложение.

Несчастный муж приходит домой, и жена становится любящей, сочувственной. Чем он несчастнее, тем более с ним заботливы дети; чем он несчастнее, тем внимательнее к нему друзья. Все о нем заботятся. В тот

момент, когда он начинает становиться счастливым, сочувствие у него, конечно, отнимут — счастливый человек не нуждается в сочувствии. Чем он счастливее, тем более находит, что никто о нем не заботится. Все вокруг словно застыли, стали замороженными. Как тебе теперь отбросить страдание?

Тебе придется отбросить это желание внимания, это желание получать от людей сочувствие. Фактически очень уродливо желать от людей сочувствия — это делает тебя нищим. И помни: сочувствие — это не любовь; люди делают тебе одолжение, выполняют своего рода долг — это не любовь. Это этикет, культура, цивилизованность, формальности — но ты живешь всеми этими фальшивыми вещами. Твое страдание реально, а то, что ты получаешь взамен, фальшиво. Конечно, если ты станешь счастливым, если отбросишь все страдания, это будет радикальной переменой в твоем образе жизни; все изменится.

Однажды ко мне пришла женщина, жена одного из самых богатых людей в Индии, и сказала:

— Я хочу медитировать, но мой муж против этого.

— Почему твой муж против медитации? — спросил я.

— Он говорит, что любит меня такой, как я есть, — сказала она. — Он говорит, что не знает, что случится после медитации. Если я начну медитировать, то обязательно изменюсь; тогда он не знает, сможет ли меня любить, потому что я буду другим человеком.

Я сказал этой женщине:

— Твой муж недалеко от истины: несомненно, многое изменится. Ты будешь более свободной, более независимой. Ты будешь более радостной, и твоему мужу придется научиться жить с новой женщиной. Может быть, такой ты ему не понравишься, может быть, он начнет чувствовать себя неполноценным. Прямо сейчас он чувствует собственное превосходство.

Я сказал этой женщине:

— Твой муж прав: прежде чем ступить на путь медитации, это нужно обдумать, потому что впереди подстерегают опасности.

Она меня не послушала; она начала медитировать. Теперь она разведена. Через несколько лет она пришла увидеться со мной и сказала:

— Ты был прав. Чем более я становилась безмолвной, тем более злился на меня муж. Он никогда не был таким насильственным — стало происходить что-то странное, — сказала она мне. — Чем более я становилась тихой и безмолвной, тем более он становился агрессивным.

На карту был поставлен весь его ум мужского шовиниста. Он хотел

разрушить покой и молчание, которые происходили с этой женщиной, чтобы продолжать чувствовать собственное превосходство. И поскольку вышло не так, как он хотел, он с ней развелся.

Это очень странный мир! Если ты становишься мирным, отношения с людьми меняются, потому что ты стал другим человеком. Если какие-то отношения основывались на страдании, эти отношения могут распасться.

У меня был один друг. Он был профессором в том же университете, что и я; он был большим социальным работником. В Индии все еще проблемой остается, - что делать с вдовами. Никто не хочет на них женить, и вдовы не настроены, выходить замуж; это кажется грехом. И, этот профессор твердо решил жениться на вдове. Его не заботило, действительно ли он любит эту женщину, — это было вторично, неважно, его интересовало только то, что она должна быть вдовой. И он убедил одну женщину, и она согласилась. Я ему сказал:

— Прежде чем прыгнуть, подумай хотя бы три дня — побудь один. Любишь ли ты эту женщину или просто выполняешь социальную работу?

Жениться на вдове в Индии считалось очень революционным поступком, чем-то радикальным.

— Не пытаешься ли ты просто доказать свою революционность? Если ты пытаешься показать себя революционером, тебя ждут неприятности — в тот момент, когда ты женишься, она перестанет быть вдовой, и весь интерес исчезнет.

Он меня не послушал. Он женился... И через шесть месяцев он мне сказал:

— Ты был прав, — он плакал. — Я не мог увидеть главного: я был влюблен в ее вдовство, не в нее саму, и теперь, конечно, она больше не вдова.

И я сказал:

— Теперь тебе остается только покончить с собой, чтобы она снова стала вдовой и дала кому-то другому шанс стать революционером! Что еще тебе делать?

Ум человека так глуп, так бессознателен. Он так крепко спит, он храпит.

Ты не можешь расстаться с вещами, причиняющими тебе страдание, потому что ты еще не увидел капиталовложений, еще не смотрел в них глубоко. Ты еще не видел, что извлекаешь из своего страдания некоторое удовольствие. Тебе придется отбросить то и другое — тогда никаких проблем нет. Фактически страдание и удовольствие можно отбросить только одновременно. И то, что возникает тогда, — блаженство.

Блаженство — это не удовольствие. Блаженство — это даже не счастье. Счастье всегда сковано с несчастьем. Удовольствие — с болью. Отбросить то и другое... Ты хочешь отбросить страдание, чтобы быть счастливым, это абсолютно неправильный подход. Тебе придется отбросить то и другое. Видя, что они идут рука об руку, человек их отбрасывает; нельзя отбросить одну часть без другой.

В жизни все составляет одно органическое единство. Боль и удовольствие — не две разные вещи. На самом деле, если мы сделаем язык более научным, то отбросим эти два слова: боль и удовольствие. Мы сделаем из них одно: болеудовольствие, счастьестрадание, дененочь, жизнесмерть. Все эти слова должны писаться слитно, потому что они неразделимы. А ты хочешь выбрать одну из частей: ты хочешь только розы без шипов, ты хочешь только день без ночи, ты хочешь только любовь без ненависти. Этого не получится — это не в природе вещей. Тебе придется отбросить то и другое, и тогда возникнет совершенно другой мир: мир блаженства.

Блаженство — это абсолютный мир, не тревожимый ни болью, ни удовольствием.

Чтобы отпраздновать свой сорокалетний юбилей, Сеймур и Роза вернулись в тот же гостиничный номер на втором этаже, где провели свой медовый месяц. — Теперь, — сказал Сеймур, — точно как в ту ночь, давай разденемся, отойдем в противоположные углы комнаты, выключим свет и с разбегу бросимся друг другу в объятия.

Они разделись, разошлись в противоположные углы, выключили свет и побежали друг к другу. Но сорок лет притупили их чувство направления, и Сеймур промахнулся мимо Розы и вылетел прямо в окно. Словно в тумане, он приземлился на лужайке. Сеймур постучал пальцем по стеклу холла, чтобы привлечь внимание служащего.

— Я упал сверху, — сказал он. — Я голый, и мне нужно вернуться обратно в комнату.

— Ничего страшного, — сказал служащий. — Вас никто не увидит.

— Вы что, с ума сошли? Мне нужно будет пройти через холл, а я совершенно голый!

— Никто вас не увидит, — повторил служащий. — Все ушли наверх и пытаются там вытащить какую-то пожилую даму из замочной скважины!

Люди так глупы. Не только те, кто молод, — чем старше вы становитесь,

тем делаетесь глупее. Чем больше у вас появляется жизненного опыта, тем больше, кажется, вы собираете из своей жизни глупости. Действительно, редко бывает так, что человек начинает смотреть, наблюдать собственную жизнь и жизненные образцы.

Увидь, что такое твое страдание, какие желания его вызывают, и почему ты цепляешься за эти желания. И ты цепляешься за них не впервые; это было образцом всей твоей жизни, и ты ни к чему не пришел. Ты продолжаешь двигаться по кругу, ты никогда не приходишь ни к какому настоящему росту. Ты остаешься инфантильным, глупым. Ты был рожден с разумом, способным сделать тебя буддой, но он был растрочен на ненужные вещи.

Фермер, у которого было только два старых недееспособных быка, купил нового, молодого, полного сил быка. Тут же животное принялось взбираться на одну корову за другой на пастбище. Пронаблюдав это в течение часа, один из древних быков стал бить копытом землю и всхрапывать.

— Что случилось? — спросил его другой бык. — Молодость вспомнил?

— Нет, — ответил первый бык. — Просто я не хочу, чтобы этот юнец принял меня за одну из коров.

Даже в старости люди продолжают нести эго. Они вынуждены притворяться, принимать позы, и вся их жизнь — не более чем долгая история несчастья. Все же они защищают ее. Вместо того чтобы приготовиться ее изменить, они начинают усиленно ее защищать.

Отбрось все защиты, отбрось всю броню. Начни наблюдать, как ты живешь из дня в день, из мгновения в мгновение. И во всем, что ты делаешь, вдавайся во все подробности. Не нужно ходить к психоаналитику, ты можешь проанализировать каждый образец в своей жизни сам — это такой простой процесс! Просто наблюдай, и ты сможешь увидеть, что происходит, что происходило раньше. Ты выбирал, и это было проблемой — выбирал одну часть вопреки другой, тогда как они бывают только вместе. Не выбирай вовсе. Просто наблюдай, и осознавай не выбирая, и ты найдешь, что оказался в раю.

Должен ли человек сначала освоиться с ощущением, что ему одиноко, прежде чем двигаться в отношения?

Да, тебе придется прийти к ощущению, что тебе одиноко, и настолько,

чтобы оно превратилось в чувство одиночества. Лишь тогда ты сможешь двигаться в глубокие, обогащающие отношения. Лишь тогда ты сможешь двигаться в любовь. Что я подразумеваю, когда говорю, что человек должен освоиться с ощущением, что ему одиноко, настолько, чтобы оно превратилось в чувство одиночества?

Ощущение, что тебе одиноко, — это негативное состояние ума. Чувство одиночества — позитивно, невзирая на все то, что говорится в словарях. В словарях ощущение, что человеку одиноко, и его чувство одиночества синонимичны — в жизни это не так. Первое — это состояние ума, в котором тебе постоянно недостает другого. Второе — это состояние ума, когда ты постоянно радуешься самому себе. Первое несчастно. Второе блаженно. Первое всегда обеспокоено, в нем чего-то недостает, оно чего-то жаждет, желает. Второе — это глубокая осуществленность, не устремленная наружу, безмерно удовлетворенная, счастливая, празднующая. В чувстве одиночества ты укоренен и центрирован. Чувство одиночества красиво. Его окутывает некая элегантность, изящество, климат безмерной удовлетворенности. Ощущение, что тебе одиноко, пристало нищему; с какой стороны ни взгляни, это не более чем прошение подаяния. Его не окружает никакого изящества; по сути, оно уродливо. Ощущение, что тебе одиноко, — это зависимость; чувство одиночества — это независимость. Человек чувствует себя так, словно он сам в себе целый мир, целое существование.

И если ты движешься в отношения, когда ощущаешь, что тебе одиноко, ты станешь эксплуатировать другого. Другой превратится в средство, чтобы тебя удовлетворить. Ты будешь пользоваться другим, а никому не нравится быть использованным, потому что никто не предназначен для того, чтобы быть для кого-то другим средством. Каждое человеческое существо есть цель в самом или самой себе. Никто не предназначен для того, чтобы использоваться как вещь, каждый предназначен для того, чтобы ему поклонялись, как королю. Никто не предназначен для того, чтобы исполнять чьи-то чужие ожидания, каждый предназначен для того, чтобы просто быть самим собой, самой собой. Таким образом, каждый раз, когда ты движешься в отношения, исходя из того, что тебе одиноко, эти отношения уже обречены, пойти ко дну. Они мертворожденные. Они принесут тебе только больше страдания. И помни: когда тобой движет ощущение, что тебе одиноко, ты попадешь в отношения с кем-то, находящимся в таком же положении, потому что никого, по-настоящему проживающего или проживающую собственное одиночество, ты не привлечешь. Ты будешь гораздо ниже их. Самое большее, они смогут тебе сочувствовать, но не смогут тебя любить. Человека, находящегося в кульминации чувства одиночества, может привлечь лишь тот, кто тоже один. Поэтому каждый

раз, исходя из того, что тебе одиноко, ты будешь находить людей одного и того же типа; в том или ином человеке ты найдешь собственное отражение. Встретятся двое нищих, встретятся двое несчастных. И помни — когда встречаются двое несчастных, происходит не просто сложение, два несчастья перемножаются. Совместно они создают друг другу намного больше страдания, чем смогли бы создать порознь, ощущая, что им одиноко.

Сначала обрети чувство одиночества. Сначала начни наслаждаться самим собой, сначала люби себя. Сначала стань так подлинно счастливым, чтобы неважно было, кто стучит к тебе в двери. Ты полон и переполнен. Если в двери никто не стучит, все в порядке — у тебя нет ощущения, что тебе чего-то недостает. Ты не ждешь, чтобы кто-то постучал к тебе в двери. Ты дома — если кто-то придет, хорошо, чудесно. Если не придет никто, это также хорошо и чудесно. *Тогда двигайся в отношения.*

Теперь ты движешься как мастер, не как нищий. Теперь ты движешься как император, не как нищий.

Двое людей, которым одиноко, всегда обращены лицом друг к другу, всегда противостоят друг другу. Двое людей, познавших чувство одиночества, вместе обращают лица к чему-то высшему, чем они сами. Я всегда привожу этот пример: двое обычных влюбленных, каждому из которых одиноко, всегда обращены лицом друг к другу; двое настоящих влюбленных в ночь полнолуния не окажутся лицом к лицу. Может быть, они возьмутся за руки, но они обратятся лицами и сами, полной луне высоко в небе.

Они не будут обращены лицом друг к другу, они вместе обратятся лицами к чему-то высшему. Иногда они станут вместе слушать симфонию Моцарта или Бетховена, или Вагнера. Иногда они сядут под деревом и будут наслаждаться тем, как их обволакивает поразительное существо дерева. Иногда, может быть, они сядут у водопада и будут слушать дикую музыку, которую он непрестанно создает. Иногда у океана оба будут смотреть за горизонт, насколько хватает глаз. Каждый раз, когда встречаются двое людей, которым одиноко, они смотрят друг на друга, потому что постоянно ищут способы и средства, чтобы друг друга эксплуатировать — использовать другого, стать счастливым при помощи другого. Но двое людей, глубоко удовлетворенных в самих себе, не пытаются друг друга использовать. Скорее они становятся собратями по путешествию; они движутся в паломничество. Цель высока, цель далека. Общий интерес связывает их вместе.

Обычно общим интересом является секс. *Секс может соединить двух людей мгновенно, но небрежно и очень поверхностно. Настоящие влюбленные разделяют более значительный общий интерес.* И не то что при

этом не будет секса; он может быть, но остается частью высшей гармонии. Слушая симфонию Моцарта или Бетховена, может быть, они так близки, что могут заниматься друг с другом любовью, но это остается внутри большей гармонии симфонии Бетховена. Симфония была настоящей сутью; любовь случается как ее часть. И когда любовь случается как часть высшей гармонии, в ней есть совершенно иное качество. Она — божественная, она больше не человеческая.

Английское слово «счастье», *happiness*, происходит от скандинавского слова *hap*. Слово «событие», *happening*, происходит от того же корня. Счастье — это то, что сбывается. Вы не можете его произвести, не можете им командовать, не можете его вынудить. Самое большее, вы можете быть для него доступными. Когда бы оно ни сбылось, оно сбывается.

Двое настоящих влюбленных всегда доступны, но никогда не думают о счастье, не пытаются найти счастье. Поэтому они никогда не разочаровываются — потому что, если что-то должно случиться, оно случится. Они создают нужную ситуацию — по сути, если вы счастливы с собой, то уже находитесь в этой ситуации, и если другой или другая тоже счастливы с собой, он или она также находится в этой ситуации. Когда две эти ситуации сближаются, создается большая, чем две первых. В этой большей ситуации сбывается многое — и не делается ничего.

Человеку ничего не нужно делать, чтобы быть счастливым. Человеку нужно только начать струиться и расслабить сжатые кулаки.

Вопрос был следующий: *«Должен ли человек сначала освоиться с собственным ощущением, что ему одиноко, прежде чем двигаться в отношения?»* Да — абсолютное да. Должно быть так, иначе ты будешь разочарован, и под названием любви произойдет что-то другое, бесконечно далекое от любви.

Неужели действительно ничего больше не бывает? Моя жизнь кажется такой бессмысленной и пустой. Я все думаю, что должно же быть нечто большее. Я хочу, чтобы было нечто большее.

Есть нечто безмерно большее, но твое «хотение» становится преградой к его достижению. Желание окружает тебя, словно стеной: нежелание становится дверью. Это один из самых парадоксальных, но и самых основополагающих законов жизни: желай — и ты упустишь, не желай — и все твое.

Иисус говорит: ищите и обретете. Будда говорит: не ищите, чтобы не упустить. Иисус говорит: просите, и будет вам дано. Будда говорит: не

просите, иначе вам не будет дано никогда. Иисус говорит: стучите, и двери откроются. Будда говорит: ждите... смотрите... двери совсем не закрыты. Если вы станете стучать, сам этот стук покажет, что стучат не в двери — в стену, потому что двери всегда открыты.

Иисус настолько же просветлен, что и Будда, — потому что не может быть речи о большем или меньшем просветлении. Откуда тогда эта разница? Разница исходит от людей, к которым обращается Иисус. Он говорит с людьми непосвященными, непосвященными в таинства жизни. Будда говорит с группой совершенно другого рода — с посвященными, с адептами, с теми, кто умеет понимать парадоксальное. Парадоксальное означает таинственное. Ты говоришь: *«Моя жизнь кажется такой бессмысленной и пустой...»* Она кажется такой бессмысленной и пустой, потому что ты постоянно жаждешь большего. Отбрось эту жажду, и тогда ты претерпишь радикальное преобразование. Пустота исчезает тотчас же, когда ты прекращаешь просить большего. Пустота приходит как побочное следствие, когда ты просишь большего, следует тенью за желанием большего. Пусть желание исчезнет, и тогда оглянись — тени больше нет.

Именно в требовании большего и состоит наш ум — в постоянном требовании большего. Вне зависимости от того, много ли у тебя есть, ум снова попросит большего. И поскольку он продолжает просить большего, ты продолжаешь чувствовать себя пустым, чувствовать, что многое упускаешь. Увидь суть: эта пустота создается желанием большего. Этой пустоты нет, она лишь кажущаяся, но выглядит вполне реальной, когда ты пойман в сеть желания.

Увидь, что желание является причиной твоей пустоты. Наблюдай свое желание, и в наблюдении оно исчезает — и вместе с ним исчезает пустота. Тогда наступает глубокая осуществленность. Ты чувствуешь такую наполненность, что словно начинаешь переливаться через край. У тебя есть так много, что ты начинаешь делиться, начинаешь отдавать — отдавать из сущей радости; отдавать, без всякой другой причины. Ты становишься, как облако, полное дождя: оно должно где-то излиться. Он прольет дождь даже на скалы, где ничего не растет; оно прольет дождь без условий. Оно не станет спрашивать, подходящее ли это место, чтобы излиться. Оно так обременено дождевой водой, что *должно* излиться, чтобы освободиться от бремени.

Когда желание исчезает, ты так полон блаженства, так полон удовлетворенности, так полон *наполненности*, что начинаешь делиться. Это случается само собой. И тогда в жизни есть смысл, есть значение. Тогда есть поэзия, красота, изящество. Тогда есть музыка, гармония — твоя жизнь становится танцем.

Эти пустота и бессмысленность — твое собственное действие, и ты можешь это исправить. Ты говоришь: *«Я все думаю, что должно же быть нечто большее»*. Именно это и создает трудности. И я не говорю, что ничего большего нет, большее есть — безмерно большее, чем ты вообще можешь вообразить. Я это видел, я это слышал, я это пережил — есть бесконечно большее! Но ты никогда не соприкоснешься с ним, если продолжается желание. Желание — это стена, не-желание — мост. Блаженство — это состояние не-желания, страдание — состояние желания.

Ты говоришь: *«Я хочу, чтобы было нечто большее»*. Чем больше ты этого хочешь, тем более будешь упускать. Выбор за тобой. Если хочешь оставаться несчастным, желай больше, больше и больше, и ты будешь больше и больше упускать. Это твой выбор, помни, это твоя ответственность. Никто тебя не принуждает. Если ты действительно хочешь видеть то, что есть, не жажди будущего, не жажди большего. Просто видь то, что есть.

Ум постоянно просит, желает, требует и создает разочарование, потому что живет ожиданиями. Весь мир страдает от чувства бессмысленности, и причина в том, что человек просит большего, чем просил когда-либо раньше. Впервые человек желает большего, чем когда-либо желал. Наука дала ему столько надежд, столько поддержки, чтобы желать большего. В начале двадцатого века весь мир был полон огромного оптимизма, потому что наука раскрывала новые двери, и все думали: «Наступил золотой век, стоит лишь завернуть за угол. Мы его достигли. Уже при нашей жизни мы увидим, что рай снизошел на землю». Естественно, каждый стал желать большего, большего и большего.

Рай не снизошел на землю. Напротив, земля стала адом. Наука спустила с цепи желание, поддержала ваши желания. Она поддержала ваши надежды, что эти желания могут быть исполнены. И результатом явилось то, что весь мир живет в глубоко несчастном состоянии. Никогда раньше он таким не был. Это очень странно, потому что впервые у человека в распоряжении оказалось большее, чем когда бы то ни было. Впервые у человека стало больше безопасности, защищенности, больше научных технологий, больше комфорта, чем когда бы то ни было. Но стало также и больше бессмысленности. Человек никогда еще не был в таком отчаянии, в таком отчаянном усилии получить большее.

Наука дает вам желание; медитация дает вам прозрение в желание. Это прозрение помогает отбросить желание. И тогда внезапно то, что до сих пор было скрытым, становится явным, становится проявленным. Что-то бьет ключом у тебя в существе, и все, что ты только желал, осуществлено... все и более. Доступно большее, чем то, что ты только мог себе представить, чем то, что кто угодно может себе представить. На тебя нисходит

невообразимое. Но подготовь почву. Подготовь подходящую почву. Нежелание — так называется эта подходящая почва.

Просто будь в восприимчивом настроении. Ты агрессивен — ты хочешь большего, и это тонкая агрессия. Будь восприимчивым, открытым, доступным... и тогда тебя ждут все возможные чудеса.

Я чувствую себя, словно в западне. Разочарование, скука - только усиливаются, когда я думаю, что все, что только в моих силах, — лишь бессмысленная лихорадка. Что такое в точности скука?

Скука — одна из важнейших вещей в человеческой жизни. Только человек способен к скуке; ни одно другое животное не способно испытывать скуку. Скука существует, только когда ум начинает подходить ближе и ближе к просветлению. Скука — это только полярная противоположность просветления. Животные не могут стать просветленными, а следовательно, не могут испытывать и скуку.

Скука просто показывает, что ты начинаешь осознавать тщетность жизни, ее постоянно повторяющееся колесо. Ты делал все эти вещи раньше — ничего не выходит. Во все эти путешествия ты уже раньше отправлялся — они ни к чему не привели. Скука — это первый показатель, что в тебе возникает великое понимание тщетности, бессмысленности жизни и ее путей.

Откликаться на скуку ты можешь двумя путями. Первый — то, что делают обычные люди, — бежать от нее, не смотреть ей в глаза, не сталкиваться с ней. Держаться от нее подальше, убегать; избегать, занимая себя вещами, которые могут тебя отвлечь, которые могут стать одержимостями; которые уведут тебя так далеко от реалий жизни, что ты никогда больше не увидишь, что возникает скука.

Именно поэтому люди изобрели алкоголь, наркотики. Это способы бегства от скуки. Но бежать не так легко; бежать можно лишь на время. Снова и снова скука будет возвращаться, и от раза к разу ее голос будет становиться громче и громче. Ты можешь бежать в секс, в то, чтобы слишком много есть, в музыку — в тысячу и одну разновидность вещей. Но снова и снова будет возникать скука. Это не что-то, чего следует избегать; это часть человеческого роста. С ней нужно столкнуться лицом к лицу.

Другой отклик — это столкнуться с ней, медитировать на нее, быть с ней, быть ею. Именно это делал Будда под деревом бодхи, именно это веками делали все люди дзэн.

Что такое в точности медитация? Обращение лицом к скуке. Что непрерывно делает медитирующий? Сидя в молчании, смотря на свой пупок или наблюдая за дыханием... — думаешь ли ты, что все эти вещи *его* развлекают? Ему невообразимо скучно! Именно поэтому дзэнский мастер ходит с палкой в руках — потому что эти люди неизбежно заснут. Других исходов нет, и остается единственный способ: стукнуть их палкой, - по крайней мере, они не смогут уснуть. Они не могут бежать. Они сами, по собственной воле, приняли на себя дзэнское обучение и дисциплину — они не могут бежать. Но один способ бегства доступен всегда: ты можешь заснуть, и тогда ты забываешь обо всем. Именно поэтому в медитации всем хочется спать.

Вот все усилие медитации: погрузиться в скуку, но не бежать от нее; и оставаться бдительным, потому что, если ты уснешь, значит, ты бежал. Оставайся бдительным! Наблюдай ее, свидетельствуй ее. Если скука есть, значит, она есть. В нее нужно будет заглянуть — до самой ее сердцевины.

Если ты будешь продолжать смотреть в глубь скуки, не пытаясь бежать, однажды приходит взрыв. Однажды, внезапно, глубоко глядя в скуку, ты проникаешь в собственное ничто. Скука была лишь прикрытием, вместилищем, в котором содержалось твое внутреннее ничто. Если ты бежишь от скуки, ты бежишь от собственного ничто. Если ты не бежишь от скуки, если ты начинаешь с ней жить, начинаешь ее принимать, приветствовать... Именно в этом и состоит вся медитация: приветствовать скуку, войти в нее по собственной воле; не дожидаться, чтобы она пришла сама, но отправиться на ее поиски.

Сидя часами в позе йоги, просто наблюдая свое дыхание, человек приходит в полнейшую скуку. И вся тренировка медитации такова, что она помогает скуке. В дзэнском монастыре ты должен вставать утром каждый день в одно и то же время — каждый день, год за годом. Неважно, лето или зима. Ты должен вставать рано, в три часа, и принимать ванну. Ты должен выпить чаю и сидеть... Одни и те же позы следуют снова и снова. И целый день также полон установленного раз и навсегда распорядка: ты завтракаешь в определенное время, потом снова медитируешь, потом снова в определенное время принимаешь пищу — и пища остается прежней! Все помогает скуке.

Одна и та же одежда, один и тот же монастырь, и вокруг ходит со своей палкой каждый день один и тот же мастер. Каждый день вечером ты приходишь на занятие с мастером. И вопросы, которые даются для медитации, такие скучные: «Что такое звук хлопка одной ладони?» Только подумай об этом — это сведет тебя с ума! Что такое звук хлопка одной ладони? На это нет ответа, и ты это знаешь; все знают, что на это нет ответа. А мастер продолжает настаивать: «Продолжай повторять, продолжай на это

медитировать».

И все хорошо организовано. Должна быть создана скука — безмерная, невообразимая. И эту скуку нужно позволить как можно более тотально, нужно ей помочь, всесторонне поддержать. Один и тот же вечер, одна и та же работа, одно и то же пение мантры. В одно и то же время ты снова засыпаешь... и это продолжается без конца, словно колесо. Через несколько дней ты приходишь в полнейшую скуку, и бежать от нее ты не можешь. Способа бегства нет. Ты не можешь пойти в кино, не можешь смотреть телевизор; не можешь получить ничего такого, что могло бы тебе помочь, ее избежать. Тебя снова и снова в нее отбрасывает.

Чтобы столкнуться с ней, нужна огромная храбрость. Это почти как смерть; фактически это гораздо труднее смерти, потому что смерть наступает, когда ты теряешь сознание. А здесь ты бредишь все возможные виды скуки. Что происходит? В этом секрет всех медитаций: если ты продолжаешь наблюдать, наблюдать, наблюдать, скука становится больше и больше, более и более интенсивной, и затем — кульминация. Ничто не может продолжаться вечно — приходит момент, когда колесо поворачивается. Если ты можешь дойти до самой этой крайности, до самой кульминации, тогда случается перемена, трансформация — просветление, сатори или назови это как тебе угодно. Однажды приходит день, когда внезапно скуки становится слишком много. Она тебя душит, она тебя почти убивает. Тебя окружает океан скуки. Она затапливает тебя, и кажется, нет никакого способа от нее бежать. Сама эта интенсивность и тотальность... — и колесо поворачивается. Внезапно скука исчезает, и приходит *сатори*, самадхи. Ты вошел в свое *ничто*.

Теперь скуки больше не будет. Ты увидел саму природу *ничто* жизни. Ты исчез — кому испытывать скуку? Что ее вызовет? Ты больше не существуешь. Ты уничтожен.

Ты спрашиваешь: «*Что такое в точности скука?*» Великое духовное явление. Именно поэтому буйволы не испытывают скуки; они выглядят совершенно счастливыми и радостными. Скуку испытывает только человек. И даже среди людей — лишь те, кто очень талантлив и разумен. Глупые люди не испытывают скуки. Они вполне довольны своей работой, зарабатыванием денег, созданием счета в банке, довольны тем, чтобы выращивать детей, воспроизводиться, есть, сидеть в кинотеатре, ходить в рестораны, участвовать в том-то или том-то. Они наслаждаются! Они не испытывают скуки. Это тип людей с самым низким уровнем развития; они по существу, принадлежат к миру буйволов. Они еще не человеческие существа.

Человек становится человеком, когда начинает испытывать скуку. Ты

можешь это видеть: самый разумный ребенок будет и самым скучающим — потому что ничто надолго не удерживает его интереса. Рано или поздно он наталкивается на этот факт и спрашивает: «А что теперь? Что дальше? Это закончено. Я видел эту игрушку, я в нее заглянул, я ее открыл, я ее проанализировал, теперь с ней покончено — что дальше?» К тому времени, как он становится молодым человеком, ему уже скучно.

Будда испытывал невообразимую скуку. Он покинул свое королевство, когда ему было только двадцать девять лет, на вершине молодости. Ему было невероятно скучно — ему были скучны женщины, вино, богатство, королевство, все. Он увидел все, и увидел ясно и насквозь. Ему было скучно. Он отрекся от мира не потому, что мир был неправильным, помните. Традиция говорит, что он отрекся от мира, потому что мир был плохой, — это абсолютная ерунда. Он отрекся от мира, потому что он ему наскучил.

Он не плохой, как и не хороший. Если ты разумен, он скучен. Если ты глуп, то можешь продолжать. Тогда карусель вертится; ты движешься от одного ощущения к другому. Тебя интересуют банальности, и ты продолжаешь повторяться, и ты недостаточно сознателен, чтобы увидеть это повторение, — ты не можешь видеть, что вчера уже это делал, и сегодня также, и предполагаешь делать то же самое и завтра. Ты должен быть действительно разумным. Как может разум избежать скуки? Это невозможно. Разум означает: видение вещей такими, какие они есть.

Будда покинул мир из скуки; придя в предельную скуку, он бежал от мира. И что он делал все эти шесть лет, сидя во всех этих лесах? Приходил в большую и большую скуку. Что еще можно делать, сидя под деревом? — наблюдая дыхание, смотря на свой пупок, день за днем, год за годом... Он создал скуку и довел ее до самой кульминации, и однажды она исчезла. Она исчезает сама собой.

Если ты достигнешь этой кульминации... приходит поворот. Он приходит! И с этим переломом прилива, в твое существо входит свет — ты исчезаешь, остается лишь свет. И со светом приходит восторг. Ты полон Радости — хотя тебя и *нет*, но ты полон радости, совершенно беспричинной радости. Радость просто искрится и пенится в твоём существе.

Обычный человек испытывает радость по какой-то причине — он влюбился в новую женщину или в нового мужчину, и он или она - радостны. Их радость преходяща. Завтра им надоест эта женщина или мужчина, и они начнут искать других. Обычный человек радуется, потому что у него новая машина; завтра ему придется искать новую машину. И так продолжается без конца... и он никогда не видит сути этого: что всегда, в конце концов, ему становится скучно. Делай что угодно — в конце концов,

тебе станет скучно, каждое действие приносит скуку. Разумный человек это видит. Чем скорее ты это видишь, тем больше проявляешь разума.

Что же тогда остается? Тогда остается только скука, и человеку следует на нее медитировать. Нет способа от нее бежать. Значит, войди в нее, посмотри, куда она ведет. И если ты сможешь продолжать это делать, она приведет тебя к просветлению.

Только человек способен к скуке, и только человек способен к просветлению.

Не мог бы ты что-нибудь сказать о проблеме наркотиков? Почему люди вовлекаются в принятие наркотиков?

В этом нет ничего нового, это старо, как сам человек. Никогда не было времени, когда бы человек, не искал способа бегства. Самая древняя в мире книга — Ригведа, и она полна описаний принятия наркотика. Этот наркотик называется *сомой*.

С тех древних времен все религии пытались сделать так, чтобы люди не использовали наркотики. Все правительства всегда были против наркотиков. И все же наркотики оказались сильнее правительств и религии, потому что никто не рассматривал саму психологию принимающего наркотик. Человек несчастен. Он живет в тревоге, внутренней боли и разочаровании. Кажется, кроме наркотиков, никакого выхода нет.

Единственный способ предотвратить использование наркотиков — это сделать людей радостными, счастливыми, блаженными.

Я также против использования наркотиков, и по той простой причине, что они помогают вам на время забыть свое несчастье. Они не готовят вас к тому, чтобы бороться с несчастьем и страданием; скорее они вас ослабляют.

Но причины, по которым против наркотиков правительства и религии, — совершенно другие. Они хотят, чтобы люди оставались несчастными и разочарованными, потому что те, кто страдает, никогда не бунтуют; они испытывают мучения в собственных существах, они разваливаются на части. Они не могут вообразить лучшего общества, лучшей культуры, лучшего человеческого существа. Из-за этого страдания каждый может стать легкой добычей священников, потому что они его утешат, они ему скажут: «Блаженны бедные, блаженны кроткие, блаженны те, кто страдает, потому что они унаследуют царство Божье».

Страдающее человечество находится также в руках политиков, потому что страдающее человечество нуждается в какой-то надежде — надежде на

бесклассовое общество когда-нибудь в будущем, в надежде на общество, в котором не будет бедности, голода, несчастья. Говоря коротко, людям удастся справиться со страданием и терпеливо его выносить, если на горизонте впереди их манит утопия. И вы должны отметить смысл слова *утопия*. Оно означает: то, что никогда не происходит. Это точно как горизонт; он так близко, что вам кажется, что вы можете побежать и достичь места, где земля встречается с небом. Но вы можете продолжать бежать всю жизнь и никогда не достигнете этого места, потому что такого места нет. Это галлюцинация.

Политик живет обещаниями, священник живет обещаниями. За последние десять тысяч лет никто еще не доставил обещанных товаров. Причина того, что они против наркотиков, в том, что наркотики разрушают весь их бизнес. Если люди станут принимать опиум, гашиш, то им не будет дела до коммунизма, им не будет дела до того, что случится завтра; им не будет дела до жизни после смерти, им не будет дела до Бога, рая. Они будут осуществлены в этот момент.

В этом отличаются мои причины. Я также против наркотиков, но не потому, что они обрубают корни религий и политиков, а потому, что они разрушают ваш внутренний рост в направлении духовности. Они мешают вам достичь земли обетованной. Вы остаетесь блуждающими среди галлюцинаций, тогда как способны достичь реального. Наркотики дают вам в руки игрушку.

Но поскольку наркотики никогда не исчезнут, я хотел бы, чтобы каждое правительство, каждая научная лаборатория очищала наркотики, делала их более здоровыми, лишёнными побочных эффектов, что теперь стало возможным. Мы можем создать такой наркотик, как тот, что Олдос Хаксли, в память Ригведы, назвал «сомой», — который будет лишен вредных побочных эффектов, который не будет вызывать привыкания, который будет радостью, счастьем, танцем, песней.

Если мы не можем сделать возможным, чтобы каждый стал Гаутамай Буддой, мы не имеем никакого права мешать людям испытывать, по крайней мере, иллюзорные проблески эстетического состояния, которое, должно быть, переживал Гаутама Будда. Может быть, эти небольшие проблески приведут этого человека к дальнейшему исследованию. Рано или поздно наркотик ему надоеет, потому что будет повторять снова и снова одну и ту же сцену. Какой бы прекрасной ни была сцена, повторение делает ее скучной.

Поэтому, во-первых, очистите наркотики от вредных побочных эффектов. Во-вторых, позвольте наслаждаться людям, которые хотят наслаждаться. Это им надоеет. И тогда единственным путем для них будет

искать какой-то метод медитации, чтобы найти предельное блаженство.

Этот вопрос в основном касается молодых людей. Промежуток между поколениями — это новейшее явление мира; раньше его никогда не существовало. В прошлом дети с шести, семи лет начинали руками и умом помогать отцам в их традиционных профессиях. К тому времени, как им исполнялось четырнадцать лет, они владели ремеслом, работали, были женаты, имели обязанности. К тому времени, как им было двадцать или двадцать пять лет, у них уже были собственные дети, поэтому промежуток между поколениями никогда не возникало. Каждое поколение пересекалось со следующим.

Впервые в истории человечества возник промежуток между поколениями. Он имеет огромную важность. Теперь впервые до возраста двадцати пяти или двадцати шести лет, когда вы возвращаетесь из университета, у вас нет никаких обязанностей — никаких детей, никаких забот, и в вашем распоряжении весь мир, чтобы о нем мечтать. Как его улучшить, как сделать его богаче, как создать расу гениев. Это годы между четырнадцатью и двадцатью четырьмя годами, когда человек остается мечтателем, потому что в нем созревает сексуальность, а вместе с сексуальностью созревают мечтания. Сексуальность человека подавляется школами и колледжами, и вся энергия молодого человека доступна для мечтаний. Он становится коммунистом, он становится социалистом, он становится фабианцем или еще кем угодно. И это время, когда он начинает ощущать разочарование, потому что мир действует совершенно не так. Бюрократия, правительство, политики, общество, религия... не похоже, что ему удастся воплотить свои мечты в реальность. Он возвращается домой из университета, полный идей, и каждой из этих идей предстоит быть раздавленной обществом. Вскоре он забывает о новом человеческом существе и новой эре. Он не может даже найти работу, не может прокормить себя. Как он может думать о бесклассовом обществе, где не будет богатых и бедных?

В этот момент он обращается к наркотикам. Они дают ему временное облегчение; но вскоре ты находишь, что тебе приходится повышать дозу. И в том виде, какие они сейчас, они очень разрушительны для тела, для мозга; вскоре ты становишься абсолютно беспомощным. Ты не можешь жить без наркотиков, а с наркотиками в жизни не остается пространства для тебя самого.

Но я не говорю, что за это ответственны молодые люди. Сажать их в тюрьмы и наказывать — сущая глупость. Они не преступники, они жертвы.

Моя идея состоит в том, что образование должно быть разделено на две части: одна — интеллектуальная, а другая — практическая. С самого начала

ребенок идет в школу не просто, чтобы научиться *трём R¹*, но также и учиться что-то создавать — какое-то ремесло, какой-то навык. Половина времени должна отводиться на интеллектуальные упражнения, а половина даваться на реальные жизненные потребности; это поддержало бы равновесие. К тому времени, как он выходит из университета, он не будет утопистом и не будет нуждаться в том, чтобы другие предоставили ему работу. Он сможет создавать вещи сам.

И для студентов, которые чувствуют любого рода разочарование, с самого начала все должно измениться. Если они разочарованы, может быть, они изучают не то, что им нужно. Может быть, кто-то хотел быть столяром, а вы его заставляете быть доктором; кто-то хочет быть садовником, а вы делаете его инженером.

Потребуется огромное психологическое понимание, чтобы каждого ребенка посылали в том направлении, где он чему-то научится. И в каждой школе, в каждом колледже, в каждом университете, по крайней мере, час медитации должен быть обязательным для всех, чтобы каждый раз, когда человек чувствует себя разочарованным и подавленным, у него было пространство внутри, куда он может двигаться, чтобы тотчас же избавиться от депрессии и разочарования. Ему не нужно обращаться к наркотикам. Ответом станет медитация.

Но вместо того, чтобы делать все это, люди, находящиеся у власти, продолжают делать идиотические вещи — запреты, наказания. Они знают, что десять тысяч лет мы запрещали и не добились никакого успеха. Если запретить алкоголь, больше людей становится алкоголиками, и доступным становится более опасный вид алкоголя. Тысячи людей умирают от отравления, и кто за это ответственен?

Теперь этих молодых людей наказывают, на много лет сажая в тюрьму и даже не понимая, что, если человек принимает наркотик или зависит от наркотика, ему нужно лечение, а не наказание. Его нужно отправить в такое место, где о нем смогут позаботиться, где его научат медитации и мало-помалу могут направить в сторону от наркотиков к чему-то другому.

Вместо этого его на годы сажают в тюрьму — годы в тюрьме! Они совершенно не ценят человеческую жизнь. Если молодого человека двадцати лет на десять лет посадить в тюрьму, это потратит впустую его самое драгоценное время — и без всякой пользы, потому что в тюрьме любой наркотик достать легче, чем где-либо еще. Обитатели тюрем — очень искусные потребители наркотиков, которые становятся учителями для

¹ Американская детская шутка: *Readin', (w)Ritin . (a)Rithmetics*, то есть чтение, письмо и арифметика.

начинающих. Через десять лет этот человек выйдет, получив полную тренировку. Ваши тюрьмы учат только одному: что бы вы ни делали, правильно, если только вас не поймают; просто позаботьтесь о том, чтобы вас не поймали. И есть мастера, которые могут вас научить, как больше не оказываться пойманным. И все это дело абсолютно абсурдно.

Я тоже против наркотиков, но совершенно по-другому. Я думаю, ты сможешь понять суть.

Как мы можем быть настолько озабочены собственным счастьем, когда человечество сталкивается с такими проблемами? Голод, бедность, несчастные условия жизни, и у многих так мало возможностей развить свои способности и таланты...

По существу, не отбросив сперва собственных проблем, ты не сможешь смотреть на проблемы мира под углом, нужным для их понимания. Твой собственный дом в таком хаосе, твое внутреннее существо в таком хаосе — как ты можешь правильно видеть и понимать эти гигантские проблемы? Ты не понял еще даже самого себя — начни оттуда, потому что любое другое начало будет неправильным началом.

Люди, которые сами находятся в невероятно запутанном состоянии ума, начинают помогать другим, начинают предлагать решения — и эти люди создали в мире больше проблем, чем решили. Это настоящие вредители: политики, экономисты, так называемые слуги общества, миссионеры. Это настоящие вредители — они еще не достигли собственного сознания, а уже готовы наброситься на всех остальных и решить проблемы каждого. Фактически, таким образом они избегают собственной реальности — они не хотят обращаться к ней лицом. Они хотят оставаться занятыми где-то в другом месте, кем-то другим.

Это дает им, чем заняться, это хорошо отвлекает.

Помни: главная мировая проблема — это *ты сам*. Ты и есть проблема, и пока не разрешен *ты*, что бы ты ни сделал, это только создаст больше осложнений. Сначала наведи порядок в собственном доме, создай в нем космос — а он находится в хаосе.

Есть древняя индийская притча, очень старая история, но она очень важна.

Великий, но глупый король пожаловался, что грубая земля ранит ему ноги, и он приказал, чтобы все королевство было покрыто коровьими

шкурами, чтобы защитить его ноги. Но придворный шут стал смеяться над этой идеей — он был мудрым человеком. Он сказал:

— Королевская мысль просто смехотворна. Король очень разгневался и сказал шуту:

— Покажи мне лучшую возможность, иначе я предам тебя смерти.

И шут сказал:

— Господин, вырежи небольшие куски из коровьей шкуры и покрой ими свои ноги.

И именно так возникла обувь.

Нет надобности, покрывать коровьими шкурами всю землю; просто покрыв себе ноги, ты покроешь и всю землю. Это начало мудрости.

Да, есть проблемы, я согласен. Есть огромные проблемы. Жизнь — это такой ад. В ней есть страдание, бедность, насилие, в ее волнах пенятся все виды безумия, это правда — но все же я настаиваю, что проблема возникает в индивидуальной душе. Проблема существует, потому что индивидуальности пребывают в таком хаосе. Всеобщий хаос — это не более чем явление сочетания: все мы вливаем в него хаос собственный.

Мир — не что иное, как отношения; мы связаны друг с другом. Я невротичен, ты невротичен: тогда наши отношения будут очень, очень невротичными — невроз будет перемножен, не просто сложен. А невротичен *каждый*, и поэтому невротичен мир. Адольф Гитлер не родился ни с того, ни с сего — *мы* его создали. Война не рождается ни с того, ни с сего — *мы* ее создаем. Это выходит наружу наш гной; это берет свою дань наш хаос. Начинаться все должно с тебя: ты сам — мировая проблема. Не избегай реальности собственного внутреннего мира — вот первый шаг.

Такой, как ты есть сейчас, ты не можешь видеть корня проблемы, ты видишь только симптом. Сначала найди у себя внутри, где ее корень, приложи все усилия, чтобы изменить этот корень. Бедность не корень — корнем является жадность, бедность — это только результат. Вы продолжаете бороться с бедностью, и ничего не получается. Корень находится в жадности; должна быть искоренена жадность. Война не является проблемой; проблема в индивидуальной агрессивности. Война — это только полная сумма индивидуальных агрессивностей. Вы продолжаете проводить демонстрации протеста, но это не остановит войну. Есть некоторые люди, которые наслаждаются этим как развлечением; их можно найти среди участников любой демонстрации протеста.

В детстве я обычно очень этим наслаждался. Я участвовал в каждой

процессии, и даже старейшие люди города стали беспокоиться. Они сказали:

— Ты ходишь всюду — все равно, коммунистическая это процессия, социалистическая или антикоммунистическая... ты все равно там.

Я сказал:

— Я наслаждаюсь этим как развлечением. Мне нет дела до политической философии — просто кричать так весело; я наслаждаюсь этим упражнением.

Ты можешь наслаждаться; это не много изменит — война продолжается. И если ты помотришь на этих протестующих, то увидишь, что это очень агрессивные люди, — ты не увидишь на их лицах мира. Они готовы драться. Демонстрации за мир могут в любой момент, перерасти в вооруженные столкновения. Это агрессивные люди — под именем мира они показывают свою агрессивность. Они готовы драться: если бы у них была власть, если бы у них была атомная бомба, они сбросили бы эту бомбу, чтобы создать мир. Именно это говорят все политики — они говорят, что борются только для того, чтобы мог воцариться мир.

Проблема не в войне, и демонстрации протеста не помогут.

Проблема во внутренней агрессивности индивидуальностей. Люди не расслаблены в самих себе, поэтому должны существовать войны, иначе эти люди сойдут с ума. Каждые десять лет нужна война, чтобы освободить человечество от невротического бремени. Может быть, вы удивитесь, узнав, что во время Первой мировой войны психологи осознали очень странное явление. Пока продолжалась война, пропорциональная доля людей, которые сходили с ума, снизилась почти до нуля. Самоубийств никто не совершал, никто никого не убивал, и люди перестали даже сходить с ума. Это было странно — что общего имеет это с войной? Может быть, убийства не совершаются, потому что все убийцы ушли в армию, но что случилось с людьми, совершающими самоубийства? Может быть, они тоже вступили в армию, но тогда что случилось с людьми, которые сходили с ума? — даже они перестали сходить с ума? Затем, во время Второй мировой войны, случилось то же самое, в большем масштабе — и тогда связь, ассоциация, была установлена. Человечество продолжает накапливать в определенных количествах невроз, безумие. Каждые десять лет оно должно его выбросить. И когда начинается война — война означает, что человечество сошло с ума как целое, — нет надобности в том, чтобы сходить с ума частным образом. Какой смысл? С ума сошли все — нет никакого смысла сходить с ума в одиночку. Когда одна нация убивает другую и происходит столько убийств и самоубийств, какой смысл делать эти вещи самому? Вы можете просто смотреть телевизор и наслаждаться, читать газеты и приходить в волнение.

Проблема не в войне, проблема в индивидуальном неврозе.

Измени корень — необходима радикальная трансформация; обычные реформации не помогут. Но, может быть, ты все равно не поймешь — я продолжаю говорить о медитации, но ты не можешь увидеть связи, не видишь, как медитация связана с войной. Я эту связь вижу; ты связи не видишь.

Вот мое понимание: если даже один процент человечества станет медитативным, войны исчезнут. И другого пути нет. Такой минимум медитативной энергии нужно высвободить в мир. *Если один процент человечества — то есть один человек из ста — станет медитативным, все станет оборачиваться совершенно по-другому.* Будет меньше жадности; естественно, уменьшится бедность. Бедность существует не потому, что вещей не хватает; бедность существует потому, что люди нагромождают собственность, всего достаточно; земля дает нам достаточно. Но мы планируем, нагромождаем — и возникают трудности.

Только представь, что птицы нагромождают горы еды... тогда некоторые птицы становятся богатыми, а некоторые — бедными; тогда американские птицы становятся самыми богатыми, а весь мир страдает. Но они ничего не нагромождают, поэтому среди них нет бедности. Видел ли ты когда-нибудь бедную птицу? Звери в лесу — никто из них не беден, никто не богат. Фактически вы не видите даже толстых и худых, тощих птиц. Все вороны похожи друг на друга; вы даже не сможете отличить одну от другой. Почему? Они наслаждаются, они не накапливают.

Даже растолстеть — значит начать накапливать внутри тела — это показывает скупой ум. Скрыги начинают страдать запорами; они не могут даже выбросить мусор. Они накапливают; они контролируют даже дефекацию, они продолжают накапливать даже мусор. Накопление стало их привычкой.

Жить в моменте, жить в настоящем, жить в любви, жить в дружбе, заботиться... и тогда мир станет совершенно другим. Индивидуальность должна измениться, потому что мир — не что иное, как явление, спроецированное индивидуальной душой.

Тогда ее не будут интересовать проблемы мира, ее будет интересовать совершенно другое измерение. Может быть, ты не сможешь этого понять. Люди приходят ко мне и говорят: «Что ты делаешь? Вокруг бедность и уродство, а ты продолжаешь учить медитации. Прекрати это. Сделай что-нибудь, чтобы не было бедности». Но с бедностью ничего нельзя сделать прямо. Должна быть высвобождена медитативная энергия, чтобы люди могли наслаждаться мгновением, — тогда не будет бедности. Коммунизм не разрушит бедность; он нигде ее не разрушил. Он создал новые виды

бедности — и более крупные, более опасные. Коммунист гораздо беднее, потому что ко всему прочему он потерял и душу. Теперь он по-настоящему вообще не индивидуальность — у него нет даже свободы, молиться и медитировать.

Это не поможет, это разрушает людей. Все эти добродетели... избегайте их.

А когда человек медитирует, он начинает расцветать. Если он художник, он становится хорошим художником. Если он поэт, внезапно в его душе возникает безграничная поэзия. Если он певец, впервые он споет песню, близкую к желанию его сердца.

Когда ты в молчании, когда ты укоренен в своем существе, центрирован, твои таланты начинают действовать автоматически. Ты начинаешь действовать так, как должен был от рождения, ты начинаешь действовать так, как хочет твое предназначение. Ты становишься спонтанным. Ты начинаешь делать свое дело — и теперь ты не беспокоишься о том, прибыльно ли это, делает ли это тебя респектабельным. Это делает тебя счастливым, и этого достаточно. Это делает тебя безмерно радостным, и этого более чем достаточно.

Но есть люди, которые хотят идти очень окольным путем: они хотят сначала изменить весь мир, а затем прийти к самим себе. Но, позволь тебе сказать, ты никогда не сможешь прийти к себе, если пойдешь так далеко.

Я слышал...

У дороги, неподалеку от города Дели, сидел старик, а мимо на большой скорости ехала машина. Молодой человек, который вел машину, затормозил и спросил старика:

— Далеко до Дели? Старик ответил:

— Если ты будешь продолжать ехать с такой же скоростью и по этой же дороге, по которой едешь сейчас, то это очень, очень далеко. Тебе придется объехать всю землю — потому что Дели остался в двух милях позади тебя.

Если ты развернешься, это не очень далеко — вопрос всего нескольких минут. Если ты отправишься в поход, чтобы изменить весь мир, а себя изменить хочешь *потом*, то не сможешь этого сделать никогда; никогда не сможешь прийти домой.

Начни там, где находишься. Ты — часть этого уродливого мира, и, изменяя себя, ты будешь изменять и мир. Что такое ты? — часть этого уродливого мира. Зачем пытаться изменить соседа? — может быть, ему это

не понравится, может быть, он этого не захочет, может быть, ему будет неинтересно. Если ты осознаешь, что мир нуждается в огромных переменах, то ближайшая к тебе часть этого мира — это ты сам. Оттуда и начинай.

Почему я всегда грежу наяву о будущем?

Это делают все. Человеческий ум как таковой — это способность грезить наяву. Пока ты не выйдешь за пределы ума, ты будешь продолжать грезить наяву. Ум не может существовать в настоящем — он может существовать или в прошлом, или в будущем. Для ума нет способа существовать в настоящем. Быть в настоящем — значит быть без ума.

Попробуй это. Если случится молчаливое мгновение, когда никакая мысль не пересекает твое существо, твое сознание — когда экран сознания абсолютно свободен от облаков — и внезапно ты присутствуешь... Это мгновение, это реальное мгновение — мгновение реальности, момент истины. Но нет прошлого, и нет будущего.

Обычно время делится на три времени: прошедшее настоящее, будущее. Это разделение по сути своей неправильно, ненаучно, потому что настоящее — не часть времени. Частями времени являются только прошедшее и будущее. Настоящее — за пределами времени. Настоящее — это вечность.

Прошлое и будущее — части времени. *Прошлое — это то, чего больше нет, а будущее — то, чего еще нет. То и другое — внеэкзистенциальны. Настоящее — это то, что есть.* Существенное не может быть частью несущественного. Они никогда не встречаются, их пути никогда не могут пересечься.

А время — это ум; накопленное прошлое — именно это и есть ваш ум. Что такое ваш ум? Проанализируйте его, загляните в него. Что это такое? — всего лишь нагромождение, скопление ваших прошлых опытов. Ваш ум — это только собирательный термин, похожий на зонтик, под которым удерживается все ваше прошлое, ничего более. Если мало-помалу вы станете вынимать прошлое из сумки, сумка исчезнет.

Если прошлое остается единственной реальностью для ума, что может делать ум? Одна возможность: продолжать снова и снова жевать и пережевывать прошлое. Именно это вы называете воспоминаниями, реминисценцией, ностальгией. Вы можете снова и снова возвращаться в прошлое; снова и снова — к прошлым мгновениям, красивым мгновениям, мгновениям счастья. Они редки и разбросаны среди множества других, но вы за них цепляетесь. Вы избегаете уродливых мгновений, несчастных мгновений.

Но это не может продолжаться все время, потому что это тщетно; эта деятельность кажется бессмысленной. Поэтому ум создает «осмысленную» деятельность — именно это и есть грезы наяву о будущем.

Ум говорит: «Да, прошлое было хорошо, но прошлое окончено; с ним ничего сделать нельзя. Но с будущим можно что-то сделать, потому что оно еще придет». Таким образом, ты выбираешь из своих прошлых опытов те, которые тебе хочется снова повторить, и отбрасываешь опыты, которые были очень несчастными, болезненными, которых не хочешь повторять в будущем. Твои грезы наяву о будущем — не что иное, как видоизменение прошлого: лучше устроенное, более украшенное, более приемлемое, менее болезненное, более приятное. Вот что непрерывно делает твой ум, и таким образом ты продолжаешь упускать реальность.

Медитация просто означает несколько мгновений, когда ты не в уме, несколько мгновений, на которые ты высказываешь из ума. Ты высказываешь в реальность, в то, что есть.

Эти экзистенциальные мгновения так безмерно экстатичны, что, однажды испытав их вкус, ты прекратишь грезить наяву.

Грезы наяву будут продолжаться, пока ты не начнешь испытывать вкус медитации. Пока ты не начнешь получать питания от медитации, ты будешь продолжать страдать от голода и жаждать какой-то пищи в будущем. И ты знаешь, что будущее ее не принесет, потому что сегодня было будущим когда-то раньше. Вчера будущим было сегодня, и ты грезил о нем наяву. Теперь оно наступило. Что происходит? Счастлив ли ты? Вчера также было когда-то будущим. Все прошлое было когда-то частью будущего, и оно ускользнуло — ускользнет и это будущее. Грезами наяву ты дурачишь себя.

Стань немного более осознанным и попытайся приводить сознание более и более к фактичности существования.

Видь *этот* цветок, не думай о *той* цветке. Слушай *это* слово, которое я произношу, не *то* слово, которое я собираюсь произнести. Смотри прямо сейчас. Если ты отложишь хотя бы на долю секунды, то упустишь, и тогда это войдет в привычку, и привычка глубоко в тебя внедрится. Завтра ты тоже будешь упускать, и послезавтра — потому что сам будешь оставаться прежним. И более того — привычка грезить наяву будет становиться все сильнее.

На днях я читал одну чудесную японскую историю. Такие истории существуют во всех фольклорах мира, их черты сходны. Это прекрасная история. Послушайте ее.

Однажды жил человек, который высекал камни из утеса. Его труд был

очень тяжелым, и он много работал, но плата была низкая, и он был неудовлетворен.

Кто удовлетворен? Даже императоры не удовлетворены, что сказать о камнетесе? Его работа, несомненно, была очень тяжелой, а плата ничтожной.

Он вздохнул, потому что его труд был такой тяжелый, и воскликнул:

— Ах, если бы только я был богат, я мог бы отдыхать на диване с шелковыми покрывалами.

И ангел спустился с небес, и он сказал:

— Ты стал тем, что сказал.

И это действительно происходит — не только в притчах и историях; это происходит в реальной жизни. Все, что вы думаете о себе, случается. Вы создаете свой мир собственной мыслью, создаете свой мир собственными желаниями. Все, на чем вы настаиваете, начинает случаться. Реальность постоянно сотрудничает с вами. Она ожидает того момента, того дня, когда *вы* начнете сотрудничать с *ней*. До тех пор она непрерывно сотрудничает с вами.

И ангел сказал:

— Ты стал тем, что сказал.

И он был богат, и отдыхал на диване с шелковыми покрывалами.

Король этой страны проехал мимо среди своих всадников, которые ехали впереди его колесницы и позади нее, и над головой короля держали золотой солнечный зонт. Когда богатый человек это увидел, в нем родились сомнения: над его головой никто не держал золотого зонта, и он был неудовлетворен. Он вздохнул и воскликнул:

— Хотел бы я быть королем. Снова спустился ангел и сказал:

— Ты стал тем, что сказал.

И он был королем, и много всадников скакало перед его колесницей, и всадники скакали позади его колесницы, и над его головой держали золотой солнечный зонт, и солнце сияло горячими лучами, обжигало землю, и ростки травы вяли. И король пожаловался, что солнце жжет ему лицо, и что оно превосходит всех властью, и он был неудовлетворен. Он вздохнул и воскликнул:

— Хотел бы я быть солнцем. И пришел ангел, и он сказал:

— Ты стал тем, что сказал.

И он был солнцем, и направлял свои лучи вверх и вниз, вправо и влево, всюду, и обжигал побеги травы на земле, и нарушал спокойствие земных королей. И тогда облако прошло между солнцем и землей, и лучи солнца отразились от него, и солнце разгневалось, что облако противится его власти. Оно пожаловалось, что облако превосходит его во власти, и оно было не удовлетворено. Оно пожелало быть облаком, обладающим такой властью, и ангел явился и сказал:

— Ты стал тем, что сказал.

И он стал облаком и прошел между солнцем и землей, и поймал лучи солнца, чтобы трава снова стала зеленой. Облако пролило на землю большие капли дождя, отчего реки вздулись, и начались наводнения, и дома смывало водой, и вода разрушила поля, потому что ее было слишком много. Вода пала на утес, который стоял твердо, оросила его бурными потоками, но утес не поддался, и облако пришло в ярость, потому что утес не подчинился его власти, и власть его потоков была тщетной, и оно было не удовлетворено.

Оно воскликнуло:

— Этому утесу дано столько власти, и его власть превосходит мою. Я хочу быть утесом.

И ангел явился, и облако стало утесом, и утес не двигался с места, сияло ли солнце или шел проливной дождь. Но тогда пришел человек с киркой, резцом и тяжелым молотом, и он стал высекать из утеса камни, и утес сказал:

— Как может быть такое, что власть этого человека превосходит мою, и он высекает камни из моего тела? — И он был неудовлетворен.

Он воскликнул:

— Я слабее его. Я хочу быть этим человеком. И ангел явился с небес со словами:

— Ты стал тем, что сказал.

И он снова стал камнетесом. С огромным трудом он высекал из утеса камни и работал до изнеможения ради мизерной платы — и он был удовлетворен.

Я не согласен с заключением. Это единственное, с чем я в этой истории не согласен; во всем остальном она прекрасна. Я не согласен с заключением, потому что знаю людей: они не становятся удовлетворенными так легко.

Колесо прошло полный круг, и эта история в определенном смысле пришла к естественному завершению, но настоящие жизненные истории не приходят ни к каким естественным завершениям. Колесо истории продолжает двигаться.

Именно поэтому мы в Индии называем жизнь «колесом». Она постоянно движется, постоянно повторяется. Насколько я вижу, пока этот камнетес не стал бы буддой, история повторялась бы бесконечно. Он снова пожелал бы чудесный диван с шелковыми покрывалами, и то же самое началось бы сначала. Если этот камнетес был действительно удовлетворен, тогда, наверное, он выпрыгнул из колеса рождения и смерти. Наверное, он стал буддой.

Именно это непрерывно происходит с каждым умом — ты чего-то жаждешь, это случается, но к тому времени, как это случается, ты видишь, что по-прежнему неудовлетворен. Теперь несчастным тебя делает что-то другое.

Это нечто, требующее понимания: если желание не исполнено, ты разочарован; если оно исполнено, ты и тогда разочарован. Именно в этом состоит страдание желания. Когда осуществлено желание, не осуществлен ты. Стоит ему осуществиться, как внезапно возникает множество новых.

Ты никогда не думал, что, когда станешь королем, и впереди и позади тебя будут скакать всадники, солнце будет так горячо, что обожжет тебе лицо. Ты никогда об этом не думал. А потом ты мечтал о том, чтобы стать солнцем, и вот ты стал солнцем, но никогда не думал об облаке. Теперь облако пришло и доказало твоё бессилие. И это продолжается и продолжается без конца, как волны в океане, бесконечно — пока ты не поймешь и просто не выпрыгнешь из колеса.

Ум непрерывно тебе говорит: «Делай это, стань тем. Получи то-то и то-то... как ты сможешь быть счастливым, если у тебя этого не будет? У тебя должен быть дворец, тогда ты можешь быть счастливым». Если у твоего счастья есть условие, ты останешься несчастливым. Если ты не можешь быть счастливым точно таким, как есть, оставаясь камнетесом... Я знаю, что труд очень тяжелый, плата низкая, жизнь остается борьбой, я знаю, — но если ты не можешь быть счастливым таким, как есть сейчас, вопреки всему, ты никогда не будешь счастливым. Если только человек не счастлив, не счастлив просто без всякой причины, если человек недостаточно безумен, чтобы быть счастливым без всякой причины, этот человек никогда не будет счастливым. Ты всегда найдешь что-то, чтобы разрушить счастье. Тебе всегда будет чего-то не хватать, что-то будет отсутствовать. И это «отсутствие» снова станет грезами наяву.

И ты не сможешь достичь состояния, в котором доступно все, абсолютно

все. Даже если бы это было возможно, то и тогда ты не был бы счастлив. Просто посмотри на механизм ума: если доступно все, что ты хотел, внезапно тебе становится скучно. Что теперь делать?

Я слышал — и думаю, что это достоверно, — что людям, достигшим рая, становится скучно. Это исходит из очень достоверных источников, на них можно полагаться — эти люди сидят под исполняющими желания деревьями, и им скучно. Потому что стоит тебе что-то сказать, как появляется ангел и тотчас же исполняет это желание. Между желаниями и их исполнением нет никакого промежутка. Они хотят красивую женщину, Клеопатру, и она появляется. И что теперь делать с такой Клеопатрой? Это бессмысленно — и им скучно.

В индийских «Пуранах» есть множество историй о *девах*, которым так надоело в раю, что они стали скучать по земле. Там у них было все. Когда они были на земле, они жаждали рая. Может быть, они были великими аскетами, может быть, они отреклись от мира, отношений, всего в попытках достичь рая. Теперь они достигли рая, и теперь они жаждут мира.

Я слышал:

Пилот нового реактивного самолета маневрировал над кэтскиллскими горами. Он указал второму пилоту на приятную долину внизу.

— Видишь вон тот уголок? — сказал он. — Когда я был босоногим мальчишкой, я обычно сидел вон там, в плоскодонке и ловил рыбу. Каждый раз, когда в небе пролетал самолет, я смотрел вверх и мечтал о том, чтобы быть в нем пилотом. Теперь я смотрю вниз и мечтаю о том, чтобы ловить рыбу.

Именно так продолжается без конца. Если вы не знамениты, вы хотите быть знаменитыми. Вам так больно оттого, что люди вас не знают. Вы идете по улице, и никто на вас не смотрит, никто вас не узнает. Вы чувствуете себя пустым местом. Вы усердно трудитесь, чтобы стать знаменитым. Однажды вы становитесь знаменитым. Теперь вы не можете ходить по улицам. Теперь вокруг собирается толпа, чтобы на вас смотреть. Теперь у вас нет никакой свободы, и вы остаетесь дома, как взаперти. Вы не можете выйти наружу, вы словно в тюрьме. Теперь вы начинаете думать о тех чудесных временах, когда можно было ходить по улицам и быть свободным... словно вокруг никого нет. Теперь вы тоскуете по тем временам. Спросите знаменитых людей.

Вольтер пишет в мемуарах, что когда он не был знаменит — а каждый однажды не был знаменит, — он все этого желал и желал, работал изо всех

сил, и вот он стал одним из самых знаменитых людей во Франции. Его слава возросла до такой степени, что ему стало опасно выходить из комнаты, потому что в те времена суеверные люди думали, что если удастся добыть кусочек одежды какого-то великого человека, он станет защитным талисманом; он обладает огромными защищающими силами. Он отгоняет духов, предотвращает несчастные случаи и так далее в этом роде.

И если он приходил на вокзал, чтобы сесть в поезд, ему приходилось вызывать сопровождение полиции, иначе люди начинали рвать его одежду. И мало того — ему рвали кожу, и он возвращался домой в синяках и царапинах. Ему так надоела эта слава — он не мог даже выйти из дома; люди всегда поджидали его, как волки, чтобы наброситься на него, — и он стал молиться Богу: «Довольно! Я это узнал. Я этого не хочу. Я стал почти как мертвец». И тогда это случилось. Явился ангел — наверное, явился ангел — и сказал: «Ладно». Мало-помалу его слава рассеялась.

Мнения людей меняются очень легко; в них нет никакой цельности. Все меняется, точно как мода. Сегодня ты на вершине славы, завтра люди совершенно забывают о тебе. Однажды ты президент, на следующий день ты просто гражданин Ричард Никсон. Никому нет до тебя дела.

Случилось так, что умы людей изменились, мнения, климат изменился, и люди совершенно забыли о Вольтере. Он приходил на вокзал и надеялся, что хоть кто-нибудь, хоть один человек придет его встречать. Никто его больше не встречал, только его собака.

Когда он умер, только четверо провожали его в последний путь: трое людей и одна собака. Наверное, он умер несчастным, снова жаждущим славы. Что делать? Так все и продолжается.

Ум никогда не позволит тебе быть счастливым. Какими бы ни были условия, ум всегда найдет что-то, чтобы из-за этого быть несчастным. Позволь мне сказать это так: *ум — это механизм для создания несчастья. Вся его функция состоит в том, чтобы создавать несчастье.*

Если ты отбрасываешь ум, внезапно ты становишься счастливым — совершенно без причины. Тогда счастье естественно, как дыхание. Чтобы дышать, не нужно даже этого осознавать. Ты просто продолжаешь дышать. Счастье — точно такое же.

Счастье — это твоя внутренняя природа. Оно не нуждается ни в каких внешних условиях; оно просто есть, счастье — это ты сам. Блаженство — это твое естественное состояние; это не достижение. Просто выбравшись из механизма ума, ты начинаешь чувствовать себя блаженным.

Именно поэтому ты увидишь, что сумасшедшие люди счастливее так называемых нормальных. Что происходит с сумасшедшими людьми? Они

также выбираются из ума — конечно, не с той стороны, но все же выбираются. Сумасшедший — это тот, кто пал ниже ума. Он лишился ума.

Именно поэтому ты можешь увидеть, что многие сумасшедшие так счастливы, что ты почти, что чувствуешь зависть. Ты можешь даже начать грезить наяву: «Когда со мной случится это благословение?» Сумасшедший осужден, но он счастлив.

Что случилось с сумасшедшим? Он больше не думает о будущем и не думает о прошлом. Он выпал из времени. Он начал жить в вечности.

Точно так же это происходит и с мистиком, потому что он поднимается над умом. Я не говорю, что ты должен стать сумасшедшим, но я говорю, что есть определенное сходство между сумасшедшим и мистиком. Именно поэтому все великие мистики выглядят немного сумасшедшими, а все великие сумасшедшие немного похожи на мистиков.

Посмотри в глаза сумасшедшему, и ты найдешь, что его глаза очень мистические... свечение, какое-то потустороннее свечение, словно в нем есть какая-то внутренняя дверь, откуда он попадает в самое ядро жизни. Он расслаблен. Может быть, у него ничего нет, но он просто счастлив. У него нет желаний, нет амбиций. Он никуда не идет. Он просто здесь... наслаждаясь, радуясь.

Да, сумасшедшие и мистики имеют что-то общее. Сходство состоит в том, что оба они лишились ума. Сумасшедший пал ниже ума, мистик вышел за пределы ума. Кроме того, мистик — сумасшедший с методом; в его сумасшествии есть метод. Сумасшедший просто пал вниз.

Я не говорю, что вы должны стать сумасшедшими. Я говорю: станьте мистиками. Мистик настолько же счастлив, что и сумасшедший, и столь же нормален, что и нормальный человек. Мистик обладает таким же здравым смыслом — а может быть, и большим, — чем так называемые рациональные люди, и в то же время он так счастлив, — точно как сумасшедшие люди. Мистик обладает самым красивым синтезом. Он находится в гармонии. У него есть все, что и у рационального человека. У него есть и то и другое. Он завершен. Он целен.

Ты спрашиваешь: *«Почему я всегда грежу наяву о будущем?»* Ты грезишь наяву о будущем потому, что еще не испытал вкуса настоящего. Начни испытывать вкус настоящего. Найди несколько мгновений, когда ты просто радуешься. Глядя на деревья, просто смотри. Слушая птиц, просто будь слушающим ухом. Пусть они достигнут твоего глубочайшего ядра. Пусть их песня распространится по всему твоему существу. Сидя на пляже у океана, просто слушай дикий рев волн, стань с ним одним... потому что в диком реве волн нет ни прошлого, ни будущего. Если ты сможешь

сонастроиться с ним, то тоже станешь диким ревом. Обними дерево и расслабься в нем. Почувствуй, как его зеленая форма вливается тебе в существо. Ляг на песке, забудь мир, сроднись с песком, с его прохладой; почувствуй, как тебя насыщает прохлада. Приди к реке, поплыви, и пусть река плывет у тебя внутри. Подними брызги и стань брызгами. Делай все, что приносит тебе чувство наслаждения, и наслаждайся этим тотально. На эти короткие мгновения прошлое и будущее исчезнет, и ты будешь здесь и сейчас.

Евангелие не в Библии. Евангелие — в реках и диком реве океана, в молчании звезд. Хорошие новости написаны всюду. Вся вселенная содержит послание. Расшифруй его. Научись его языку. И язык его — это язык здесь и сейчас.

Твой язык — язык прошлого и будущего, и, продолжая говорить языком ума, тебе никогда не удастся сонастроиться с существованием, прийти с ним в гармонию. А если вкус гармонии не испытан, как ты можешь прервать грезы наяву? — потому что в этом, и есть вся твоя жизнь.

Ты похож на бедного человека, который несет полный мешок камней и думает, что это чудесные бриллианты, рубины, и если ему сказать: «Выбрось их. Ты дурак. Это всего лишь обычные камни», — он не сможет поверить. Он подумает, что его дурачат. Он не выпустит мешка из рук, потому что это все, что у него есть.

Я бы не сказал этому человеку отречься от мешка. Я бы попытался показать ему настоящие рубины, изумруды, бриллианты. Увидев их хотя бы мельком, он выбросит мешок сам. Не придется даже отрекаться — потому что отречься не от чего; это обычные камни. От обычных камней не отрываются.

Он просто осознает, что живет под властью иллюзии. Теперь есть настоящие бриллианты. Внезапно его собственные камни меркнут... — исчезают. Просто он вытряхивает из своего мешка все, тут же, и ему не нужно даже ничего говорить, потому что теперь в мешок можно положить что-то другое. Он выбрасывает камни, потому что ему требуется пространство.

Таким образом, я не говорю, что ты должен отбросить свою устремленность в будущее, в прошлое. Скорее мне хотелось бы тебе сказать: соприкасайся более и более с настоящим.

Живи в Радости

Живи в радости, в любви, — даже среди тех, кто ненавидит.

Живи в радости, в здоровье, — даже среди тех, кто болен.

Живи в радости, в мире, — даже среди потревоженных.

Живи в радости, ничем не владея, подобно сияющим.

Победитель сеет ненависть, потому что побежденный страдает.

Простись с победой и поражением и найди радость.

Медитируйте на эти сутры Гаутамы Будды. Он — один из самых радостных людей среди когда-либо живших. Эти сутры дадут вам бесконечное прозрение в сердце этого просветленного человека.

Живи в радости — даже среди тех, кто ненавидит.

Радость — ключевое слово в этих стихах. Радость — это не счастье, потому что счастье всегда смешивается с несчастьем. Его никогда нельзя найти в чистом виде, оно всегда загрязнено примесями. За ним всегда тянется длинная тень страдания. Точно как за днем следует ночь, за счастьем следует несчастье.

Что же тогда такое радость? Радость — это состояние трансценденции. Человек ни счастлив, ни несчастлив, но пребывает в полном покое, тишине, абсолютном равновесии. Он так полон молчания и так полон жизни, что его молчание становится песней, что его песня не что иное, как его молчание.

Радость вечна; счастье преходяще. Счастье вызывается внешними причинами, следовательно, его можно и отнять извне — вам приходится зависеть от других. А любая зависимость уродлива, любая зависимость — это оковы. *Радость возникает внутри, она не имеет ничего общего ни с чем внешним. Она не вызывается другими людьми; она вообще ничем не вызывается. Это спонтанный поток вашей собственной энергии.*

Если энергия застаивается, радости нет. Если энергия становится потоком, движением, рекой, есть огромная радость — без всякой другой причины, кроме той, что вы стали более текучими, более струящимися, более живыми. В сердце рождается песня, и приходит огромный экстаз.

Когда он приходит, это удивительно, потому что нельзя найти для него причин. Это самый таинственный опыт в жизни: нечто беспричинное, нечто

из-за пределов закона причины и следствия. Он не нуждается в причине, потому что это твоя внутренняя, неотъемлемо свойственная природа, с которой ты был рожден. Это — нечто врожденное, это — сама твоя тотальность, струящаяся.

Когда ты струишься, ты течешь к океану. Это радостно: танец реки в движении к океану, чтобы встретиться с высочайшим возлюбленным. Когда твоя жизнь остается застойным прудом, ты просто умираешь. Ты никуда не движешься — никакого океана, никакой надежды. Но когда ты струишься, океан приближается с каждым мгновением, и чем ближе подходит река, тем больше в ней танца, тем больше в ней экстаза.

Твое сознание — это река. Будда называл его континуумом. Это продолжительность, вечная продолжительность, и твое существо не нечто статичное. В его видении слово *существо* неправильно. Для него существо — не что иное, как становление. Он отрицает существо, он принимает становление — потому что существо создает идею статичности, словно у вас внутри есть что-то, похожее на скалу. Становление дает совершенно другое представление... это словно река, это словно распускающийся лотос, это словно рассвет солнца. Что-то постоянно происходит. Ты не стоишь на месте, как скала, ты растешь.

Будда переворачивает всю метафизику: он заменяет «существо» «становлением», он заменяет вещи процессами, он заменяет существительные глаголами.

Живи в радости... Живи в глубочайшей внутренней природе, с абсолютным принятием себя, кем бы ты ни был. Не пытайся манипулировать собой, чтобы привести себя в соответствие с чьими-то чужими идеями. Просто будь собой, своей подлинной природой, и радость обязательно возникнет; она, словно бьет ключом у тебя внутри. Если о дереве заботиться, если его поливать, если за ним ухаживать, однажды оно естественно расцветает. Когда приходит весна, происходит великое цветение. Так же и с человеком. Заботься о себе. Найди подходящую почву для своего существа, найди подходящий климат и иди глубже и глубже в себя.

Не исследуй мир; исследуй собственную природу. Потому что в исследовании мира ты можешь приобрести многое, но ты не будешь хозяином. Исследуя себя, может быть, ты не будешь владеть многим, но ты будешь хозяином. Лучше быть хозяином себя, чем хозяином всего мира.

Живи в радости, в любви... И тот, кто живет в радости, естественно живет и в любви. Любовь — это аромат цветка радости. Внутри есть радость; ты не можешь ее сдерживать. Она так велика, она нестерпима. Если ты попытаешься на нее скупиться, тебе станет больно. Радость может быть

такой большой, что, если ты ею не поделишься, она превратится в страдание, она может стать болью.

Радостью нужно делиться; делясь ею, ты освобождаешь себя от бремени. Когда ты ею делишься, в тебе раскрываются новые источники, новые потоки, бегут новые ручьи. Это стремление поделиться радостью — и есть любовь.

Таким образом, нужно помнить одно: ты не можешь любить, пока не достигнешь радости. А миллионы людей продолжают это делать. Они хотят любить и ничего не знают о том, что такое радость. Их любовь остается полой, пустой, бессмысленной. Их любовь приносит отчаяние, страдание, боль; она создает ад. Пока у тебя нет радости, ты не можешь быть влюбленным. Тебе нечего предложить, ты сам нищий. Сначала нужно быть королем — а королем тебя делает радость.

Когда ты излучаешь радость, когда твои внутренние тайны больше не тайны, но струятся в ветрах, среди дождя, под солнцем; когда твое скованное великолепие освобождено от оков, когда твоя тайна стала открытым явлением, когда она вибрирует вокруг тебя, пульсирует вокруг тебя, когда она в самом твоём дыхании, в биении твоего сердца, — тогда ты можешь любить. Тогда ты касаешься пыли, и пыль превращается в божественное. Тогда все, чего ты касаешься, превращается в золото. Обычные камни в твоих руках обращаются в бриллианты, изумруды. Обычная галька... люди, которых ты касаешься, больше не будут обычными людьми.

Тот, кто достиг радости, становится источником великой трансформации для многих. Его пламя зажжено, и теперь он может помогать другим. Незажженные огни, приближаясь к тому, кто воспламенен радостью, могут также загореться. Просто от близости пламя может переметнуться на тебя, и ты никогда больше не будешь прежним.

Любовь возможна, лишь когда твое пламя зажжено. Иначе ты остаешься темным континентом — а ты притворяешься, что даешь другим свет? Любовь — это свет, ненависть — тьма. У тебя внутри темно, а ты пытаешься дать другим свет. Ты преуспеешь только в том, чтобы дать им еще больше темноты, — а они уже в темноте. Ты преумножишь их темноту, сделаешь их еще более несчастными. Не пытайся это делать, потому что это невозможно, это не согласуется с природой вещей. Так не бывает. Ты можешь надеяться, но все твои надежды будут тщетными. Сначала наполнись радостью.

Живи в радости — даже среди тех, кто ненавидит.

И тогда нет речи о том, что делают с тобой другие. Тогда человек может

любить даже тех, кто его ненавидит. Тогда человек может жить в любви и радости даже среди врагов. Нет речи о том, чтобы любить тех, кто любит тебя. Это очень заурядно, это как деловая сделка. Настоящая любовь — любить тех, кто тебя ненавидит. Прямо сейчас даже любить тех, кто тебя любит, невозможно, потому что ты не знаешь, что такое радость. Но когда ты знаешь радость, случаются чудеса, начинается волшебство. Тогда ты способен любить даже тех, кто тебя ненавидит. По сути, больше нет речи о том, чтобы любить кого-то одного и не любить кого-то другого, потому что ты *становишься* любовью; у тебя больше ничего не остается.

В Коране, как я слышал, есть утверждение: «Ненавидь дьявола». Великая суфийская женщина-мистик, Рабия, вычеркнула эту строку из своего Корана. Хасан, другой известный мистик, был у нее в гостях; он увидел, как она это сделала. Он сказал:

— Что ты делаешь? Коран нельзя исправлять — это святотатство. Нельзя вычеркивать никаких утверждений из Корана; он совершенен такой, как есть. Невозможно никакое улучшение. Что ты делаешь?

Рабия сказала:

— Хасан, я должна это сделать! Дело не в Коране, дело в чем-то совершенно другом: с тех пор как я узнала Бога, я не могу ненавидеть. Дьявол здесь не при чем; просто я не могу ненавидеть. Даже если дьявол придет и встанет передо мной, я буду его любить, потому что теперь я умею только любить; я не способна к ненависти — она исчезла. Если человек наполняется светом, он может отдавать только свет; неважно, с другом ты или с врагом.

— Откуда, — сказала Рабия, — мне взять темноты, чтобы бросить ее дьяволу? Ее больше нигде нет — я есть свет. Мой свет падает на дьявола настолько же, что и на Бога. Теперь для меня нет ни Дьявола, ни Бога, и я не могу даже их различить. Все мое существо преобразовалось в любовь; ничего больше не осталось.

— Я не исправляю Коран — кто я такая, чтобы его исправлять? Но это утверждение меня больше не касается. Это мой экземпляр; я не исправляю никаких чужих Коранов. Я имею право сделать собственный экземпляр правильным для себя. Это утверждение больно бьет меня каждый раз, когда я с ним сталкиваюсь. Я не вижу в нем никакого смысла; поэтому я его вычеркиваю.

Человек, который полон радости и любви, не может себя сдерживать. Он любит друзей, он любит врагов. Дело не в его решении; теперь любовь — это как его дыхание. Перестанете ли вы дышать, если к вам придет враг? Скажете ли вы: «Как я могу дышать, когда передо мной враг?» Скажете ли

вы: «Как я могу дышать, потому что мой враг дышит тем же воздухом, и в меня может войти воздух, прошедший сквозь его легкие? Я не могу дышать». Вы задохнетесь, вы умрете. Это будет самоубийством — и полной глупостью.

На пути приходит мгновение, когда любовь становится в точности, подобна дыханию — дыханию души. Вы продолжаете любить.

В этом свете вы можете понять высказывание Иисуса: любите врагов своих, как самих себя. Если вы спросите Будду, он скажет: ни в чем подобном нет надобности, потому что ничего другого вы не сможете. По сути, вы *есть* любовь, и где бы вы ни были: среди цветов, среди шипов, в темную ночь, в светлый полдень, в страдании, окружающем вас, как океан, или в великом успехе — это неважно. Вы остаетесь любовью; все остальное становится несущественным. Ваша любовь обретает нечто от вечного; она продолжается. Кто-то может ее принять, кто-то может не принять, но вы не можете ненавидеть; вы должны быть верны своей истинной природе.

Живи в радости, в здоровье — даже среди тех, кто болен.

Под «здоровьем» Будда подразумевает цельность. Исцеленный человек — значит, здоровый, исцеленный человек, значит, цельный. Под «здоровьем» Будда не подразумевает обычное, медицинское определение этого термина; его смысл не медицинский, он медитационный — хотя вы и удивитесь, узнав, что слова *медитация* и *медицина* происходят от одного корня. Медицина исцеляет вас физически, медитация исцеляет вас духовно. То и другое — исцеляющие процессы, то и другое приносит здоровье.

Но Будда говорит не о здоровье тела; он говорит о здоровье души. Будьте цельными, будьте тотальными. Не будьте раздробленными, не будьте раздвоенными. Будьте индивидуальностью — буквально, не-дуальми, не-двойственными, не делимыми, слитком.

Люди не остаются слитком; в них много разрозненных кусков, кое-как собранных вместе. Они в любой момент могут распасться на части. Они как Шалтай-Болтай — просто нагромождения множества вещей. Любая новая ситуация, любая новая опасность, любая незащищенность — и они могут распасться на части. Умирает твоя жена, или ты разоряешься, или теряешь работу — любой мелочи может быть достаточно, чтобы оказаться последней соломинкой на спине верблюда. Разница только в степени. Кто-то варится при температуре восемьдесят девять градусов, кто-то — при девяноста девяти; кто-то, может быть, при девяноста девяти и девяти десятых — но разница только в степени, и любой мелочи будет достаточно, чтобы нарушилось равновесие. Ты можешь в любой момент сойти с ума, потому что внутри тебя — толпа. Столько желаний, столько снов, столько разных людей живет у тебя внутри. Если ты будешь внимательно

наблюдать, то найдешь внутри себя не одного человека, но много лиц, меняющихся с каждым мгновением. Ты словно приходишь на рынок, где много людей, которые приходят, уходят, поднимают столько шума, и все это бессмысленно. И это продолжает накапливаться.

В детстве ты был ближе всего к состоянию будды. По мере того как ты становишься старше, ты становишься более и более ненормальным. Становясь старше, ты уходишь от состояния будды дальше и дальше. Это действительно очень странное положение дел; так быть не должно. Человек должен расти к состоянию будды, но люди растут в прямо противоположном направлении.

Будда говорит:

Живи в радости, в здоровье — даже среди тех, кто болен.

Это очень важная сутра, которую нужно понять, — тем более что христиане создают совершенно неправильный подход к жизни. Они говорят: когда в мире столько страдания, как ты можешь быть радостным? Иногда они приходят ко мне и говорят: «Люди голодают, люди бедны. Как ты можешь учить людей петь, танцевать и быть радостными? Столько людей страдает от разных болезней, а ты учишь людей медитации? Это эгоизм!»

Но именно это говорит Будда.

Живи в радости, в мире — даже среди тех, кто потревожен.

Вы не можете изменить весь мир. У вас есть лишь небольшой жизненный срок, и вскоре он кончится. Вы не можете поставить условие: «Я буду радоваться, только когда весь мир изменится и все будут счастливы». Этого никогда не случится, и не в ваших силах это сделать. Если для вас единственный способ быть счастливыми — это сделать так, чтобы были счастливы все остальные, тогда вы никогда не будете счастливыми. Будда утверждает простой факт. Он не говорит, не помогать больным людям, но, став больными сами, вы ничем им не поможете.

Став бедными сами, вы не сможете помочь бедным, хотя бедные и будут поклоняться вам, потому что увидят, какие вы великие святые. Они поклонялись Махатме Ганди по той единственной причине, что он пытался жить как бедный человек. Но просто живя как бедный человек, ты ничем не поможешь бедным. Если доктор тоже заболит, чтобы помочь своим пациентам, назовете ли вы его святым? Вы назовете его просто глупцом, потому что в этот момент требуется все его здоровье, чтобы он мог оказать окружающим помощь. Это странная логика, но она царила веками: если хочешь помочь бедным, будь бедным, живи бедной жизнью, живи, как бедные. Конечно, бедные люди будут очень уважать и почитать тебя, но это не поможет бедным, это только усилит твое эго. А любое усиление эго

приносит тебе страдание, не радость.

Живи в радости, в здоровье — даже среди тех, кто болен. Живи в радости, в мире — даже среди тех, кто потревожен.

Это единственный способ помочь, единственный способ служить. Сначала будьте эгоистичными, сначала преобразуйте себя. Ваша жизнь, полная мира, радости, здоровья, может стать мощным источником поддержки для людей, страдающих духовным голодом.

Люди на самом деле голодают не в материальных вещах. *Материальное богатство очень просто: лишь немного больше технологии, немного больше науки, и люди могут быть богатыми. Настоящая проблема в том, как быть богатым внутренне.* И если вы богаты внешне, вы будете удивлены: впервые вы более остро, болезненно осознаете собственную внутреннюю бедность. Впервые весь смысл в жизни исчезает, когда вы внешне богаты, потому что теперь, по контрасту, внутреннюю бедность можно увидеть яснее. Снаружи вас окружает свет, но внутри вы остаетесь темным островом.

Богатый человек ощущает свою бедность более чем бедный, потому что у бедного человека нет контраста. Снаружи темно, внутри темно; он знает, что темнота — это и есть жизнь. Но когда снаружи есть свет, в вас появляется стремление к новому явлению: вы жаждете внутреннего света. Когда вы видите, что богатство возможно снаружи, почему вы не можете быть богаты внутри?

Живи в радости, ничем не владея, подобно сияющим.

Наслаждайся миром, наслаждайся солнцем, луной, звездами, цветами, небом, землей. Живи в радости и мире, ничем не владея. Не владей. Пользуйся, но не владей, — потому что владелец не может пользоваться. Владелец на самом деле оказывается принадлежащим своим владениям. Именно поэтому многие богатые люди становятся такими несчастными; они живут бедной жизнью. У них есть все деньги мира, но они живут бедно.

Самым богатым человеком в мире еще несколько десятилетий назад был Низам Хайдарабада — самый богатый человек в мире. Фактически его богатства были так велики, что никто не мог оценить, сколько у него их было. Его сокровищницы были полны бриллиантов; все было сделано из бриллиантов. Даже его пресс-папье было самым большим бриллиантом в мире; Кохинор по размеру составляет лишь одну треть его пресс-папье.

Когда он умер, пресс-папье нашли у него в тифле. Бриллианты никто никогда не считал, потому что их было так много. Их взвешивали, не считали — сколько килограмм, а не сколько бриллиантов — кто их мог сосчитать? Каждый год бриллианты выносили из подвалов. У него был

самый богатый дворец в Индии, но всех его крыш было недостаточно, потому что бриллианты раскладывали на крышах его дворца просто для того, чтобы каждый год дать им немного солнечного света. Но этот человек жил в таком страдании, что невозможно этому поверить; даже нищие живут лучше.

Он обычно собирал сигареты, которые выкурили и выбросили другие, — сигаретные окурки. Он не покупал себе сигарет, он собирал эти окурки и курил их. Такой скряга! Пятьдесят лет он носил одну и ту же шапку — она была грязная и вонючая! В этой шапке он и умер. Он никогда не менял одежду. И говорят, что когда он все-таки покупал одежду, то покупал в комиссионном магазине, где продавали старые, поношенные вещи. Его туфли были, наверное, самыми грязными в мире; он никогда не покупал новых.

Как же так, самый богатый человек в мире живет в таком страдании и скупости — что случилось с этим человеком? Собственничество! Собственничество было его болезнью, его манией. Он хотел владеть всем. Он скупал бриллианты во всем мире; везде, где только можно, его агенты покупали бриллианты. Просто иметь больше и больше! Но бриллианты нельзя есть — а он ел самую бедную пищу. Он так боялся, что совсем не мог спать: из-за постоянного страха, что кто-то может что-то у него украсть.

Именно поэтому пресс-папье — самый дорогой бриллиант, который у него был, в три раза тяжелее Кохинора, — был найден у него в туфле. Умирая, он спрятал его в туфлю, чтобы никто не смог его украсть, — иначе пресс-папье было бы слишком на виду, слишком бросалось бы людям в глаза. Даже умирая, он был более озабочен бриллиантами, чем собственной жизнью. Он никогда никому ничего не давал.

Это происходит с людьми, которые слишком стремятся к владению: они не пользуются вещами, вещи пользуются ими. Они не хозяева, они слуги собственных вещей. Они продолжают накапливать и умирают, даже не насладившись всем, что имели.

Живи в радости, не владея, подобно сияющим.

Живите, как будды, которые не владеют ни единой вещью, но могут пользоваться всем. Миром нужно пользоваться, не владеть. Мы приходим с пустыми руками и уходим с пустыми руками, так какой смысл чем-то владеть? Стремиться к владению уродливо — но пользуйтесь всем! Пока вы живете, пользуйтесь миром; наслаждайтесь всем, что предлагает мир, и уходите, не оглядываясь, не цепляясь за вещи.

Разумный человек пользуется жизнью, и пользуется красиво, эстетично, чувствительно. Тогда в мире есть для него много сокровищ. Он никогда не

становится привязанным, потому что в то мгновение, как ты становишься привязанным, ты засыпаешь.

Победитель сеет ненависть, потому что побежденный страдает.

Простись с победой и поражением и найди радость.

Как найти радость? Пусть исчезнут ваши амбиции; амбиции остаются преградой. Амбиции — это мероприятие эго: «Я хочу быть тем-то, чтобы у меня было то-то - больше денег, больше власти, больше престижа». Но помни: *«Победитель сеет ненависть, потому что побежденный страдает. Простись с победой и поражением и найди радость»*. Если хочешь найти радость, забудь о победе и поражении. Жизнь — это драма, игра. Играй в нее красиво, забудь о победе и поражении.

Дух настоящего спортсмена — сражаться не ради победы или поражения; это не первая его забота. Спортсмен наслаждается игрой. Это настоящий игрок. Если ты играешь, чтобы выиграть, то будешь играть с напряжением, тревогой. Тебя не заботит сама игра, ее радость и ее тайны; тебя более заботит результат. Это неправильный способ жить в мире.

Живи в мире без идей о том, что будет дальше. Будешь ли ты победителем или побежденным, это неважно. Смерть отнимет все. Побеждаешь ты или проигрываешь, это несущественно. Единственное, что важно, — и было важно всегда, — это, как ты сыграл в игру. Наслаждался ли ты ею? — самой игрой... — и тогда каждое мгновение становится мгновением радости.

Об Авторе

Учение Ошо является универсальным. Оно отвергает тематическое деление и охватывает широкий круг вопросов — от поиска человеком смысла жизни, до самых насущных современных социальных и политических проблем. Книги Ошо не записывались на бумаге - они представляют собой аудио- и видеозаписи импровизированных устных обращений к слушателям со всего мира, сделанные за тридцать пять лет.

В лондонском издании «Sunday Times» Ошо был назван одним из «1000 создателей двадцатого века», а американский писатель Том Роббинс охарактеризовал его как «самого опасного человека со времен Иисуса Христа».

Сам Ошо о своей работе сказал, что он помогает создать условия для рождения человека нового типа. Ошо часто называл такого человека «Зорба-Будда», который способен наслаждаться как земными радостями, подобно греку Зорбе, так и тихой безмятежностью Гаутамы Будды. Во всех аспектах учения Ошо присутствует идея, охватывающая как вечную мудрость Востока, так и высший потенциал западной науки и технологии.

Ошо также известен своим революционным вкладом в науку внутренней трансформации. Его подход к медитации не исключает быстрый темп современной жизни. Уникальные «Активные медитации» Ошо призваны, прежде всего, помочь освободить от стресса тело и разум, чтобы затем легче было перейти в свободное от мысли расслабленное состояние медитации.

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

